

6

июнь 2010

ВОКРУГ СВЕТА

БОРИС СТРУГАЦКИЙ

ПРЕДСТАВЛЯЕТ

АЛЬМАНАХ ФАНТАСТИКИ

ПОЛДЕНЬ XXI ВЕК

Песочница

РЕКОМЕНДОВАННАЯ
ЦЕНА 30 РУБЛЕЙ

ISSN 977-1172785900-4

9 7717 274939004

Коллектив авторов
Полдень, XXI век (июнь 2010)
Серия «Альманах Бориса Стругацкого»
«Полдень, XXI век», книга 66

Текст предоставлен правообладателем <http://www.litres.ru>
Полдень XXI век, июнь (66), 2010: Вокруг света; Москва; 2010
ISBN 978-5-98652-297-5

Аннотация

В номер включены фантастические произведения: «Песочница» А.Щеголева, «Мусоропровод» В.Томских, «Теорема Нёттер» В.Голубева, «Чуть легче» А.Кокоулина, «Итог» А.Корепанова, «Аттракцион» Ю.Косоломова.

Содержание

Колонка дежурного по номеру	4
1	5
Александр Щёголев	5
Ночь светла...	5
Асфальт и песок	7
Праздник разверзшихся врат	12
Крутануть рукоятки	13
Жизнь удалась	17
До конца и дальше	21
Ночь светла, тёмен день	24
Поиск предназначения	29
Катарсис	32
Город на песке	36
Владимир Томских	39
Владимир Голубев	45
Город Рязань, зима прошлого века	53
Город Рязань, прошлый век	57
Город Рязань, лето XXI века	64
Эпилог	70
Андрей Кокоulin	71
Сумерки	71
Алексей Корепанов	82
Юрий Косоломов	86
2	90
Илья Кузьминов	90
Антон Первушин	93
Открытие Фаэтона	93
Апофис как предчувствие	95
Космические россыпи	97
Еще один путь	97
Использованные источники	98
Дмитрий Проскуряков	101
3	107
«ABC-премия» 2010	107
Комплект серебряных стрел на лето	108
«Портал» – 2010	109
«Роскон» – 2010	111
Наши авторы	112

Альманах Бориса Стругацкого Полдень XXI век, июнь (66), 2010

Колонка дежурного по номеру

Кто виноват? И что делать?

Извечные вопросы человеческого бытия...

Если в обычном питерском дворе на месте детской площадки образуется зыбучая бездна (повесть «Песочница» Александра Щёголева), кто виноват в случившемся? Тот, кто захотел умереть и первым канул под землю? Или ты, приложивший все усилия, чтобы тот, первый, пожелал провалиться в бездну? И что делать, дабы такие «песочницы» не появлялись впредь в твоем городе?..

А как поступить, если в доме сломался мусоропровод (одноименный рассказ Владимира Томских)? Попытаться отремонтировать его? И обнаружить, что тут тоже кто-то виноват... Но можно ли говорить о вине, если мусоропроводы избавляют твой мир от кровопролития? Ведь за такое приходится платить. Иногда даже жизнью. Иногда даже из-за собственной доброты.

А что предпринять, если ты откроешь метод передвижения материальных тел, с помощью которого древние египтяне безо всяких инженерных приспособлений строили свои пирамиды («Теорема Нёттер» Владимира Голубева)? Откроешь и поймешь, что теперь ты не принадлежишь себе, что всегда найдется хозяин, готовый присвоить твои возможности и тебе нечего ему противопоставить, потому что ты инженер, а – он несколько иной человек... И кто тут виноват?.. Нет, не ты. Но именно ты найдешь возможность избежать неизбежного, казалось бы, насилия! И примешь на собственные плечи грех, свой грех, как берет на себя чужие грехи герой рассказа Андрея Кокоулина «Чуть легче».

Ему тяжело живется под таким грузом, но, наверное, и он в чем-то виноват, коли судьба выбрала его для подобной ноши. А вот герой Алексея Корепанова провинился во многом, и потому к нему в конце концов приходит человек в сером пальто, чтобы помочь очень определенным образом подвести итог жизни.

Ничего не попишешь, так устроен мир – пока жив человек, всегда и во всём кто-то виноват. Но всегда и везде можно что-то сделать, дабы избежать вины неподъемной, которую не выдержит совесть.

Извечные ответы на извечные вопросы.

И почему одни люди с раннего детства знают эти ответы, другие же, в лучшем случае, обретают подобное знание лишь на смертном одре? А многим и такое оказывается совершенно недоступно.

Николай Романецкий

1

Истории, Образы, Фантазии

Александр Щёголев

Песочница

Повесть

В «зыбучку» они вляпались на заброшенной детской площадке.

Ну бред же, бред натуральный! Город, закатанный в асфальт и бетон, утрамбованный миллионами ног и колёс, – конечно, странное место, опасностей тут хватает, но в этот список никак не входят зыбучие пески. Не иначе, материализовались выдумки какого-нибудь катафонического шизофреника. Или сама Вселенная сошла с ума.

Ночь светла...

Белая ночь. Май подходит к экватору. В четыре утра уже светло, а народу – никого, ни в спящих переулках, ни в этом укромном уголке.

Молодые люди завернули сюда, чтобы срезать угол и напрямую выскоить на проспект. В лабиринте грязных дворов и двориков, переходящих один в другой, кто-то бы потерялся, но только не они... Завернули – и встали. Вернее, сначала встал Барсуков. Лисицын пробежал пяток шагов и вернулся:

– Что замер, о путник, печально сражённый?

– Да вон, – Барсуков показал: – кепка.

Головной убор был насажен на палку, торчащую из песка. Типа флаг. В свои лучшие времена этот огрызок служил штангой футбольных ворот, а теперь кто-то использовал его как флагшток.

– Ты хочешь сказать, мой глазастый друг, что сия вещица осталась от того урода? – осведомился Лисицын.

Барсуков молча пожал плечами. Что тут говорить? Она и есть. Выцветшая заношенная бейсболка, бывшая когда-то понтовой. С зеркальным козырьком, покрытым сетью мелких трещин, с полуустрёткой надписью: «БУДЬ ДРУГОМ»... Парень, похоже, рванул тем же маршрутом. Далеко ли ушёл – непонятно. Очень бы не хотелось снова с ним столкнуться.

– Переждём, – решил Лисицын. – Хватит с нас сюрпризов, семейных драм и человеческих трагедий.

Хватит – значит хватит. Лисицын пришёл в архитектурный после армии, был на два года старше, так что командовал по праву старшинства.

Сели на качающуюся скамейку, подвешенную на ржавых цепях. Когда-то в этом дворе была нехилая детская площадка: «горка» в форме слонёнка (ныне поваленная набок), каруселька (просевшая на грунт), качели обоих видов. Футбольное мини-поле – простенькое, песком присыпанное, плавно переходящее в песочницу. У песочницы целым остался один-единственный борт – доска с торчащими гвоздями.

Кому, спрашивается, взбрело в голову устроить в помоечном углу этакое счастье? Да просто раньше на месте гаражей стояли двухэтажные жилые времянки-развалюхи, построенные ещё немцами. С тех времён осталось лишь мёртвое пространство, ограниченное

железом и двумя сумрачными брандмауэрами, расположенными под прямым углом. Окурки, бумажки, смятые жестяные банки. Изнанка мира.

«Брандмауэр» в переводе с языка архитекторов означает противопожарную стену – без окон, без дверей. Так вот, одна из здешних стен не была совсем уж глухой: на уровне второго этажа темнело окошко, единственное на весь двор, пробитое, вероятно, жильцами самовольно.

…Не сговариваясь, вытащили сигареты, закурили.

– А поведай, друг мой правдивый, что ты думаешь по поводу всего этого говна? – Лисицын потыкал большим пальцем себе за спину. – Мы капитально влипли. Ага?

– Зря сбежали, – откликнулся Барсуков с тоской. – Дурь в салате осталась. Не отбрешишься.

– Вернуться?

– Ну… если сопрём салатницу, Лосева обо всём догадается.

– Лосева… – сморщился Лисицын. – Боюсь, она и так в принципе обо всём догадалась, только не на салат грешит, а на кофе или тоник… Блин, а ведь застрияли! Мост разведён…

Было зябко. Одетые не по погоде (без курток, в простых рубашках), молодые люди чувствовали себя неуютно. Барсуков вышел через мобильник в сеть и посмотрел график разводки мостов:

– Нормально. Скоро откроют.

– Хорошо бы эту Лосеву тоже… того, – обронил Лисицын как бы невзначай.

Барсуков окаменел. Сигарету до рта не донёс, так и застыл.

– Чего – того?

– Какой ты всё-таки инфантильный, Барсуков. Того – это того.

– Одного трупа мало?

– Ну, я не знаю, – обиделся Лисицын, суматошно всплеснув руками. – Я стараюсь измыслить, как нам спастись, так и сяк прикидываю, а он мне – язвит! Молод ишшо – язвить!.. Короче. Быстро соображаем, где мы провели ночь. Во-вторых, ежели заткнуть Лосевой рот, никто не скажет, что мы были в квартире.

– А тот урод?

– А тот урод первый на подозрении. Его слово против нашего. Тем паче, когда на месте происшествия найдут какую-нить его вещицу… – Лисицын, прищурившись, посмотрел на кепку, висящую на футбольной штанге. – Ну, что приуныл, дружочек?

Барсуков заплакал.

* * *

Был ли труп? Не факт.

Воспоминания роились, как рассерженные пчёлы, забирались под череп и жалили мозг… Лосева ещё верещала наверху, выкрикная имя упавшей с балкона подруги, а парни уже сыпались вниз по лестнице, застёгивая на ходу ширинки. Окно между первым и вторым этажами было раскрыто, и Барсуков притормозил, выглянул, перегнувшись через подоконник. На асфальтовой дорожке лежала большая кукла – так ему поначалу показалось. Спустя мгновение он рассмотрел детали… зачем, спрашивается, выглядывал? И так ведь мутило. Собрался было стоянить, как вдруг тело шевельнулось… вроде бы…

Или нет?

Картина стояла перед глазами – бьющая, контрастная, – но имела ли она отношение к реальности? Не подбрасывало ли подсознание липовых дровишек в костёр надежды?

И всё-таки тело, ухнувшее с пятого этажа, слабо шевелилось…

Судя по вмятине на жестяном листе, Белкина сначала ударила о покатый козырёк над входом в подвал, – это смягчило падение. Голая. Одеться не захотела. Вожделенная плоть, бывшая час назад едва ли не смыслом жизни Барсукова, теперь вызывала отвращение и жалость. Умница, красавица Белкина… зачем же – так? Отличница, образцовая студентка. Хрупкая – словно из хрустала…

* * *

Если она осталась жива и если расскажет всё по правде, подумал Барсуков, тогда, возможно, они с Лисицыным легко отмечаются, потому что за свободный секс у нас пока не сажают. А если разбилась насмерть? Вскрытие не просто покажет, что жертва была под кайфом, но и даст представление о способе, которым кайф был доставлен в организм. И тогда…

Барсуков вытер слёзы рукавом.

– Белкину жалко, – сказал он.

– Разделяю. Симпатишная была девушка, стройная, как тополь, высокая, как кипарис.

Или наоборот.

– Может, выживет?

– Надежды юношей питают, отраду старым подают, – произнёс Лисицын с выражением.

– Кончай прикальваться, – разозлился Барсуков. – Не «надежды», а «науки». Науки питают. Грамотей… Как ты думаешь, если Белкина жива, будут ей делать тест на наркоту или нет?

– Я не прикальваюсь, дружочек. Ход твоих мыслей понятен, и чаяния твои я приветствую, но предлагаю не отдавать себя на волю обстоятельств. Удача ветрена, а нам нужны гарантии… Сбегай, принеси-ка сюда кепочку.

«Дружочек»…

Похоже, Лисицын всё для себя решил. Вернуться к Лосевой в квартиру, подбросить улику на балкон – и шито-крыто. Урод с плебейским именем Вася не отвертится. Была ли у Белкинойссора с её котиком Васей? Разумеется, была – непосредственно перед падением. Да, товарищ следователь, эти ненормальные выясняли отношения как раз на балконе. Нет-нет, самого момента не видели… А Лосева? Спала Лосева, хоть из пушки бей. Перепутала, наверное, свои сны с явью…

– Сам сбегай, – сказал Барсуков, как гавкнул.

– Что за капризы, детёныш?

– Нашёл детёныша!

– Ладно, я не гордый, – соврал Лисицын и встал со скамейки.

Он переступил через бортик бывшей песочницы… Успел дойти до футбольного поля (четыре размашистых шага), прежде чем повалился на бок и страшно закричал.

Асфальт и песок

А как всё начиналось…

Ещё днём их четвёрка была сплочённой командой, прозвываемой в университете Лесным братством, то Зверофермой – в зависимости от контекста. Иногда – Зелёным уголком, но это для своих. Никто уже не помнил, что их в своё время соединило; возможно, как раз шуточки насчёт «звериных» фамилий. Это ведь прикольно – дружить по такому принципу…

Студенты – как дети, даже выпускники.

Ещё утром они были счастливцами-дипломниками, вышедшими на финишную прямую. Именно сегодня они, вся четверка, защитили эскизы. А что такое подача эскиза? Это

когда проекты, выполненные группой, выставляются в коридоре (куча подрамников!). Идёт комиссия, составленная из преподавателей курса. Только после такого смотра готовности выпускники получают «добро» на итоговые чертежи и расходятся по мастерским, чтобы снова встретиться с преподавателями уже на финише.

Подача эскиза – это последняя ступенька перед дипломом. Большой праздник. Дальше – только уточнять и вычерчивать.

Но если праздник, то как его не отметить? Непременно отметить!

– Предлагаю поделиться друг с другом радостью, – сказал Лисицын там же, в институтском коридоре. – Свою отдаю бесплатно, просто так. Без задних, а также без передних мыслей.

– Передние мысли оставьте на июнь, мальчики, – ответила практичная Лосева.

– И всё-таки, – настаивал Лисицын. – Где вы летаете сегодня вечером, о пушинки нашего счастья? Мы с маркизом (он обнял Барсукова за плечи) откроем форточку и будем ждать западного ветра.

– Нет уж, лучше вы к нам.

Вот и договорились. Легко и естественно. Лосева – из обеспеченной семьи, в её здоровенной квартире обычно и устраивали посиделки; там был и творческий штаб, и студия для работы, и просто кино посмотреть. Вдобавок, родители Лосевой весьма кстати отбыли на неделю в Эмираты.

Некто Василий, бессменный парень Белкиной, работал нынче в ночь, смена с восьми, то есть путаться под ногами (как оно обычно происходило) не смог бы при всём желании. Это обстоятельство было особо ценным.

«Если не сейчас, то никогда», – шепнул Лисицын Барсукову.

* * *

– Помоги! – воззвал Лисицын. Тоненько, истерично. Не своим голосом, как пишут в романах.

Сработал рефлекс: Барсуков рванулся к другу-приятелю. Почему бы, спрашивается, не остаться ему на месте, не выждать секунду-другую? Может, сумел бы понять, что происходит? Нет, побежал… И словно земля ушла из-под ног. Чрезвычайно пугающее ощущение, даже сравнить не с чем. Барсуков застыл, с ужасом глядя вниз. Кроссовки провалились в песок – и продолжали проваливаться. Он выпрыгнул из обуви. Толку мало: ноги моментально увязли по лодыжку. И тогда Барсуков сделал то же, что Лисицын – упал, но не боком, а назад, на спину, попытался ползти обратно, к краю песочницы… что-то помешало.

Лисицын держал его за штанину.

И ведь были, были у Барсукова шансы вылезти! От спасительной тверди его отделяло всего ничего, в отличие от приятеля, который имел глупость забраться дальше. Несколько змеиных движений – и конец бы кошмару…

Лисицын цеплял его мёртвой хваткой:

– Вытащи меня!

– Пусти! – заорал Барсуков, неистово дергая задницей. Паникующий сокурсник не сдавался, и тогда Барсуков дотянулся, разжал его пальцы, оттолкнул чужую руку.

– Дрянь… – простонал Лисицын.

– Идиот!

Вся эта дурацкая борьба, всё эти дёрганья привели к тому, что Барсуков глубже ушёл в песок – по колени… по бедра… Упустил тот единственный миг, когда можно было вот так просто вырваться. Гигантская пасть методично и беззвучно заглатывала обе жертвы, и нечего было противопоставить этой нечеловеческой силе.

Лисицына засосало уже по пояс. Старший товарищ опережал младшего – сволочь, дурак, паникёр. Если б не он, если б не его рука...

Барсуков сорвал с себя рубашку, бросил её, как верёвку, стараясь зацепиться за остатки бортика, окружавшего когда-то песочницу. Вернее, за торчащие из древесины гвозди. Попал! Принялся подтягивать себя к берегу. Рубашка держалась. Ещё одно осторожное движение... Доска оторвалась. С-сука!.. Гниль, старьё...

Он разом провалился глубже, растеряв все отвоёванные сантиметры.

Телу было холодно и тесно. Ноги в синтетических носках быстро мерзли.

Спокойно, без паники. Подтянуть доску к себе. Длинная, метра полтора-два. Берег сходится под прямым углом. Длины доски вроде бы хватает... едва-едва, но хватает. Упереть концы в землю... Игра в миллиметрики, сдвинь чуть-чуть, и – всё.

Теперь – не шевелиться...

Барсуков застыл, навалившись на спасительную жёрдочку. Падение прекратилось, положение стабилизировалось. Лисицын сзади отчаянно воскликнул, дав «петуха»:

– Да что за хрень?!

Барсуков обмер и медленно повернул голову. Нет, ничего особенного, просто «дружочек» терзал мобильный телефон, желая дозвониться до экстренной службы.

– Не включается, гад. Промок.

– Я попробую, – загорелся Барсуков. Достал свой моноблок... Тщетно. Испорчен.

– Вода, вода, кругом вода, – сипло пропел Лисицын и закашлял. – А ведь это жопа, господа.

Вульгарность его была понятна: он ушёл в песок по грудь и, похоже, тормозить не собирался.

– Это зыбучка, а не жопа, – сказал Барсуков.

– Откуда – здесь?

– А я знаю? Почву размыло. Может, канализацию прорвало, может, водопровод.

– Я слышал, в зыбучках не тонут, а застревают, как в цементе.

– Значит, у нас что-то другое.

– У нас кошмар токсикозный. Крыша поехала в доме Облонских...

– Слушай, Облонский, – сказал Барсуков с ненавистью. – Если б ты меня за штаны не хватал, я б тебя уже вытаскивал.

– Ты бы сбежал.

– Я – не ты.

– Я – не я, ты – не ты... Это сон! – убеждённо заявил Лисицын и засмеялся. – Я сейчас проснусь!

* * *

Блюдо готовили у Барсукова. Неимущий Лисицын жил в общаге, так что ничего кроме художественного руководства предложить не мог. А у Барсукова – квартирка. Маленькая, но своя.

Сковорода злилась, трещала и плевала растительным маслом. Высыпали стакан травы и как следует это дело прожарили. Действующее вещество благополучно перешло из кононти в масло... Трава была канадской, с «мохнаткой», – продукт офф-фигеный! Содержание ТГК до двадцати процентов! Ребята из Академии художеств где-то надыбали и поделились... Затем – лук. Две здоровенные головки, мелко нарезанные, попали туда же, в кипящее и шкворчащее. Лук – обязательно, чтоб отбить специфический запах.

Готовым маслом со сковороды залили морковь по-корейски, купленную в супермаркете. Морковь по-корейски – удобная штука, ибо в мешанине специй любой посторонний вкус растворяется без остатка.

Настала очередь тоника с хиной, безалкогольного, естественно. В полуторалитровой пластиковой бутыли растворили «экстази», растолченную в порошок. (Снадобье было горьким, потому и взяли тоник.) Дилер, продавший отраву, обещал «весёлые картинки», иначе говоря, таблетки содержали, кроме стимулятора, ещё и галлюциноген.

Именно то, что надо.

С этаким набором лакомств и пошли в гости.

* * *

Звук, неуместный в этой тишине, заставил жертву встрепенуться. Как будто оконные рамы стукнули. Барсуков поиском глазами и нашёл источник звука: точно, рамы. Окно в брандмауэр – то единственное на всю стену... открылось!

Он завопил во всю мощь лёгких:

– Помогите!!!

Досочка, на которую он опирался, опасно дрогнула, чуть не сорвавшись. В окне, однако, никакого отклика. Даже свет не зажёгся.

– Вызовите милицию!

Из тьмы выплыл человеческий силуэт, застыл у подоконника... женщина... да, женщина или девушка. С каким-то предметом, поднесённым к лицу... Несколько секунд Барсуков напряжённо всматривался, прежде чем понял, что же это такое у неё в руках.

Видеокамера.

Жительница двора снимала происходящее на видео.

– Вы там сдурали?!! Позвоните кого-нибудь!!!

– Спокойно, это глюки, – мёртвым голосом произнёс Лисицын. – Штырево не рассчитали. Утром проснёмся – обо-ржёмся... если проснёмся...

– Девушка, ну пожалуйста! – Барсуков помахал рукой и опять чуть не сорвался.

Вот теперь реакция была. Хозяйка окна отступила, не прекращая съёмку, и скрылась из виду. Стеснительная, наверное. А рамы распахнула, чтобы качество картинки было лучше... Может, и вправду глюки?

Барсуков оглянулся на Лисицына. Тот погрузился в песок по плечи. Приятеля засасывало неудержимо и жутко, жить ему оставалось всего ничего.

– А я, представь, обделался, – доверительно сообщил Лисицын. – Натуральным образом. И по-большому, и по-маленькуму... Чего не ржёшь? – Он хихикнул.

– А надо?

– Не знаю. Даже в армии не было так страшно. Загнали взвод в болото и заставили просидеть там полные девять суток. Проверяли, кто из нас выживет и с катушек не съедет. Чуть дуба не дали, и вот – снова. Продолжение, как говорится, преследует... – Он всхлипнул. – Как ты думаешь, за что нас так?

– В каком смысле?

– Ну не случайно же вся эта чертовщина.

– Кто-то умный сказал: посади мужика в тюрьму на пятнадцать лет без объяснения причин, он в глубине души будет знать, за что.

– Ты ведь жалеешь, как мы с девчонками поступили?

– Иди к чёрту.

– Иду. Куда тут ещё идти-то. Внизу – ад. Он всегда внизу, под ногами. Чем ниже сползаешь, тем ближе к аду. Вся наша жизнь – спуск вниз, даже если тебе кажется, что ты ползёшь

наверх... – Утопающий выстукивал зубами чечётку. Он бормотал и бормотал и, похоже, остановиться больше не мог. Процесс непроизвольного опорожнения кишечника привёл к закономерному итогу: Лисицыну приспичило опорожнить душу.

Жалел ли Барсуков о сделанном? Сердце щемило, стоило только вспомнить про Белкину, а также про бело-розовую куклу, шевелящуюся на асфальте. И даже нынешний ирреальный кошмар не мог вытеснить эту боль, этот стыд...

Но если восстановить в памяти всю ночь целиком, во всей совокупности кайфа и грязи, разве не захотелось бы герою пройти этот путь заново – вплоть до песчаной трясины? Кто знает...

— Так что не жалей ни о чём, иначе подыхать тошно, — донесся до него лихорадочный шёпот.

Праздник разверзшихся врат

Ах, Белкина, Белкина... Простая и непостижимая. Близкая и недоступная. Девочка-виденье...

Барсуков был влюблён.

Полгода — да что там, уже год! — они с ЛисицЫным тщетно пытались подпоить несговорчивых согруппниц. Лисицын давно облизывался на Лосеву; не то чтобы запал на неё, однако был не прочь. Барсуков же медленно сходил с ума. Белкина его откровенно использовала, и все это прекрасно понимали. Взглядами, улыбками, прикосновениями она как бы обещала нечто взамен — и умело играла в непонятки, стоило проявить хоть какую-то инициативу. Динамщица — так это называется... Барсуков готовил подачи, делал ей обводки и отмычки, дарил идеи проектов. Даже клаузуру дипломного проекта (городок молодых животноводов) она нарисовала, пользуясь его почеркушками!.. И что? Ничего, кроме спасибо.

Барсуков, мало того, договорился со своей матерью, начальницей архитектурной мастерской, насчёт подробного макета! Белкина как раз сегодня ходила туда с эскизом...

И пусть у неё был парень, с которым она жила фактически гражданским браком, — пусть. Полное убожество. Девять классов образования, пьющий ревнивец. Вдобавок провинциал — откуда-то из-под Вологды. На прямой вопрос, что в нём особенного, Белкина отвечала уклончиво: дескать, просто люблю его... Ну не отговорка ли? Чистейшая отговорка!

Так вот, к вопросу о спиртном. Девчонки не пили. Соки, лимонады, чай, кофе, это пожалуйста, а чуть покрепче — гранитное «нет». Строгих, видите ли, правил. И строгость эта распространялась на всё прочее! Увы, шалости, до которых парни столь охочи, они поддерживали только на словах — в двусмысленном шутейном трёпе. А чуть всерьёз — дистанция блюлась жестко: дескать, мы ведь друзья, разве этого мало? Лесное братство, называется... Какая-такая «дружба» может быть между парнем и девчонкой в 23–24?!! Да и вообще, дружба — это что, препятствие для нормальной человеческой близости?

Бред, короче.

В конце концов, при таком перманентном обломе, завалить Лосеву стало для азартного ЛисицЫна чуть ли не спортом. Что касается Барсукова, то он, страдалец, дозрел до того странного состояния, когда страсть дополняется ненавистью. В таком состоянии мужики готовы на всё.

А к чему ещё эта издевательская ситуация могла привести?

Рано или поздно гнойник прорывается.

* * *

Напоить — верное средство добиться от женщины ответного чувства хотя бы на несколько минут. Но что делать с прелестницей, которая категорически отказывается от алкоголя? Которая дразнит, а дальше — ни в какую... Ответ: напоить тайком.

И не обязательно спиртным. Напоить — это в широком смысле.

Зря, что ли, продвинутые люди придумали химию, безвредную и весёлую...

...Сигарету с «травкой» девчонки прочухали бы с первого прикура, так что этот способ не годился. Единственный путь к их мозгам лежал через запасной вход, то есть через пищеварительный тракт. Фокус с салатом, заправленным специальным маслом, предложил бывалый Лисицын. Говорит, однажды проделывал такое. Марихуана — как стартёр, запускает процесс, смещает сознание. Только одной «травки», к сожалению, мало, на либидо

она не действует. Нужно добавить стимулятор, сказал Лисицын. Например, амфетамин, оборот которого практически легален. Ещё лучше «экстази» – амфетамин с глюками. В сочетании с «травой» это средство просто взорвёт реальность; главное, самим принять поменьше, потому как на потенцию всё это влияет не в ту сторону...

А когда Барсуков засомневался, озабоченный моральной стороной дела, старший товарищ доказал на пальцах, что тот не сечёт фишку. Сколько женщину не пои, объяснил Лисицын, она не возляжет с тобой на ложе, на ковёр или на кухонный стол, если в глубине подсознания этого не хочет. Алкоголь только растормаживает спящие в ней желания. Ровно то же с наркотой. Если Белкина ДЕЙСТВИТЕЛЬНО такая однолюбка, какой себя выставляет, никакая химия не пробьёт её на трах с посторонним. А если пробило – значит, сама хотела. Ещё и благодарна будет...

Барсуков согласился.

Оставалось найти повод. Дождаться дня, когда группа торжественно спихнёт эскиз, и – приятного аппетита, подруги...

* * *

Лисицын тонул.

Утончённый интеллектуал, пижон и циник. Местами – остряк. Прирождённый гуляка, генератор всех затей, которыми славилась эта парочка. Тонул – без помощи, без надежды...

Во дворе по-прежнему никого. Барсуков всецело занят своими проблемами. Стерва с видеокамерой то проявляется в оконном проёме, то растворяется во тьме комнаты.

– Не хочу... пожалуйста, не хочу... Сегодня циник был жалок.

Из песка торчали только голова и руки. Всё – серого цвета. Руками он пытался найти хоть какую-то опору, думая замедлить падение в бездну.

– Это конец, Барсуков...

Да уж, ничего в нём от пижона не осталось: один концентрированный ужас. Стремительно бежали секунды. Человека неудержимо тащило в глубину, к центру Земли.

В ад.

Лисицын завыл. Трусливый зверёк, живущий в каждом из нас, больше не верил в слова. Ещё несколько секунд – и над поверхностью осталось плоское лицо, на котором бешено метались глаза. Рот, живший как будто отдельно от этого лица, сражался с песком. Барсуков отвернулся.

– Помо... – выдохнул утопающий. Барсуков зажмурился.

– ...ги...

Всё.

Тишина стала абсолютной.

Крутануть рукоятки

– Привет.

Девочка стояла возле песочницы. Как появилась, когда подошла, Барсуков не заметил: наверное, слишком был увлечён трагическим зрелищем. Гибнущий на твоих глазах товарищ – это сильная сцена.

– Привет, – механически отозвался он, не сразу врубаясь, что к чему.

– Тонешь? – спросила девочка. Он вдруг осознал.

– О Господи! Стой, ты мне сейчас поможешь...

– Я? – удивилась она.

– Принеси какую-нибудь доску подлиннее. Поищи сбоку от гаражей. Или трубу какую-нибудь, знаешь, такие тонкие, от водопровода...

– Почему?

– Если ржавая, бери, не бойся. Только поскорее! – жарко закончил он.

– Почему я тебе помогу? На секунду он оторопел.

– Как – почему?

– Ты уверен, что я тебе помогу. Почему? – Она смотрела на него с любопытством.

Малышка на вид девять или десять... а может, все двенадцать, поди разбери. Тощая, мелкая. Одета очень характерно: в несвежую большую куртку с подвёрнутыми рукавами, в джинсы, обрезанные внизу. Кроссовки размера на два больше и с верёвками вместо шнурков. Куртка расстегнута, под ней – футболка непонятного цвета. Бомжует ребёнок. Несчастное существо, дитя нашего времени.

– Милая, хорошая, не знаю, как тебя зовут... Если ты ничего не сделаешь, я умру. Понимаешь? Сдохну.

– Мотылькова.

– Чего?

– Мотылькова моя фамилия. Но тётки прозвали Птахой.

Девочка подобрала камень, кинула его на детскую площадку и понаблюдала, как песок поглощает это новое угощение.

Руку её возле кисти украшал бубенчик на тесёмках. Фишка такая. Подростки не могут не подчёркнуть лишний раз свою индивидуальность, особенно девчонки – какой-нибудь заколкой, пуговицей... Тесёмки были завязаны бантом, а бубенчик был тусклый, обшарпанный – других на помойке не найдёшь, – он не звякал, а шуршал. Барсуков взмолился:

– Ну не стой ты столбом! Кабель найди или провод. Один конец привяжи к скамейке, другой – мне брось... а лучше всего – беги на проспект и кого-нибудь приведи...

Она молча двинулась с места. Только направила стопы вовсе не на свалку или вглубь проходных дворов, а по краю детской площадки; сначала – вдоль песочницы, потом осторожно вступила на футбольное поле, проверяя носком кроссовки каждый шаг. Хочет определить границы «линзы», догадался Барсуков, – или как там эта зыбучая хрень правильно называется? Конечно, самое время.

– Откуда ты такая взялась, – прошептал он себе в нос. Малышка услышала.

– Живу в том подвале, – она показала на один из брандмауэров. – Видишь, щели внизу? Это окошки в подвал. Проснулась от криков, пошла посмотреть. Подъезд с другой стороны дома.

Странно она всё-таки изъяснялась, как взрослый человек, а не как ребёнок. Что добавляло происходящему бредовости. И так-то Барсуков с большим трудом удерживал себя в реальности, каждую секунду рискуя соскочить с этой тонкой грани, но появление аномальной бродяжки с её издевательскими «почему?» лишало его воли к жизни... Он не выдержал:

– Ну что за двор такой? Полтора человека, и те чокнутые!!!

– Много таких дворов. Я видела и хуже.

– И везде смерть на видео снимают?

– А, ты про эту, из девятой квартиры.

– Про неё тоже, про тварь поганую. Что, во двор трудно выйти?

– На улицу она не выходит, только в сеть.

– А позвонить в службу спасения?

– Телефонным соединением давно не пользуется, только выделенкой...

Девочка добрела уже до бывших футбольных ворот и сняла висящую на штанге кепку. Половина пути была ею освоена, пределы зыбучки вырисовывались теперь довольно ясно. Но чем это могло помочь попавшему в ловушку беглецу?

Сил почти не осталось, ни физических, ни душевных. Вдобавок Барсуков совершенно промёрз. Ноги заледенели, тело теряло чувствительность. Руки ещё держали, но это, похоже, ненадолго. Если ничего не предпринять, то организм скоро скажет «отстань, противный» и, прощально пукнув, отправится вдогонку за ЛисицЫнъ... .

* * *

Вечер и ночь вышли на славу. Особенно ночь.

Сидели в квартире у Лосевой. Два мальчика плюс две девочки – без пап и мам. На полу, на диване и креслах валялись черновики будущих пояснительных записок и всевозможные наброски-почеркушки, на столике было выставлено незамысловатое угождение (бутерброды, крекеры).

– Что это? – хором воскликнула женская половина компании, когда из сумки появилось блюдо-сюрприз.

Морковь по-корейски, освобождённая от целлофана, отлично пошла под тоник с хиной. Проголодавшиеся красавицы уминали остренько в четыре руки, запивая всё это сладко-горькой газировкой. Кавалеры, как истинные джентльмены, уступили им право дегустаторов.

– А теперь серьезно, – вещал ЛисицЫнъ. – Все встали и сделали лица. Мы выдержали эту часть испытаний, я говорю про творческую мысль величиной метр на метр, заключённую в наших эскизах. Проекты из журналов не передирали, законные требования комиссии удовлетворили... Удовлетворили. Фу, какая двусмысленность... Но! Любое хорошее дело обязательно оставляет в душе мутный осадок. Всё ближе день, когда нас разбросает по городам и весям. Так повернём же все рукоятки вправо, до упора, как призывали когда-то хиппи, последние носители любви!

– Не дождется, гражданин Гадюкин, – откликнулась Лосева. – Гадюкин – это не ты, это цитата.

– Белкина, а ты что думаешь о рукоятках любви? Молви чего-нибудь. Можно всего три слова, три магических слова, которые женщина обычно говорит мужчине.

– Вот они: «Пошел вон, дурак»...

Каннабинолы всасывались в кровь, концентрация дури в масле была высокая, так что девочки быстро поплыли без вина, теряя над собой контроль. Всё, как обещал ЛисицЫнъ. Не пьют, а пьянеют. Мужик сказал – мужик сделал. Хорошо, что тошнить никого не начало, а то могло. А потом... потом в беззащитные мозги ударил амфетамин из тоника. С «весёлыми картинками» в качестве бонуса...

Пульсировала клубная музыка, способная сама по себе ввести человека в транс. Не зря этой дрянью пропитывают танцполы – чтоб клиентов штырило с гарантией. ЛисицЫнъ врубил музон, когда пришло время, вдобавок, сладострастно вывел громкость на полную. «Все рукоятки вправо...»

А скрытые желания, как выяснилось, студенток и вправду переполняли. Лосевой сорвало тормоза сразу, будто и не было их, тормозов. Вот уж кто сдерживал свою истинную природу! Ясно, почему она избегала спиртного. Принялась осторожно кидаться диванными подушками, потом, исполнив заднюю подножку, повалила на них Барсукова. На поцелуи отвечала пять за один. Целовалась, как кобра – бросками. ЛисицЫнъ пристроился без спросу, медленно снимая с барышни свитер. Она извивалась, выписывая задницей восьмёрки. Белкина застягала, стоя на четвереньках, – сосредоточенно подсчитывала паркетины красного цвета в мозаичном паркете, – о ней вспомнили и вернули в компанию, влили остатки тоника... С Белкиной пришлось повозиться: пасть перед ней на колени, провозгласить её королевой, поцеловать коленку. Целовали сквозь джинсы. Потом ей сказали: повелел-

вай! Помогли залезть на стул – оттуда удобнее повелевать. И принялись в два голоса вымаливать разрешение развязать декоративный поясок на её кофточке (кофточка была на кулисках с бамбушками). Королева милостиво позволила. И пока Барсуков зубами развязывал кулиски, Лисицын объяснил Белкиной, что к чему. Здесь, в этом дворце, она – всё. Нет, не так: здесь она ВСЁ. А там – никто, пустой штамп на ватмане. Где – там? Да у Васи, где! Там её чморят ревностью и бытом. Чморят ведь? Чморят. (Повторяю все вместе!) Чморят! Лодка любви давно разбилась о быт...

Убалтывать баб – это конёк Лисицына. Слова, им произносимые и повторяемые Барсуковым, словно приподымали бывшую недотрогу. Безо всяких «словно». Вот она уже парит под потолком, раскинув эфирные крылья расстёгнутой кофточки. Где-то внизу ползает Лосева, заражая всех безумием и хохотом... Поданные хватают взлетевшую королеву за джинсы и тянут на себя. Она брыкается, играет длинными ногами. Джинсы не даются, их надежно держит пуговка и застёжка – «молния». Лосева, защищая подругу, душит Лисицына лифчиком. Полный отвяж и расколбас!.. И вдруг, отпустив добычу, в красивом прыжке Лосева ловит Белкину, прижимает её к полу. «Пуговку – зубами!» – командует Лисицын, и Барсуков – тут как тут...

Когда терять, кроме трусиков, было уже нечего, сдалась и королева.
И всё завертелось...

* * *

Надеяться не на кого, подстёгивал себя Барсуков. Что, если рискнуть, передвинуть доску поближе к углу площадки? Маленький осторожный рывочек. Если удастся – повторить. Сантиметр за сантиметром – к берегу. Ну-ка...

Оба края доски соскочили.
Блин!

Пока он в панике и суете восстановливал статус кво – просел едва не по плечи. Держаться стало гораздо труднее, вдобавок, в доске наметилась трещина. Гнилое дерево опасно потрескивало. Руки получили хорошую порцию заноз и ссадин. Ноги без опоры остро ощущали разверзшуюся внизу бездну...

Ад, о котором говорил Лисицын.

– Не получилось? – сочувственно сказала девочка. Она, оказывается, уже вернулась: смотрела сверху вниз.

– Нашла бесплатное шоу? – взъярился он. – Взрослый мужик вот-вот пустит пузыри у тебя под ногами!

– Я много раз видела, как пускают пузыри. Так себе шоу.

И опять Барсуков попал в лёгкий ступор. Вот тебе и «птаха»... Что сказать ребёнку, который видел, как умирают, какими словами пробить коросту его безразличия?

– У тебя есть родственники? – бросил он наугад.

– Был брат, но я его не помню. В детдоме когда-то сказали, что он сидит в тюрьме, но я не верю. Это они со зла.

– А родители?

Она не ответила. Тряхнула рукой, словно проверяя, на месте ли её фирменное украшение. Бубенчик отзывался натужным шуршанием. Почистить бы его: в металлический шарик набилась пыль и грязь...

– Ладно, извини. Если бы сейчас твой браттонул, ты бы протянула ему руку?

– Ты – не мой брат.

Это был тупик. Хотелось выть. Перепуганный зверёк, запертый в груди, требовал выпустить его на волю... Барсуков спросил, страшась ответа:

– Ты что, совсем не хочешь мне помочь?
– Какая разница, чего я хочу. Не это важно.
– А что, что важно?!? – проорал он.
– Важно, что мы делаем, а не то, что мы хотим. Вот, например, ты.
– Что – я?
– Ты потом съездишь на Автовокзал?
– Когда – потом?
– Ну, потом. Когда вымоешься, выспишься, позавтракаешь...
– Зачем?
– Вот видишь, даже не знаешь – зачем.

Барсуков вдруг ощутил себя полным идиотом. Бред множился, пускал побеги, поворачивался новыми гранями, бред засасывал почище зыбучки, и было большой ошибкой податься ему.

– После того, как я вымоюсь и позавтракаю, – всё, что пожелаете, – желчно сказал он. – Удоcherю вас, милая барышня. Завещаю квартиру и свой любимый аэробраф...

– Отдай кошелёк.
– Опа! Если отдашь, ты мне поможешь?

– Нет.

«НЕТ, НЕТ, НЕТ...»

Что это – эхо во дворике или навязчивые повторы в мозгу жертвы? Психоз вскрыл череп и помешивал мысли ложечкой. «Она не поможет... Это конец... Не поможет... Конец...»

Уцепившись понадёжнее за шаткую жёрдочку, Барсуков подтянул свою рубашку, застрявшую в тёмной массе. Кожаный бумажник лежал в нагрудном кармане.

– Забирай, – сказал он, бросая бумажник на грунт. – Деньги протри, накупи себе сладостей и съешь их за упокой моей души.

Бродяжка, однако, ничуть не заинтересовалась добычей. Она присела перед Барсуковым на корточки и задумчиво произнесла:

– А может, помогу.

Жизнь удалась

Со стороны проспекта донеслись звуки сирены: пронзили ночной воздух и смолкли. Через минуту сирена проявилась где-то неподалёку: вякнула и опять заткнулась. Милиция или «скорая»? Видимо, второе. Реанимобиль пробирается к Белкиной, петляя в узких исторических переулках... Сколько прошло времени – пять минут, полчаса, час?

– Это ты вызвал «скорую»? – спросила девочка.
– Нет.
– А почему?

Вопрос ввёл Барсукова в ступор. Очередное «почему». Действительно, что мешало им с Лисицыным позвонить по ноль-три? Хотя бы отсюда, из дворика. Только глупость и трусость.

– Потому что я подлец... – прошептал он.
– А по-моему, ты просто ешё маленький. Как я, – вынесла пигалица приговор.
– То есть не могу отвечать за поступки?
– Отвечать – это не ко мне. Главное, жив до сих пор. Бог щадит своих детей... по возможности. Пока ты не сделал того, для чего родился, будешь жив.

– Вот и Лисицын говорил, что я инфантильный... Слушай, ты такая странная, что в дрожь бросает. Или это от холода? Как тебя... Мотылькова. Ты бы решала поскорей, поможешь мне или нет. Руки немеют... блин... долго я тут не провишу...

– Думай о чём-нибудь хорошем, легче терпеть, – посоветовала девочка на полном серьёзе.

О чём-нибудь хорошем? Запросто.

Когда я вырасту, пообещал себе Барсуков, клацая зубами, я буду спать только со своими женщинами. С чужими – Боже упаси. Ни-ни.

* * *

Трахать женщину, в которую влюблён, – это счастье, и так ли важно, какой ценой получено её согласие?

Подробности минувшей ночи, увы, помнились фрагментами, всё-таки Барсуков с Лисицыным тоже вкусили весёлых картинок. Ужин подействовал убийно – даже на них, даже в малой дозе...

Музон взбалтывал квартиру, как миксер, электронный пульс гонял по венам тепло и свет. Всё было позитивно. Всё было лучше, чем есть на самом деле. Переползали из комнаты в комнату (кто-то плыл, кто-то летел, кто-то просачивался сквозь стены); дверей в квартире почти не было – свободная планировка. Лосева рисовала портрет Барсукова на ягодицах у Лисицына (кисточкой и гуашью). Лисицын в качестве ответной любезности рисовал голубку Пикассо на груди у Лосевой – на левой, над сердцем. Что ещё? Сидя в джакузи, орали песню «Я пью до дна за тех, кто в море». Лисицын лил на девушек изумрудный «тархун» и творил очередную речь, перекрикивая поющих: «Принцессы Космоса, большеглазые и длинноязыкие! Мы, ваша пища, переварены и готовы к употреблению! Поднимем за это бокалы с праздничной зеленою слизью!..» В родительской спальне нашлась наконец кровать – размером с авианосец – там и легли в дрейф... Воспоминания фантастичны.

«Поплавшие» девчонки выделявали такое, чего, наверное, никогда бы не сделали по трезвости. Причём, как заверял Лисицын, наутро мало что смогли бы рассказать.

Воспоминания – это сон...

Дожить до утра не дал парень по имени Вася, сожитель Белкиной. Явился среди ночи, открыв дверь своим ключом. Откуда и зачем у него ключ от чужой квартиры? Не иначе, собирался при случае обнести богатеньких ротозеев. А чего ещё ожидать от ничтожества, от лузера, озабоченного в жизни только одним: как срубить деньжат на прокорм безмозглого тела.

Он прогулялся по квартире, тупо собирая раскиданное бельё, пока не оказался в спальне. Тут-то Белкина и очнулась – словно почуяла. Вскочила, трогательно прикрывшись простынёй, сдёрнутой с Барсукова.

Молчание тянулось добрую минуту. Компания мучительно трезвела.

– Мобильники не отвечали, – объяснил пришелец, глядя в пол. – Ни твой, ни у твоих друзей. И городской телефон не снимали.

– Васенька... – сказала Белкина.

– Нормально. – Он попытался улыбнуться. – Жизнь удалась.

– Васенька, подожди!

Он ушёл, громко шаркая. Поднимать ноги – не оказалось сил.

Белкина бросилась было следом, но встала на пороге комнаты, растерянно озирая себя. Потом она странно посмотрела на всех оставшихся и ушла почему-то совсем не в ту сторону – в холл.

– Разведка обосра... в общем, случился досадный сбой, – изрёк Лисицын, потянувшись.

Лосева тычком свалила его с кровати:

– Кретин!

– А чего? Это была грустная, а также печальная шутка. Лосева сорвала с вешалки мамин халатик, влезла в него, с трудом попадая руками, подпоясалась... в общем, опоздала.

Бежать надо было сразу. Когда из холла выплеснулось её отчаянное: «Куда??!! Что ты делаешь??!!», когда призыв не дурить превратился в визг, Лисицын выразился кратко: – Делаем ноги.

* * *

А ведь она и вправду решает, спасать меня или нет, внезапно понял Барсуков, обмирая от ужаса. Решает, достоин ли. Тянет время, испытывает меня, а сама думает, изучает червяка под своими ногами... взвешивает «за» и «против»... Он еле удержался, чтобы не завопить.

Кто ты для маленькой, хлебнувшей горя девочки? Чужак. Возможно – враг, о чём сам не подозреваешь. И как добиться, чтобы она отнеслась к тебе, как к родному? Как к брату? Вот вопрос...

Да очень просто, подумал Барсуков – и поразился возникшей в голове ясности. Для начала нужно полюбить её как сестру...

Боже, что за бред?

– Мозги зависают, – признался он растерянно. – Замкнуло что-то. Если честно, я боюсь тебя больше, чем этого пакостного песка.

– А что со мной не так?

– Да всё! Как с инопланетянкой говорю. Она состроила рожу:

– «Инопланетянка»! Ты смешной... Отец мой спился, и мама его бросила. Он замёрз на улице, пьяный был. Мама умерла, когда меня рожала. Моему брату было тогда лет десять. Меня отдали в Дом малютки, брата в детдом. Он придумал себе, что в смерти мамы виновата я – не родилась бы, ничего бы не случилось. Так что больше я его не видела... Это мне всё классная рассказала – в воспитательных целях.

– Педагог херов... Ты давно сбежала?

– Последний раз в марте. Тошно там, сил нет терпеть.

– И сколько тебе лет?

– Было написано – одиннадцать. На самом деле, наверное, больше. Ну и как тебе история?

– Ужас.

– Обычная, по-моему...

Да уж, обычная. Пустяки, дело житейское, как вещал один сказочный ёптилист.

Барсуков попытался поставить себя на место девочки – и не смог.

Мысли путались. Было плохо. Острая грань доски резала грудь, руки едва ощущались... Зверски хотелось жить.

И тогда он начал рассказывать сам, без начала и предисловий, первое, что приходило на ум, – лишь бы не опоздать, лишь бы убедить эту малолетнюю мучительницу... или мученицу?.. в чём? В чём убедить?! Да в том, что он – не конченый человек, в чём же ещё... Ведь почему Белкина так поступила, почему бросилась с балкона? Вовсе не из-за крушения какой-то там суки-любви, а просто кайф оказался сломанным. И пришёл *стрём*... Пусть не по своей воле она обдолбалась, пусть её пришлось долго и с выдумкой убалтывать, но ведь она *позволила* себя уболтать! Она хотела стать королевой – на час. Её самолюбие, задетое ловким Лисицыным, оказалось сильнее её же принципов, и дело не в том, что два подлеца на

этом сыграли, а в том, что принципы-то, значит, чахленькие. А уж дальше она оттягивалась наравне со всеми – добровольно... Вот и получила жестокую «измену», когда припёрся её Вася, то бишь страх жгучий и тоску смертную. Если под кайфом происходит что-то неправильное, противу твоей природы, «измена» гарантирована. Предательское состояние. На его пике – чего только люди не отшёлушкивают! От слабости это, а не от силы. Никаких вам шекспировских драм. Тривиально, господа.

Несчастный случай...

– Не всё ли равно, что ты там натворил? – перебили его. – Кому какое дело.

– Ну как же... Человек погиб. Или искалечен...

– У твоей Белкиной был выбор, и она выбрала. Ей отвечать, а не тебе. Как и за нерождённое дитё, которое она от тебя бы понесла.

Кто это сказал? Чьи были слова, неужели всё той же малявки? Или – почудилось, прислушалось? Невозможно понять... В голове бешено крутилась спираль галактики, космос сотрясали удары колокола. Звон разрывал реальность на куски. Чёрная воронка спускалась с неба, смазывая дома, улицы, воспоминания, прекрасные картины будущего...

– Я больше не могу, – прошептал Барсуков. – Уплываю... блин...

Тела не существовало. Сердце стучало где-то отдельно. В глазах темнело. Девочка превратилась в размытое пятно.

– Лови, это теперь твоё, – сказало пятно. – Храни на память.

Речь шла о кепке. Присев на четвереньки и вытянувшись, бродяжка попробовала водрузить злосчастный трофей Барсукову на голову. Не дотянулась. Тогда – аккуратно набро-

сила. Кепка, оседлав на миг макушку, съехала набок, на ухо. Так и застяла – козырьком в зенит.

В этот момент силы окончательно отказали студенту: скрюченные пальцы разжались.

– Пусть тебе повезёт... сестричка... – озвучил он свою последнюю волю.

Отдалившись берег медленно пополз вверх.

– А я бы тебя нарисовал... такую потустороннюю...

Кого бы он нарисовал? Девочки уже не было в поле видимости: только что маячила перед глазами, и вдруг – пусто.

Господа, вы звери! – сказал кто-то им всем... Ну да, мы звери. Лесная чаща, уголок живой природы. Не зря ж предки проштамповали в наших паспортах этакие фамилии. А кто не зверь, пусть первый обнажит клыки...

Это конец, вспомнил Барсуков предсмертное бормотание Лисицына. Ну и ладно, и пусть конец. Лучшая услуга, оказанная подлецу, – дать ему сдохнуть тихо и незаметно, без зрителей.

Прежде чем воронка пожрала его рассудок, он сказал:

– Жаль, не успел...

До конца и дальше

Качаясь, как пьяный, он вошёл под арку.

Дворик, похожий на дно высохшего колодца... Тишина, покой, оторванность от мира. Никаких окон. Никаких людей, провалитесь вы все. Куда идти, зачем?

На ватных ногах он проследовал мимо скамейки- качели, мимо поваленной «горки», мимо карусели. Оказался в центре детской площадки, где и сел на корточки, обхватив голову руками.

Что же ты наделала, подумал он. Эта страшная кровать, эти потные тела, спящие вполвальку... Смогу ли я называть тебя «любимой»? Смогу ли я смотреть на тебя?

Смерть, катастрофа.

Твои дружки-студенты презирают таких, как я, – вспомнил он. Вспомнил их взгляды и подколы. Они откровенно смеялись – над ним самим, над его именем и даже над его кепчонкой. Они все – умники и творцы, соль земли русской, суперэлита твёрдых сортов, – живут на мамочкины и папочкины деньги, а учатся за счёт налогов, которые отдают им работяги вроде него. Иждивенцы... Он содрал с себя бейсболку. «БУДЬ ДРУГОМ». Кто придумывает такие лживые девизы? Хорошо, что не купился в своё время на надпись «ЛЮБОВЬ НАВЕКИ». Друг – это паразит, жрущий тебя незаметно и мелкими кусочками. Любимая женщина – это нечисть, делающая тебя посмешищем...

Он вскочил, подбежал к торчащей из песка палке и насадил кепку на острый скол. В головном уборе что-то хрустнуло, порвалось... ну и хрен ли... Он бесцельно побрёл, нарезая круги по площадке, поддавая собачье дермо и загребая песок носками туфель.

Что с ним случилось в квартире? Нормальный вологодский паренек устроил бы там нехилый мордобой с использованием подручных предметов. Бить голых и напуганных – легко, приятно и весело. Знаем, били. Порвать пасть кобелю, вскочившему на твою бабу, – святое дело. И если б не она... если б не ОНА... с любой другой – так бы всё и было.

Слизняк. Ненавижу себя...

Он вынул из нагрудного кармана чёрно-белое фото. Родители. Молодые ещё, красивые. Одним движением разорвал карточку надвое. Получилось поразительно ровно: мать осталась на левой половине, отец – на правой. Смял обрывки, швырнул под ноги. Ненавижу...

Двадцать восемь лет корова языком слизнула. Матери на него всегда было плевать, у неё свои алмазы в небесах. Детские друзья дальше стакана не видят. Папаша где-то

бродит по миру, говорили – снова женился, говорили – помер... Жизни нет и не было. А думал-то – вот оно, наладилось... Впервые он увидел ЕЁ в Вологде, на площади у Областной картинной галереи. Есть в городе такая достопримечательность; мать как раз служила там искусствоведом. ОНА приехала на Вологодщину, увлекшись каким-то там «тотемским барокко», а в галерею зашла посмотреть фото, посидеть в архиве... Познакомились, обменялись телефонами. И вроде бы забылось это мимолётное знакомство. Он решился наконец: свалил с малой родины нахрен, перебрался в северную столицу, рассчитывая познакомиться с хорошей одинокой женщиной, желательно старше себя, можно с ребёнком, лишь бы зрелой была, ценящей трудолюбивых мужиков; так вот, первое, что он сделал, приехав сюда – позвонил ЕЙ. И жизнь вернулась... Утащил любимую от родителей, снял квартиру для совместного проживания – вместо того чтобы поселиться на готовенько, как планировал. Пошёл на стройку, закрепился в одной из шабашкиных бригад... Всё рухнуло.

Любимая женщина предупредила его: сегодня дружеские посиделки. Без выпивки, само собой. Как не поверишь насчёт «дружеских»? Она ж принципиально не пьёт, панически этого боится. Был тяжёлый опыт. Однажды рассказала, как школьницей-малолеткой затащили её на пьянку, ну и, в общем... лучше бы не рассказывала. Был бы пистолет – пошёл бы искать подонков. Столько лет она уживалась с отвратительными воспоминаниями, и вот – нате. Второй круг. Получается, не такие уж они отвратительные – те воспоминания...

Он застонал.

Остановился, раскачиваясь.

Знал ведь, чувствовал! Суперэлита спаривается легко и естественно, как кролики. Убить их надо было, столичных ботаников...

Молодой мужчина выдрал из рабочих штанов ключ от чужой квартиры, с размаху воткнул его в землю и ввинтил по самую головку: «Открывайте, твари!»

Заколотил ногой в землю – словно в люк стучал. Похоже, чуточку сошёл с ума. Или не чуточку...

Откуда у него ключ? Ну, было дело: его Любимая на пару с подружкой занималась курсовым проектом в этой их шикарной квартире – что-то чертили. Отвлекаться не могли, поэтому за сигаретами послали в универсам его. Ключ дали, чтоб самим к дверям не бегать. А он возьми и сделай копию, благо в универсаме слесарная будка стояла... Мать часто говорила – любопытство тебя погубит. Но разве желание контролировать свою Любимую – это плохо? Это можно и даже нужно. Отслеживать содержимое мобильника, читать электронную переписку – просто чтоб быть в курсе и держать руку на пульсе жизни. Иметь ключ от квартиры, где она застrevает по ночам, – на всякий случай. На такой случай, как сегодня. Не любопытство это, а долг. Прийти внезапно и посмотреть, чем они там занимаются... вот и посмотрел... докаркалась ты, мама...

«А-а-а! – упал он на колени и уткнулся лбом в загаженный песок. – А-а-а, не могу!.. Что же это...»

Ведь хотели ребёнка. Откладывали... срок себе установили – сразу после диплома...

Всё было не так. Криво, глупо, бездарно. Из холодильника фреон вытек. Ни с того, ни с сего. Надо было нормальный покупать, а не минского завода. Стиральная машина два дня как накрылась, заодно затопив соседей внизу... Что ж так – разом-то??!

Чтоб не сомневался – жизнь кончена.

Он стонал и выл: «Это всё! Всё! Больше не могу!» Он бил ладонями песок...

На работе – такая фигня, что хоть беги из города. С крана рухнул бетонный блок и проломил лестничный пролёт. Стальное «ухо» в плитке сгнило, но ему сказали: ты плохо закрепил, парень. Хотят ущерб на него повесить. Когда он сегодня ночью со смены рванул, прораб выразился откровенно: лучше не возвращайся... Ещё футбол этот... и тоже вчера. Просрали кубок, как дизентерийные. Нас сделали, как детей. Такой облом...

Он упал на живот, скорчился, распрямился, снова скорчился.
«Как детей... Суки... Элита чёртова... Это – конец... Чуб я так жил, суки...»
Через миг – катался по земле.
«Это – всё... Я мертвый... Не могу больше, больше не могу... Конец...»
В двухстах метрах отсюда другая страдалица, шагнув с балкона, отдала себя асфальту.
Жертва была принесена. И была принята...
«Всё, всё... Не хочу, не могу!.. Это – всё!..»
Вопли несчастного были услышаны: песок под ним ожил, заструился, задвигался.
Твердь подалась, как лоно любимой женщины, – расступилась, стала мягкой и влажной.
Тёмный овал возник вокруг корчащегося тела, превращаясь в воронку. Человек получил,
что просил: полминуты хватило, чтоб тело целиком ушло в глубину. Земля приняла своего
несчастного сына и похоронила его – вместе с его болью. Рыдания и стоны оборвались. Дет-
ская площадка вновь была пуста.
Песок содрогался ещё секунду и успокоился.
Затаился – живой, голодный, ждущий.
А потом во дворик вбежали двое...

* * *

Так вот откуда взялась здесь зыбучка, неспешно размышлял Барсуков, стряхивая с
себя обрывки чужих страстей. Вот чьими мольбами возникло это жуткое чудо. Ясно теперь,
чтосталось с женихом Белкиной, оказавшимся, кстати, истеричным мудаком. Хорошенько
кино показали ему при помощи кепки, надетой на вскрытый череп...

Чудо не бывает жутким, шепнул Барсукову кто-то – детским голоском. Невелика
заслуга – провалиться под землю. Ты останься наверху, на поверхности, когда мир под тобой
рухнул, это и будет настоящим чудом.

Ты правда так думаешь, спросил он.
А то. Стала бы я тебе иначе помогать...

И шёпот улетел, как фантик, подхваченный порывом ветра.

«Подними руки! Подними быстро! Вверх руки!» – носились над землей чьи-то крики,
назойливые, как голодные птицы, клевали в темя, лишая заслуженного покоя. Это что, тре-
бование капитуляции? Отмахнуться... Пошли прочь, твари...

Сознание вернулось рывком.

Мотор взрыкивал над самым ухом. Барсукова тащили куда-то, медленно и неудержимо.
А потом, когда всё остановилось и стихло, его перевернули на спину и тревожно спросили:
– Ау, ты живой?

Он открыл глаза. Небо слепило. Холодный ветер прицельно бил сквозь мокрую фут-
болку. Он попытался сесть, ему с готовностью помогли. Он огляделся, мучительно щурясь.
Пожилой мужчина суетился вокруг: освобождал Барсукова от троса, продетого под мыш-
ками... Ага, и «жигуль» рядом, латаная «восьмёрка»... Положение определилось. Водитель,
подоспевший так вовремя, выволок утопающего из трясины. Подцепил буксирным тросом,
пока тот был в отключке...

Я живой, хотел ответить пострадавший.

Живой!!!

– Зову – молчишь, – озабоченно говорил мужчина. – Тебя увидел – глазам не поверил.
Чтоб у нас такая пакость... да никогда! Не думал, что такое вообще бывает. Подниму сосе-
дей, огородим яму. С утра – к коммунальщикам... Честно хочешь? Когда эта девчушка мне в
лобовое стекло заколотила и начала визжать, что в соседнем дворе человек умирает, я сна-
чала подумал – ножичком кого по пьяни... или там кирпичом... Ну, ты как?

– Спа... сибо, – вытолкнул из груди Барсуков. Его била крупная дрожь – А где...
– Чего где?
– Птаха.
– Эй, спокойно. Чудится тебе что-то. Спиртику сейчас дам, согреешься.
– Не... Я говорю, девочка где?
– Девочка? Ах, это... Не знаю. Я из машины выскочил – нету никого, как не было.

Убежать не могла, не успела б. Вот, думаю, спросонья примерещилась, что ли...

Может, и примерещилась. Кепка с надписью «Будь другом» по-прежнему висела на торчащей из песка палке, как будто никто не забирал её оттуда и не пытался водрузить Барсукову на темя. С другой стороны, кошёлёр валялся на траве, закинутый собственной рукою его, – но это ведь слабое доказательство.

– А я, значит, кемарил в машине, – зачем-то пояснил спаситель. – В том дворе, через проход. С дачи вернулся, ключи забыл, старуха звонок не слышит. С утра хотел дочеке позвонить. А тут вдруг – девчонка, с виду – бомж бомжом. Разбудила. Меня аж подбросило от её голоса... Я тебе честно скажу, не обижайся. Если эта пацанка мне приснилась, то ты – обалденный везунчик. Встречал я людей вроде тебя, из любой задницы выберутся и краше станут... – Пожилой автовладелец, добродушно хмыкая, складывал буксир в багажник.

Есть и другие люди, подумал Барсуков. Которые сами себе находят бедствия и товарищей за собой тащат. Лисицын – классический пример.

– Повезло тебе, – добавил мужчина. – Повезло. Что бы ему ответил покойный Лисицын?

– Поднимем за это бокалы с праздничной зелёной слизью, господа пришельцы!

Дедок забыл багажник захлопнуть. Повернулся, оторопевший:

– Чего-чего?

Барсуков зашёлся нервным смехом – и тут же заперхал, закашлял.

– Тебе плохо?

– Со мной нормально, а вы не правы, – сказал он, угомонившись. – Выбраться из задницы – да, это везение. Но выбраться из ада – это чудо.

– Ах, умницаешь...

Барсуков поумничал бы ещё, однако философской частью в их компании всегда заведовал Лисицын. Он заплакал бы, если б было чем. И тогда он, как умел, объяснил хорошему человеку всю суть происшедшего:

– Это конец. Идём дальше...

Ночь светла, тёмен день

«Скорую» вызывать не стали: пострадавший был категорически против. Поднялся без посторонней помощи, худо-бедно почистил одежду и удрал в сторону метро. Босиком. Кроссовки, увы, затонули.

Владелец «жигулей», как и обещал, разбудил соседей. Сонные люди выползли во дворик, и вдруг выяснилось, что беспокоить коммунальные службы не понадобится. С детской площадкой всё было в порядке. Грунт под песком оказался твёрдым – никакого вам дьявольского феномена. Растревоженные и возмущённые жильцы разошлись по квартирам, проклиная шебутного идиота с его фантазиями; сам же он спрятался в машине, пришибленный и пристыженный, сомневающийся в своём рассудке...

Когда город только просыпался, когда появились первые собачники, влекомые на поводках их истинными хозяевами, Барсуков был уже у себя.

Прежде всего – отключить телефон. Невозможно было представить, чтобы с кем-то говорить, кому-то что-то рассказывать. Он занялся израненными руками, вытащил нако-

нец занозы. Потом – в ванну, отмокать. Хлобыстнул водки, купленной по пути... Водка, зараза, плохо брала: напряжение покидало организм неохотно, особенно головную часть. Он добавил и упал на диван. Проспал до середины дня. Встал, наспех поел. Подумал: ну вот я выспался, вымылся, позавтракал... что теперь? Мчаться на Автовокзал – как завещала сиротка?

Нелепая мысль...

Идти в травмпункт, пусть обработают повреждённые кисти рук? Руки болели зверски... Нет, позже.

Звонить Лосевой, узнавать, как там с Белкиной, и вообще?

Страшно. Тоже не сейчас. Когда пройдёт эта гнусная, невидимая снаружи трясучка, когда остановится рука исполинского бармена, взбалтывающая шейкер с его мозгами...

Что-то манило Барсукова на место ночного позора. Нет, не на квартиру к сокурснице, где состоялся первый акт драмы, а в проходной дворик по соседству... Девочка-бродяжка лишила его покоя. Остро хотелось познакомиться с нею поближе. Посмотреть на неё, как и полагается смотреть на ребёнка, – сверху вниз.

* * *

В знакомом дворике тусовалась компания подростков. Сидели кто на качелях, кто на «горке». А кто – прямо на песке.

Курили, перебрасываясь вялыми фразами, лишёнными смысла. Покосились на вклинившегося к ним взрослого перца... Барсуков содрогнулся, увидев это.

Детишки проводили время там, где их запросто могло засосать. В любую минуту, в любую секунду. Безопасности не существовало. Твердь под ногами – это иллюзия...

Он хотел было разогнать их всех, но плунул.

Постоял, осматриваясь. Ничего не осталось от ночного бреда. За стенами домов шумел город, возле гаражей мужики выкатили тачку и копалась в двигателе, прохожие просачивались под аркой и шли в сторону проспекта, ни на кого не глядя. Прочная, устойчивая, привычная реальность.

Где-то под ногами был замурован весельчак Лисицын – наверное, не так уж и глубоко... Откопать? Заявиться ночью, сделать дело – и смыться, бросив труп... Барсуков покрылся потом, вообразив всё это. Нет уж! Во-первых, что потом отвечать людям, которые неизбежно появятся и начнут задавать вопросы? Но главное, главное – ничто отныне не заставит его шагнуть на детскую площадку в ночное время...

Обогнув по большой дуге песочницу, подошёл к штанге футбольных ворот. Кепки уже не было: кто-то утащил, не побрезгал. Внизу валялась смятая бумажка. Барсуков заинтересовался. Это был кусок фотографии... опля! Фото из видения – то, разорванное при дурочным Васей. Элегантный молодой мужчина с зачёсанными назад волосами, в строгом костюме и при галстуке, смотрел иронично, с искрой во взгляде. Папаша Василия, надо полагать... Что же, видение не врало? Так, что ли?

Глухие стены не могли дать ответ.

Фото он взял с собой. Затем поочерёдно обошёл оба дома: первый стоял лицом в переулок, другой смотрел в параллельный дворик. Обшарпанные, рассыпающиеся четырёхэтажки, конец девятнадцатого века. Девочка утверждала, что живёт в одном из подвалов. Отдельного входа в подвальные помещения не нашлось, а подъезды были закрыты и оборудованы домофонами. Он всё-таки проник в подъезд, назвавшись сотрудником ЖЭУ. Вниз вела лестница, однако дверь в подвал оказалась закрыта на ржавый пыльный замок. По словам бабули, впустившей Барсукова, никто под домом не только не жил, но и не смог бы жить при всей нужде, потому что воды там было по щиколотку. Он спросил, не обретается ли где-

нибудь здесь девочка характерного вида (описал пёструю куртку с подвёрнутыми рукавами и бубенчик на руке), а также не числится ли в жильцах кто-нибудь с фамилией Мотыльковы? Увы, не обретается, не числится... Разговор не получился. Пенсионерка возбудилась, заговорила про комаров и про какую-то плесень, от которой спасу нет, про сырость и отслоившуюся штукатурку; в общем, пришлось бежать.

Во втором доме Барсукова встретила ровно та же картина: закрытый наглоухо подвал, залитый водой. Девчонку, подходящую под описание, жильцы и здесь не видели. Получается, она соврала. Но в таком случае – какими ветрами принесло её в затерянный дворик? Ночью!

А ведь если б не это странное создание, подумал Барсуков... если б она не позвала на помошь дядьку с машиной...

Он поднялся на второй этаж к квартире номер девять – с тем самым окном, из которого сумасшедшая баба снимала на видео их с Лисицыным агонию. Упёрся в стальную дверь – ничем не обитую, не покрашенную, без глазка. И даже без звонка. На сталь была посажена (жидкими гвоздями) табличка: «DO NOT DISTURB», почти как в гостинице. Чёрные буквы на жёлтом фоне. Вызов всей лестнице и всему миру, прозрачный намёк: «Идите в задницу». Барсуков долго бил в дверь кулаком, потом локтем и ногой – никто не открыл.

Вот сука...

Убираясь из этих мест почему-то не хотелось. Зайти к Лосевой? Два шага... Нет-нет-нет, ноги сопротивляются, душа кровоточит; и тогда он сделал то, о чём мечтал, когда подыхал в зыбучей трясине. Легко вычислил, куда выходят остальные окна поганой квартиры. Набрал во дворах камней поувесистее, наплевав на боль в руках, вернулся и – приступил к планомерному обстрелу...

Никто не рискнул его остановить.

* * *

Раздолбанные окна принесли какое-никакое удовлетворение и попутно навели на довольно очевидную мысль. Вернувшись домой, Барсуков тут же полез в интернет. Поискал по разным ключевым словам («зыбучка», «зыбучка в городе» и т. п.), перебирая без толку сетевой мусор, пока не догадался ввести точный адрес дворика. Тут-то челюсть у него и отвисла. Во-первых, обнаружил, что искал: видеоролик, где они с Лисицыным исполняли главные роли (выложила, гадюка!), во-вторых, выяснил, что их случай вовсе не уникальный.

Вообще, на ресурсе «Городская жуть» некие подвижники организовали список опасных мест в городе, где с людьми приключались разные странности. Взять, например, три обычных с виду моста, составивших на карте равносторонний треугольник. С этих мостов, согласно приведённой статистике, городские самоубийцы бросаются в воду чаще, чем со всех остальных вместе взятых. Ещё пример: один из узких проулков исторического центра, где однажды сошла с крыш снежная лавина. Завалило и тротуары, и проезжую часть до уровня второго этажа. Нескольких прохожих пришлось откапывать. Откуда там взялось столько снега, непонятно. Или пруд в Центральном парке культуры и отдыха, возле которого регулярно пропадают люди. Вроде бы видели, если не врут, как из пруда вытягиваются нитевидные щупальца и утаскивают жертв... И тому подобные страсти.

А ещё в городе каждый месяц бесследно исчезало до сотни людей. Вряд ли только криминал виноват, криминалу столько не сожрать и не переварить. Ещё одна загадка. На таком фоне пропажа Лисицына, не имевшего здесь нормальной родни, останется незамеченной, констатировал Барсуков... как ни бесстыдно этому радоваться, но – факт. Никаких последствий.

Возвращаясь к зыбучим пескам: некоторые случаи были проиллюстрированы роликами, снятыми очевидцами событий. Люди проваливались вочных дворах. Кого-то вытаскивали сразу, кому-то давали помучиться, прежде чем вытянуть. Таких роликов насчитывалось не один и не два – целая тема. Смертей в кадре не было... до сего дня. Не потому ли новинка вызвала такой интерес – уже более тысячи просмотров! Благородная ярость вскипела, как волна. Барсуков понял, что жить не сможет, пока не выкружит ту квартиру нахрен. Быстро нашёл в сети, как изготовить «коктейль Молотова», забегал возле компа, прикидывая, где взять ингредиенты... в общем, еле сдерживаясь, чтобы не рвануть к месту съёмок. Это никуда не денется, остановил он себя. Тема не закрыта...

«Городская жуть» любезно предоставляла ссылки на дружественные ресурсы такой же направленности, включая заграничные. Неаппетитного видео хватало и там: Лондон, Париж, Мехико, Токио, Нью-Йорк. Чертовщина носила глобальный характер.

Барсуков закачал фильм с собственным участием. Посмотрел, как тонет Лисицын (ужасно хотелось отвернуться)... Разинутый рот, заполняемый тёмной дрянью. Глаза панически мечутся над поверхностью, пока песок не вползает и в них. На долю секунды рождается ямка-воронка – и пропадает... Белая ночь – хорошее время для съёмок... Потом Барсуков смотрел на себя, беспомощного, совершенно потерянного. Смотрел – и не видел девочки.

Никто не подходил к песочнице. Никто не стоял возле. Барсуков был в кадре один – торчал из песчаной массы этаким обрубком. Правда, в отдельные моменты его как будто что-то загораживало – что-то нематериальное, какие-то флюиды в воздухе, напоминающие по форме человеческий силуэт. А если всмотреться, можно было понять, что эта эфирная субстанция двигается вдоль края детской площадки, то открывая Барсукова камере, то искажая картинку.

Он был внутренне готов, потому не удивился. Вернее, не испугался...

Испугался, конечно. Однако ломать голову над этим воплощением ночного кошмара уже не было... куража, что ли. Воздух из шарика вышел. А чудовищная видеозапись перевела дело во вполне понятную, житейскую плоскость.

Рассказать кому-нибудь о случившемся? Той же Лосевой, например? Вопрос неуютный, если честно. Ролик, висящий в сети, – это документ, существование которого не проигнорируешь. Ну вот как о таком – промолчать... С другой стороны, что изменится, если друзья и подруги это увидят? Будут знать, что Лисицын погиб? Так ведь Лосева первая не поверит, завопит, мол, опять дурью маялись, приколисты. А ещё менты заведут уголовное дело по факту падения Белкиной – и что тогда? Компетентные товарищи изучают *home video* в жанре *horror*, снимают показания со свидетеля, пострадавшего от зыбучки в центре города, лица их серьёзны и внимательны... анекдот!

Тем более зыбучки больше нет.

И всё-таки! Как ни крути, эта запись – последнее, что осталось от Лисицына... Пора звонить Лосевой, напомнил себе Барсуков, хватит тянуть совесть за хвост. За окном уже поздний вечер...

Он включил городской телефон. Поговорил сначала с матерью, исполнил сыновний долг. После чего долго сидел с трубкой в руке, набираясь смелости позвонить ТУДА...

Его тошило.

* * *

Лосева позвонила сама. – Где пропадаете, скоты?!

Она была в такой ярости, что говорила с трудом.

– Да вот сам не понимаю.

– Мобильники выключены, в универсе не появлялись, в общаге тоже! По обычному не достучаться! Уже собралась к тебе ехать... Лисицын с тобой?

– Мобильник сломался. Я, кстати, только что вошёл в квартиру. Насчёт Лисицына ничего не знаю, разбежались в разные стороны... ну, с тех пор...

– «Стехпорр»... – то ли прошипела, то ли прорычала Лосева. – Детский сад. Тебе что, совсем не интересно, как там Белкина? Лисицын – понятно, хряк трусливый. Но ты, ТЫ?!! Тоже насрать?.. Прости.

Насрать ли Барсукову? «Да меня выворачивает наизнанку!» – хотел было крикнуть он. Слова, всего лишь слова... а может, проблемы с поджелудочной...

Он прислушался к себе, всмотрелся в себя. Ясно увидел, как Белкина, в чём была (то есть ни в чём) выходит из спальни, исчезает в коридоре... такой почему-то и запомнил он эту женщину. Потом были крики и беготня... Разумеется, в памяти отпечаталось и то, что происходило часом раньше, но эту безразличную ко всему наготу забыть не удастся никогда.

– Я просто не... – вымучил Барсуков и откашлялся, – не успел спросить. Она... хоть жива?

– Хоть, – сухо ответила Лосева.

Через минуту Барсуков знал главное. С Белкиной, в принципе, порядок. Последние новости были таковы: ни позвоночник, ни голова опасно не пострадали, ничего необратимого. Это значит – обошлось, лежачей больной ей не быть. Из всех серьёзных травм – ушибы внутренних органов и перелом тазовой кости. Очередное чудо... Радость вспыхнула, как столамповая люстра в театре.

– Ну а я что говорил?!? – заорал Барсуков. – Она ШЕВЕЛИЛАСЬ!!! Я говорил! Лосева, ты тоже чудо!

– Почему «тоже»?

– Потому что со мной сегодня такое было! Не поверишь... Не хочу по телефону...

– Да, про кое-что лучше не по телефону. Про салат, – сказала Лосева со значением. Он хрюкнул от неожиданности.

– А что... салат?

– Спустила остатки в унитаз. Отмыла салатницу, как могла, в нескольких водах. А бутылку из-под тоника выбросила в канал. Специально ходила на набережную.

Испугалась, подумал Барсуков. Подстраховалась с испугу. Догадливая. Решила, что подумают на неё, если мы начнём отпираться, а если не начнём, всё равно дело легко выставить так, будто она соучастница... Повезло. Вот теперь – повезло. Как удобно иметь в друзьях умных людей...

– И чего вы нам намешали? – обронила она.

– Ничего тяжелого. Правда. Потом расскажу.

– Чья была идея?

– Лисицына.

– Кто бы сомневался...

Радость не уходила. Такой груз сняли с плеч Барсукова, что, казалось, толкайся от кровати и взлетай. Можно было порхать по комнате, можно было нести вздор или открывать людям вечные истины... Хватит о грустном, восторженно предложил он Лосевой. Как же гармонично мир устроен! И как, оказывается, важно, что Белкина была пьяная! Нет, я не сошёл с ума. Нет, речь не о том, что Бог хранит пьяных (может, и вправду хранит), а о том, что все мышцы, всё тело её было совершенно расслаблено, потому-то удар о жестяную крышу подвала и не привёл к необратимым разрушениям в организме... Лосева ответила, не дослушав:

– Дурак ты.

Он захохотал, соглашаясь. Дурак и есть.

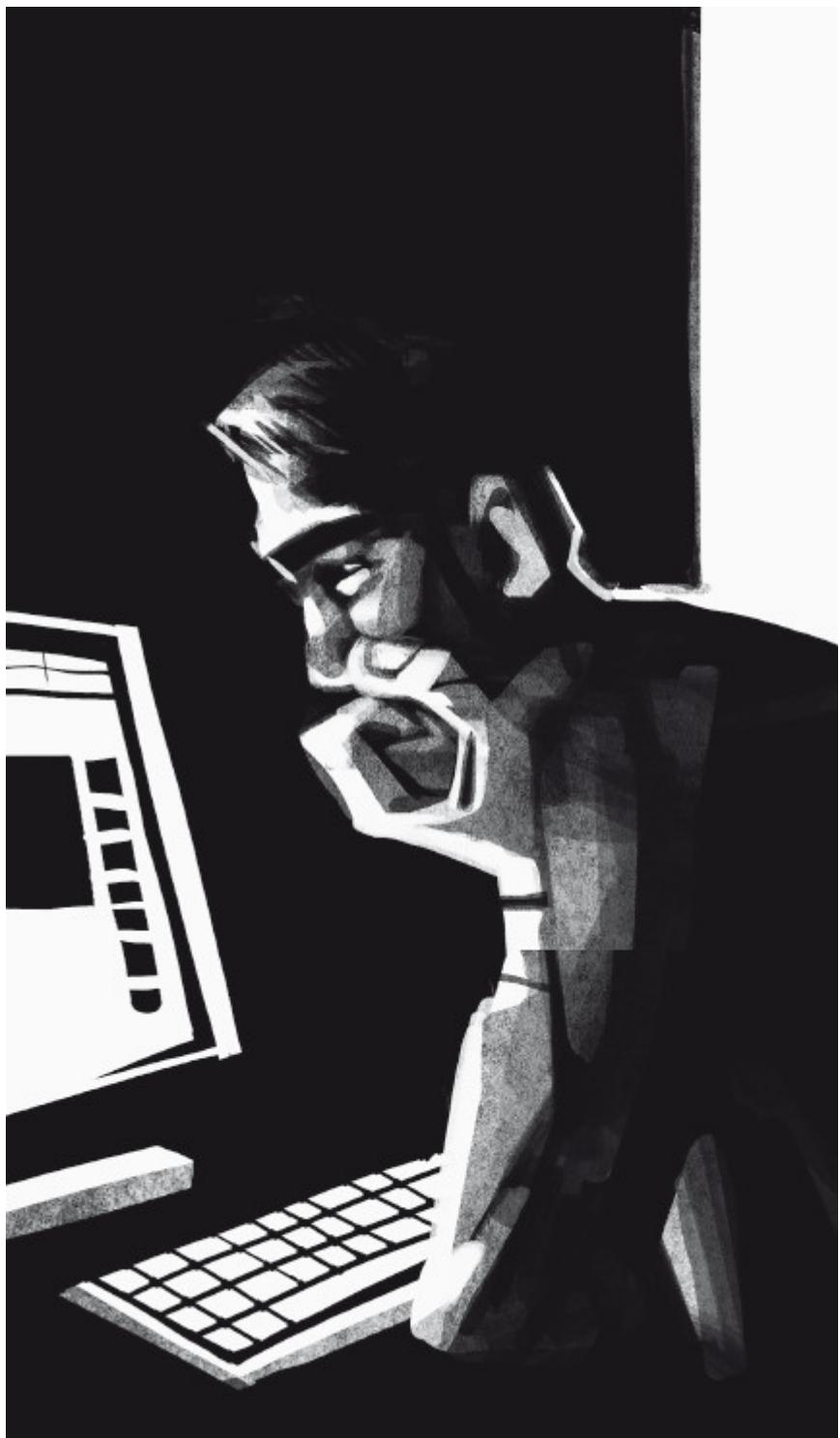
...Под утро он решился и послал ей письмо с безымянного почтового ящика. В письме были ссылки на «Городскую жуть», на ведеролик и не было никаких комментариев. Как и подписи.

Поиск предназначения

К утру Барсуков разболелся. Лежание в холодной яме, хождение по городу в рубашке, мокрой к тому же, дало закономерный результат: воспаление лёгких. А если к переохлаждению прибавить интенсивный стресс, то непонятно, как он вообще столько протянул. На морально-волевых, как говорят спортсмены.

Впрочем, антибиотики и молодость – убойное сочетание. Болел он всего дня три, потом только отлёживался. За это время мать подобрала «помоганцев» – людей, которые помогут ему доделать диплом к защите. Учитывая травмированные руки, это было очень кстати.

Белкиной светила инвалидность и «академка», так что «помоганцы» могли понадобиться ей не раньше, чем через год.

Барсуков бы не отказался попасть в их число, но примут ли от него помошь? Он сильно сомневался.

Лосева безуспешно искала Лисицына. Чуть что – плакала. Похоже, она была таки неравнодушна к этому человеку, весьма неравнодушна... Отсмотрев ролик, тем же утром примчалась за объяснениями. Барсуков лежал в лёжку – это его и спасло. Она приходила снова и снова, терзала его вопросами; будь такая возможность – пытала бы. Он держался: морда кирпичом, ничего не знаю, что за бред. Видеозапись – явный фэйк. А то, что лица похожи, ну так... фэйк же! Наверное, прощальная лисицынская шутка, и письмо со ссылочкой – от него же, от кого ещё. Почему сбежал за месяц до диплома? А хиппи потому что, раздолбай отвязанный. Крутанул до упора – и сорвал свои рукоятки...

Неугомонная Лосева не оставляла попыток найти возлюбленного. По ракурсу на видеоролике легко вычислила квартиру, откуда снимали. Даже поговорила с той сукой, которую *«do not disturb»*. Результатами разговора Барсуков не интересовался, и так было ясно. Лосева словно состарилась на несколько лет. Наняла готовых на всё работяг, которые перекопали ей детскую площадку – и...

Ничего и никого не нашла.

Что касается «коктейля Молотова» и всяких резких поступков, то хватило суток, чтобы эта хрень улетучилась из головы. Откипело и отболело. Попросту говоря, Барсуков простили незнакомую ему идиотку, он ведь нормальный был, в отличие от некоторых.

Вот так жизнь и двигалась...

Пока Барсуков болел – вынужденно думал, размышлял о случившемся. О том, например, откуда в заурядном дворике взялась зыбучка, и как вообще могло столь необычное явление образоваться в городской черте. Способен ли был истерик Васенька наколдовывать яму своими воплями? В которой, кстати, сам же и канул... Сомнительно. Чтобы насторожить такую ловушку, силы нужны нечеловеческие. А вернее – сверхчеловеческие. Это у Васеньки-то? Ха-ха. Но тогда... зачем оно всё, чьей волей? Нету версий.

Второй вопрос – девочка-призрак. Если честно, эта загадка вытесняла все прочие. Понять, кто такая Птаха (или что оно такое), откуда явились и, главное, с какой целью, – значило увидеть хоть краешек смысла, которого Барсукову так не хватало.

В начале болезни на одном из температурных пиков его сразила ошеломительная мысль. Он отлично помнил тот мучительно долгий и странный диалог, который ему навязали, пока он висел на гнилой доске, расталкивая окурки и собачьи какашки. Он-то полагал – девочка решала, сохранить ли некоему Барсукову жизнь. А сейчас вдруг подумал: что, если решала вовсе не девочка? Что, если это был Кто-то и Где-то... на небесах, под землёй? Из тех, кого пишут с заглавной буквы... (Дыхание в этот миг у больного перехватило, голова сильно закружилась...) Спрашивается – кто? Нет-нет, не отвечайте. Решение было принято в пользу утопающего – и слава Ему, который с заглавной... Но тогда, значит, сущность, с которой Барсуков общался, – это всего лишь посланник, исполнитель высшей воли. Вероятно, он мог принять любой облик. Выбрал почему-то роль беспризорницы...

Жесть!

Потом горячка отступила, и мысли больного остывли вместе с головой.

Осталось ощущение чего-то огромного, сверхважного, к чему Барсуков был причастен... рождение и распад Вселенных... примерно так. Смешно. Вовлекать высшие силы в свои ничтожные заморочки – это, господа, знаете ли, не по чину.

Ясно было одно: девочка пригрозилась. Даже водитель, конкретный и простой мужик, не был уверен, с кем он там говорил и чего видел. С другой стороны – видеосъёмка, с ней как быть? Флюиды в воздухе, зафиксированные камерой, эфирная субстанция, раз за разом попадавшая в кадр...

Врагу не пожелаешь – соприкоснулся с чем-то сверхъестественным. Мучайся потом догадками, погибай от неизвестности... Может, правда – повезло, и всё тут? Никакого... кхе-кхе... чуда?

Но есть нюансы.

Вспомним: когда девочка возникла на детской площадке? Точно в тот момент, когда Лисицын полностью ушёл в песок. Совпадение ли это? Один человек утонул, второй ещё держится. Первому поздно помогать, второго можно спасти. И если предположить, что время было выбрано неслучайно, то, получается, Лисицын не представлял никакого интереса, тогда как Барсуков был зачем-то нужен. Девчонка прямо так и сказала: мол, пока не сделал того, для чего родился, – живи себе на здоровье.

А для чего я родился? – терзал он себя.

Хрен знает. Занятие по курсу «Поиск предназначения» – зачёт не сдан.

А ещё намёк на то, что Белкина «залетела» от Барсукова – как сие понимать? Ребёнка, который мог бы быть, не будет. Но ведь этот должок вовсе не за Барсуковым, о чём было сказано совершенно ясно! Похоже, Белкина получила свой шанс на искупление...

И опять же, не это ведь главное! Кто НА САМОМ ДЕЛЕ спас неудавшегося казанову – вот вопрос, к которому возвращаешься и возвращаешься. От которого поджилки начинают трястись. Этот вопрос, такой простой с виду, мешал перевести лихорадочные умствования в практическую плоскость. А без практики, как известно, древо жизни вянет...

В общем, болеть было как-то неловко. На третий день Барсуков уже расхаживал по квартире, маясь от нетерпения и зависая возле окна. На пятый – самостоятельно сходил в продуктовый магазин, на седьмой – собрался и отправился в путь.

Оказывается, он давным-давно понял, что ж ему делать дальше.

Он ехал на Автовокзал.

Катарсис

Вдоль канала несётся поток машин, вечный, как само время. Метрах в трёхстах через воду перекинулась железная дорога, стянув берега тремя мостами с диковинным названием Американские. Слева, по ту сторону Днепропетровской улицы, начинается огромная промышленная территория. Справа – жилые дома, которые правильнее величать жилым фондом. Ближайшее метро в получасе ходьбы, городской транспорт – только досюда, обратно – нет. Неприветливое местечко, попадаются такие в городе: вроде и рядом с центром, но «мёртвая зона»...

Здесь, на набережной, Автовокзал и располагался.

Впрочем, Барсуков помнил, какой поистине глубокой дырой, оторванной от цивилизации, был Автовокзал до постройки нового здания.

Сейчас всё выглядело культурно, современно и на удивление благополучно. Он обошёл оба этажа, не понимая, что ищёт. Кассы, магазинчики, валютный обменник, туалет (на первом), зал ожидания и кафешка (на втором)... На весь многомиллионный город этот Автовокзал был один-единственный. Существовало, правда, несколько филиалов и пунктов отправки, разбросанных по разным районам, однако вряд ли его посылали туда.

Барсуков чувствовал себя натуральным дураком.

Он прошёл здание насквозь и оказался на заасфальтированном поле. Солнце жарило не по-майски, город дышал в лицо пылью. Далеко сзади, с той стороны вокзала, неумолично ревели моторы. А здесь был маленький оазис тишины. По левую руку обнаружился отстойник для автобусов, чуть дальше – гостиница «Киевская», пятиэтажный кубик с претензией. По правую руку – автобусные остановки с навесами, ларьки с выпечкой и напитками, несколько забегаловок сомнительного вида; отсюда же убегал узкий проулок, ведущий в трущобы старого города с бесчисленными проходными дворами. Барсуков постоял, осматривая все эти достопримечательности.

– Что я здесь делаю? – произнёс он вслух. Думал, никто не слышит. Ошибался.

– Тяжёлый случай, мужик, – посочувствовали ему. – С перепою, что ль?

Возле стеклянных дверей сидел нищий в инвалидной коляске, грелся на солнышке. Безногий. А у Барсукова видок и вправду был нездоровий: болезнь, переживания, усталость – всё вместе. Пешком, вот, пёрся от метро.

– Не с перепою, а с перепугу, батя, – ответил он. И вдруг заметил...

В картонной коробке для мусора, поставленной возле ларька с шавермой, рылась девочка.

Он двинулся к ней, ускоряясь и ускоряясь, пока не сорвался на бег. Знакомая куртка, знакомые джинсы с обрезанными штанинами... Кроссовки с веревками вместо шнурков... Она? Неужели – она??!

– Привет, – тронул её Барсуков за плечо.

Беспрizорница вскинулась и спрятала за спину пустую бутылку из-под пива, как будто кто-то собирался отнять у неё добычу. Постреляла глазами по сторонам, выбирая, куда бежать.

Живая, из плоти и крови. Он-то думал – призрак. Это в лучшем случае. В худшем – глюки и пора в психушку. Оказалось, она существует...

Это был шок.

– Вот и встретились, Мотылькова, – сказал Барсуков через силу.

Она смотрела настороженно, выжидающе. Привычно тряхнула кистью свободной руки, проверяя, на месте ли бубенчик... такой знакомый, такой *жутко* знакомый жест...

– Ты чего?

Она отпрыгнула на два шага и замерла на полусогнутых. Кошка, готовая сирануть при первом признаке опасности. Барсуков растерялся:

– Придуриваешься? Это ж я!

Не узнавала. Очевидным образом – не узнавала его. Без обмана, без притворства; ребёнку так не сыграть.

Он подался в её сторону, но даже одного этого намерения хватило, чтобы она сорвалась с места и скрылась за ближайшим павильоном. Выждав, не погонятся ли, высунула мордочку уже из-за другого угла.

Подкатил нищий в коляске:

– Ты чего хочешь, мужик?

А правда, чего Барсуков хотел? Объяснил бы ему кто-нибудь...

– Родственницу ишу, – сказал он, поддавшись внезапному импульсу. – Сбежала из приюта.

– Нашёл?

– Вроде как да. Вон, – Барсуков показал.

– «Вроде как»... – Убогий оскалился беззубым ртом. – Понимаем. И кто она тебе?

– Племянница.

– Ах, племянница! Купи Птахе шоколадку, страсть как их любят. Тогда и убегать не станет.

– Нет, вы не подумайте чего плохого...

– Здесь, милчеловек, думают желудком, иначе долго не протянуть. Всё остальное хорошо. Если ты нашёл своё счастье – не забудь его сначала покормить... и про друзей не забудь.

– Конечно, – Барсуков торопливо сунул в поясную сумку, достал сотенную и положил калеке в приготовленную для этого шапку. – Здоровья тебе, батя.

– Спаси тебя Господи, милчеловек, – покивал тот и перекрестил его быстрым заученным жестом. Огляделся и прошептал: – Если пристанет кто – больше «пятихатки» не давай. Ну, «штука» – красная цена.

– Спасибо, учту, – удивился Барсуков, хоть и мало что понял. – Ты ведь тут свой, да? Скажи, а эта девочка, Птаха... Она всегда такая странная?

– Так дурочка она.

– Дурочка??!

Сказать, что Барсуков был потрясён, – ничего не сказать.

– Ну да, дефективная. Почти не разговаривает. А что?

– Я помнил её совсем другой... Ночует на вокзале?

– Вокзал на ночь закрывается. На Тамбовской есть дом на расселение, пустой. Там – большинство наших. Вообще-то Птаха прибилась к нам не так уж давно...

– В марте, я знаю.

– Так ты, это, без балды? Родственничек?

– Да, – твёрдо произнёс Барсуков. И сам на секунду поверил в это. – Долго не был в городе. Приехал, а мне заявляют – ребёнок в бегах. Жалко девчонку, и без того несладко живётся...

– А чего несладко-то?! – неожиданно вскипел калека. – Другим сладко, что ль? В воровство её не вовлекают, ну просят иногда отвлечь клиента, чепуха! У ларьков всегда жрачка остается. Опять же в гостинице ресторан есть, к нам как раз ихний зад выходит. В мусорке иногда такие стоки бывают, хоть банкет устраивай!.. Вот ты называешь меня батей, а знаешь, сколько мне лет? Двадцать шесть! И кому из нас «несладко»?

– Извини, – сказал Барсуков. – Тебя тоже жалко.

– Пошёл ты в жопу, интеллигент.

– Просто я очень волнуюсь, – сознался Барсуков.

* * *

Девочка грызла шоколадку торопливо и жадно, как хомяк, исcosa посматривая на доброго дядю. Боялась, что отнимут. Обёртку она сразу выбросила, а плитка в грязных ручонках таяла, пачкалась.

Временами взгляд её казался осмысленным и совсем не детским... точно таким, как тогда. В эти секунды Барсуков вздрагивал и всматривался в неё – снова и снова.

Нет. Показалось. В глазах её были только тоска и недоверие. Не мудрость, а всего лишь страшный жизненный опыт...

Когда с лакомством было покончено, он спросил:

– А ты знаешь, кто я такой?

Фраза была тошнотворно фальшивой и смутно знакомой: то ли из кино, то ли ещё откуда. Девочка молчала. Она была занята: облизывала грязные пальцы.

– Я брат твой.

И мир на секунду застыл. Застыли пальцы ребёнка, затвердел воздух. Произнесённое слово повисло между людьми, как мост над пропастью.

Брат...

Девочкин взгляд метнулся по лицу Барсукова и юркнул в сторону, как испуганный зверёк.

– Пойдёшь со мной? – он протянул ей руку.

Она осталась неподвижна. Смотрела в землю, напряжённо сведя брови: о чём-то думала. Внезапно решившись, вытащила из глубин куртки сложенную бумажку – из тайника за подкладкой. Развернула. Это оказалась фотография, старая, почти стёршаяся.

Губы, измазанные шоколадом, шевельнулись:

– Мама... – Она потыкала пальчиком. – Папа...

Барсуков посмотрел. Женщина и мужчина. Женщина незнакома, но мужчина... Барсукова прошиб пот. Не может быть, не бывает такого...

Медленно, как в трансе, он достал блокнот, вынул оттуда мятую карточку, подобранную на детской площадке, – ту, что порвал и выкинул Василий. Сравнил. Человек, которого девочка назвала папой, был постарше, в свитере и без галстука. Заметно поддержаннее молодого красивчика с порванной фотографии... но это был один и тот же человек! Несомненно.

Девочка тоже посмотрела, тоже сравнила...

Что же получается? У Птаки и Василия – общий отец?

Барсукову стало плохо. Он поискал, куда присесть, и не нашёл.

Что матери разные – это понятно, мужик бросил жену с сыном, сбежал из провинции, нашёл новую женщину, заделал ей дочь. По всей видимости, умер, то ли до, то ли после рождения ребёнка. Замёрз по пьяни на улице, сказала Мотылькова, – та Мотылькова, вышедшая из ночных кошмаров. А эта проблемная и бесприютная девочка, глядящая сейчас на Барсукова с немым восторгом, значит, сводная сестра белкинского сожителя? Василий – брат её? Но ведь ревнивый урод похоронил себя заживо, нет его больше... Барсуков, покусившись на чужую женщину, лишил сироту единственного родного ей человека...

Вот она, разгадка.

Мозаика сложилась. Разрушив что-то, мы берём на себя последствия того, что разрушили.

Непонятно лишь, чьей волей всё-таки явлена была спасительница, она же посланница... или не было никакой посланницы? Ни к чему трогать высшие силы, достаточно человеческих. Кто знает, на какие чудеса способен отчаявшийся ребёнок, сам того не подозревая...

Барсуков сел на корточки и притянул к себе девочку. Она с готовностью прижалась, обхватив его слабыми руками. Он изучающе взглянул ей в глаза. Она пугливо спрятала лицо... Да ну, что за ерунда, одёрнул он себя, стряхивая наваждение. Тоже, нашёл ребёнка-индиго! Воспламеняющую взглядом, гы-гы. Нормальная беспризорница с кучей страхов, ошелевшая от радостных новостей, грязная, вонючая и кругом беззащитная. Так ли важно доискиваться до причин сегодняшней встречи? Совершенно не важно.

Барсуков встал. Птаха схватила его за руку, вцепилась в его руку, повисла на его руке – и больше не выпускала. До самого дома...

Впрочем, так просто уйти им не дали.

* * *

– Документики, – попросил мент, жуя гамбургер.

Откуда он взялся? Подошёл не с вокзала, а со стороны завода «Госметр». Ремень под брюхом, фуражка на затылке. Капитан такой-то, транспортная милиция, линейный отдел.

– Нету с собой, – сказал Барсуков по-наглому. Мент улыбнулся:

– Ай-ай-ай. Пассажир без документов – непорядок.

– Я не совсем пассажир...

– А фамилия у вас есть, не совсем пассажир?

– Бар... Лисицын.

– Бывает. Кстати, у моего бати под Кишинёвом такая охота – мmm! Кабаны, зайчишки. Фазаны непуганые – сами в силок лезут, в очереди выстраиваются... Так вот, гражданин хищник, объясните, если сможете, на каком основании, куда и зачем вы тащите эту девочку? – Он погладил Птаху по голове.

Она отдернулась. Ненависть в её глазах кого другого с ног бы сшибла.

К разговору спешил давешний инвалид, терзая коляску. Кричал ещё издали:

– Казимирыч! Не обижай хорошего парня! Это из своих, я его знаю!

– Ручаешься?

– Зуб даю, – ощерился калека, подъехав.

– Что ты можешь мне дать, кормушка щербатая? Вот он шныряет тут без паспорта, без проездных документов, успел подружиться с ребёнком, и всё это – не спросив разрешения. Нельзя у нас без разрешения. Без моего разрешения. Я его конкретно понимаю, мужчина любит девочек. Кто их не любит – маленьких, доверчивых... Это нормально.

Мент обращался к попрошайке, словно никого другого и не было рядом. Барсуков, между тем, тоже всё понимал «конкретно». Нарвался на местного феодала, взявшегося привить и суд вершить. По-русски – пахан, хоть и в форме. Так ведь в форме оно даже сподручней.

– …Но мы тут живём дружно, у нас тут эта, как её… гармония, – продолжал «феодал», слизывая с бумажки кетчуп. – У нас всё на учёте и контроле. Ты говоришь – он свой, а таких вещей не знает… Я вынужден, просто вынужден доставить его в дежурку на предмет установления личности. Подержим сутки-двое в «обезьяннике»…

Милиционер, кряхтя, выудил из ботинка носовой платок и тщательно протёр руки.

От разговора пованивало, если не смердело.

– Погоди, старшой… – начал было нищий, но Барсуков вмешался:

– Вспомнил, товарищ капитан! У меня есть студенческий. Он полез в сумку, замешкался, что-то там химича, а затем подал начальнику блокнот, зажав пальцем страницу. Тот задумчиво глядел секунду-другую.

В блокнот были вложены студенческий билет и пятисотрублёвая купюра.

– Это чуть меняет дело, – просветлел капитан, раскрывая корочки. Скользнул равнодушным взглядом по фамилии. – Ага, Барсуков… Лисицын, значит, творческий псевдоним. Здесь это почему-то не отражено… Короче, не хватает ещё пары таких же, – кивнул он на купюру. – Исправь.

– Не, ну командир! – взбунтовался Барсуков. – Многовато!

– С дуба рухнул, студент? Она ж малолетка. На Московском такие до десяти «штук» стоят.

– За полторы «штуки» можно двоих купить прямо возле метро. Или даже за горячий обед, а за коробку зефира они вообще что хочешь тебе сделают!

– Можешь купить – покупай. В другом месте…

И пошёл торг. Барсуков отдал бы и две, и три тысячи – всё бы отдал, что с собой было, – однако словами управляла гнусная ситуация. Если б этот опогоненный хозяйствчик заподозрил, что девочку уводят насовсем – всё бы погибло.

Наглядный пример разложения государственной власти в эпоху господства денег, хоть курсовик по экономике пиши.

Калека, слава Богу, помалкивал: должно быть, сочувствовал Птахе. Видел, КАК она держится за Барсукова. Мент этого не замечал, не та жизненная школа. Хотя, возможно, инвалид просто отрабатывал сотню, которую получил за короткий разговор по душам…

Сошлись на тысяче – как и было предсказано.

– Девчонку вернуть не забудь, – напутствовал товарищ капитан. – Двух часов хватит? Проверю.

Было ясно, что он выбросит юродивую малолетку из памяти, едва шальная тыща осядет в милицейском общаке.

Город на песке

Прилично одетый молодой человек и юная обворванка чинно, рука об руку, идут к Лиговке: там они сядут на трамвай и доедут до метро. На эту парочку откровенно посматривают – слишком велик контраст.

Что ж я делаю, думает молодой человек. Она ж тут неплохо устроилась. Вокруг старый город, всегда есть где заночевать. Рядом гостиница с роскошными стоками. Спит на полу, завернутая в газеты, днём побирается. Живёт в симбиозе со взрослыми бомжами. «Гармония» у них… Может, и пользовали её уже – за «пятышатку», максимум за «штуку», осевшую в карманах какого-нибудь дяди в милицейской форме… а то даже «за так»…

Романтика!

Но до чего же зыбка земля под нашими ногами... Вот вам ребёнок, недоверчивый до крайности. Девочка, ждущая от взрослых только гадостей. И оказалось – достаточно сказать, что ты её брат, чтоб она пошла с тобой куда угодно. Отчаяние и надежды двигают людьми, приводя кого-то к гибели, а кого-то к спасению... Так куда герой этого рассказа ведёт маленькую жертву?

Всего лишь к себе домой.

Дальнейшее – в тумане.

Предстоит каким-то образом легализовать барышню, изводит он себя тоскливыми думами. Временно прописать, в школу определить. Логопеда найти... И всё – на обмане, иначе никак. С детдомом не свяжешься, опеку не оформишь. Проблемы, проблемы... Мать убедить – ох, проблема! А также скрывать собственную мать от Птахи – сколько удастся... Дурдом!

И ещё – как быть с дипломом?

Похоже, кругом задница. Новая зыбучка. Единственное, что он реально может сделать, это почистить её любимый бубенчик, вернув талисману голос...

А Мотылькова, впорхнувшая в жизнь молодого человека, наоборот, ни о чём особенном не думает; она просто счастлива. Знала, что брат придёт, – и он пришёл. Брат был заперт, но она выпустила его. Это случилось ночью, совсем недавно. Он бился в закрытые ворота, пачкая руки грязью, пытался открыть их маленьким смешным ключом, плакал и ругался... она нашла в воротах дверцу и открыла. Всё – для него. И пусть её утром побили за то, что она кричала во сне. Она-то знала – никакой это был не сон!

Сейчас Мотылькова жалеет об одном: что её не видят детдомовские.

Во рту – вкус шоколада. До сих пор.

* * *

...Проходя мимо открытого дворика, отделённого от улицы лишь газоном и железной изгородью, он замечает большую благоустроенную песочницу с домиком в форме ракеты. Малыши копошатся в песке, ссорятся из-за игрушек. Кто-то, наоборот, объединяется в строительные бригады – строят замки и города.

На песке...

Молодой человек застывает, загипнотизированный этой картиной.

Родители – идиоты! Ничего не понимают. Слепо доверяют – чему? Ведь в любую минуту, в любую секунду...

Земля под ногами вздрогивает, как спина гигантского животного, как панцирь черепахи, на которой стоит мир. Страшная трещина бежит по асфальту. Упасть на четвереньки, закрывая собой сестру... он справляется с паникой. Это разум дал трещину, а вовсе не старый асфальт, изуродованный давними морщинами. Просто трамвай прошёл. Просто метро в глубине напомнило о себе; а может, где-то обрушили дом, назначенный на снос.

Барсуков опускается на корточки и разворачивает девочку к себе. Руки его дрожат.

– Прости меня, – произносит он сквозь спазмы в горле. Прости и помилуй, зачем-то добавляет он мысленно. Прости и помилуй меня, грешного...

Она вдруг целует брата в ухо. Неловко и быстро, как птичка клюнула. Он отшатывается:

– Ты чего?

– Ты хороший.

– Не делай так больше.

Она смотрит долгим взглядом на детскую площадку и бормочет:

– Жизнь удалась... Элита чёртова...

Он цепнеет. Не знает, как реагировать... что спросить... Спрашивает она – забрасывает его милыми детскими вопросами:

– А где твоя, ну, эта... на голове... – показывает, как надевают кепку. – А чего ты тогда плакал? «Это – всё. Не могу больше...» А что такое элита? Не плачь, пожалуйста! Я это... тут... смотри... вот...

И пока изумление в его глазах сменяется пониманием, а понимание – ужасом, она, хихикая, достаёт из куртки ту тысячу, которую незаметно увела из кармана зловредного мента.

Владимир Томских

Мусоропровод

Рассказ[1]

НЕ ВСКРЫВАТЬ! В СЛУЧАЕ ПОЛОМКИ НЕМЕДЛЕННО ОБРАТИТЬСЯ В СЕРВИС-СЛУЖБУ КОМПАНИИ «МЭЛОУН ИНК.» (НОМЕР ВИДЕОФОНА – 335DFG47). Джим Элри с недоверием перечитал надпись, почесал затылок и, хмыкнув, потянулся к чемоданчику с инструментами.

Утро понедельника начиналось вполне обычно. Джим, насвистывая мотив популярной рок-композиции, брился; его жена Элен, повязав красный фартук поверх домашнего халата, колдовала над омлетом с беконом. Атмосферу семейной идиллии разрушал лишь шестилетний Томми, который носился по комнатам, изображая космического рейнджера. Он как раз удирал от ужасного монстра с планеты Квош, когда с размаху влетел в корпус мирно чистящего ковер робота-уборщика. Расквасив нос, Томми упал на пол и заорал. Само по себе происшествие не стоило и выеденного яйца. Так думал Джим, уплетая омлет и запивая его горячим кофе, в то время как Элен повела плачущего сына к мусоропроводу.

– Это все ерунда, старик, – подмигнул Джим своему отражению в зеркале, надевая рубашку.

Отражение бодро кивнуло и потянулось за галстуком. Дело перестало быть пустяковым, когда миссис Элри вернулась, держа за руку мальчика, который уже даже не плакал – выл в полный голос. Она сбивчиво рассказала нечто, во что Джиму верить ну совсем не хотелось.

– Не работает? – растерялся он. – Ты уверена?

Как и любое устройство, созданное человеком, мусоропровод, конечно, мог сломаться. Теоретически. На практике же сталкиваться с такими случаями, да и слышать о подобном Джиму не доводилось. Не говоря уже о том, чтобы столь неприятное событие напрямую касалось его семьи.

– Пойду гляну, – решил он.

Мусоропровод находился в середине их жилого блока. Вообще-то это было неплохо, ведь власти выделяли лишь два-три устройства на целый сектор. Людям из соседних блоков приходилось по часу добираться сюда, чтобы избавиться от мусора. Джиму же обычно хватало пяти минут. Всего-то и делов, что пройти через общий коридор, мимо аккуратных прямоугольников дверей, которые вели в другие квартиры, и, минуя бесшумно разъезжающиеся створки, угодить точнехонько в нужное помещение.

В этот раз весь путь занял три с половиной минуты.

Комната пустовала. Мусоропровод стоял там же, где и всегда: у дальней от входа стены, между панелью видеофона и автоматом с газировкой. И вид у него был вполне привычный. Тот же прямоугольный хромированный корпус, рычаг активации сброса слева, мерцающий зеленый огонек индикатора приема мусора справа. Окошко мусоприемника приветливо распахнуто.

Тогда Джим подошел к коробу мусоропровода и попробовал активировать его, но потерпел неудачу. Раздражение и усталость никуда не делись, а скорее наоборот – усилились. Выругавшись, он отправился назад.

Естественно, Элен его замысел не оценила.

– Ты хочешь залезть внутрь? – ужаснулась она.

– Я хочу починить его, только и всего.

– Но ты же этим никогда не занимался!

– Чепуха, – отрезал Джим, собирая инструменты. – Милая моя Эл, я ремонтирую космические корабли класса «А». Ты понимаешь, что такое класс «А»? Думаешь, я не пойму принцип работы какого-то там бытового агрегата? Ха!

Возможно, он не говорил бы столь уверенно, будь мусоропровод исправен. Но сейчас им руководили раздражение и природная импульсивность.

– Но там же радиация, Кэрри Фероуз мне говорила, что Боб, сослуживец ее мужа, сам видел, как…

– А Кэрри не говорила тебе, что на днях венерианские медузы захватят Землю? – перебил ее Джим. – И что вампиры с Марса на прошлой неделе покусали ее дантиста, когда она приходила к нему на прием, часом не обмолвилась?

– Ой, перестань, – отмахнулась жена. – Слушай, она точно знает, эти штуки опасны, их излучение действует на мозги.

Джим почувствовал, что вот-вот взорвется и уж подробно растолкует, что он думает о Кэрри Фероуз и ее мозгах. И заметил про себя, что Элен в своем нелепом фартуке, заляпанном темными пятнами жира, здорово похожа на курицу.

На глупую, ощипанную, кудахтающую курицу.

Он захлопнул чемоданчик и поднялся на ноги.

– Послушайся голоса разума, дорогой, – попыталась еще раз отговорить мужа Элен. – Мы должны вызвать специалиста.

– Я послушаюсь голоса совести, – Джим махнул рукой в сторону комнаты Томми. – Ты, похоже, забыла, что это такое, черт возьми. – И он вышел в коридор.

– Мы могли бы отвезти его в блок А17… Джим, постой. Джим!

Блок А17, ну да, конечно. Это займет уйму времени, неужели нельзя понять столь элементарную вещь. Я справлюсь с проблемой за полчаса, думал Джим, ускоряя шаг.

Раздражение становилось нестерпимым.

На сей раз в комнате с мусоропроводом оказались люди. Розовощекий толстяк в мятом костюме-тройке, с кожаным кейсом в руке; худенькая девочка лет двенадцати, которая хныкала, прижавшись мокрым от слез лицом к цветистой юбке средних лет женщины, – наверное, это были дочь и мать; двое подростков стояли рядом с автоматом с газировкой и, взвужденно жестикулируя, что-то обсуждали.

Никого из них Джим не знал.

– Быстро же вы приехали, – оживился толстяк. – Понимаете, у меня очень важная встреча, а я, как бы сказать… не совсем готов, да, – его маленькие глазки нервно забегали. – Вся надежда только на вас.

– Мистер, помогите Салли, прошу вас, она ушибла палец, – запричитала женщина.

– Позвольте, но у меня действительно важная встреча.

– Неужели вы не пропустите ребенка?

– Но я же первый сюда пришел.

– Заткнитесь! – рявкнул на них один из подростков и запустил в толстяка пустой банкой из-под «Колы».

Завязалась драка, которую Джиму с большим трудом удалось остановить. Дьявол, подобного он не видел уже очень давно. Разве что в детстве, когда никаких мусоропроводов еще не было.

Пришлось выпроводить шумную компанию в коридор, объяснив им, что процесс ремонта чрезвычайно трудоемок и опасен. Заблокировав входные двери, Джим принялся за работу.

Предупреждающая надпись его не остановила. Напротив, появился некий азарт, особенно когда Джим сообразил, что сюда с минуты на минуту должны прибыть специалисты-наладчики. Довольно усмехнувшись, он принялся быстро выкручивать фиксаторы с

крышки задней панели мусоропровода, попутно прикидывая, что могло привести к поломке. Странно, но в век технического бума о принципе действия этих устройств было известно ничтожно мало. Очевидно, компания «Мэлоун инк.» крепко держалась за свои секреты, что, правда, не очень вязалось со вседоступностью мусоропроводов для простых людей. Ведь любой был способен вскрыть корпус, а разобраться в хитросплетениях внутренностей для подкованного в технике человека раз плюнуть. Редкая самоуверенность для столь солидной корпорации.

Он выкрутил последний фиксатор и снял крышку. Но дальше Джима поджидал сюрприз: вместо привычной мешанины из проводов, вентиляторов и микросхем обнаружился лишь металлический контейнер, напоминающий сейф. Сходство дополнялось еще и тем, что дверца контейнера запиралась на электронный замок с шифром. Джиму приходилось сталкиваться с подобными замками: на космических кораблях, которые он ремонтировал, так обеспечивалась безопасность оружейной и капитанского мостика.

Тут электронное табло, где высвечивались цифры вводимого шифра, заискрилось и погасло. Медленно отворилась внушительной толщины дверца.

И Джим увидел Его.

Гарри Сэлинджер, генеральный менеджер компании «Мэлоун инк.», был подчеркнуто вежлив и предупредителен.

– Присядьте, мистер Элри, присядьте, прошу вас. Распишитесь, пожалуйста, здесь и вот здесь. Давайте, давайте, ставьте вашу подпись.

– Что это? – хмуро поинтересовался Джим.

– Подписка о неразглашении, естественно, – широко улыбнулся Сэлинджер. – Мы не будем подавать в суд за порчу дорогостоящего оборудования, но нужно иметь кое-какие гарантии.

– К черту гарантии. Как вы могли посадить Его в ящик?!

– Кого его, мистер Элри? – с готовностью отозвался менеджер.

Действительно, кого? Джима настолько шокировало присутствие живого существа внутри мусоропровода, что он, признаться, с трудом припоминал подробности. Вроде бы оно было похоже на ребенка, но только с шерстью и хвостом. Или вместо хвоста щупальце? Руки или лапы? Вообще-то Нечто скрывалось в глубине корпуса, в полутьме, поэтому с уверенностью и не скажешь...

Однако Джиму крепко врезались в память Его глаза. Огромные, без зрачков, они мерцали в темноте.

– Я видел его глаза. Того, кто заперт в ящике, – Джим на мгновение задумался и чуть тише добавил: – и Ему было очень страшно.

– Конечно, ему было страшно, мистер Элри, ведь это же птилетэк, – заговорщики подмигнул Сэлинджер. – Давайте, вы подпишите бумаги, а я расскажу вам кое-что интересное, идет?

– Нет уж, сначала объяснитесь.

– А вы упертый, – рассмеялся менеджер. – Ну хорошо, будь по-вашему. Выпить не желаете?

Джим отказался. Сэлинджер, залпом осушив стаканчик с минеральной водой, начал свой рассказ.

– Вы, наверное, помните то время, когда не было мусоропроводов? Люди пребывали в постоянном стрессе: каждый день суeta, напряжение, хаос большого города, неразбериха горящего муравейника. Склоки, скандалы, разборки, болезни, убийства. Гонки на выживание. Возможно, я чуть сгущаю краски, но мегаполис тех лет был мало похож на парк развлечений.

Многие пытались улучшить жизнь человека. В первую очередь врачи, конечно, со своими шприцами, порошками и таблетками, – он поморщился. – Тут же и психоаналитики, и восточная медицина. Но все это грубые методы, мистер Элри, именно поэтому они и проиграли изобретению компании «Мэлоун инк.». Проиграли мусоропроводам.

Что есть мусоропровод? Способ выпустить пар, сбросить весь негатив, чтобы, воспарив из пепла подобно птице Фениксу, с улыбкой идти к новым вершинам. Это великое изобретение для человечества, мистер Элри.

– Браво, браво, – похлопал Джим. – Может, не стоит пересказывать мне рекламный буклет вашей компании? Я и сам прекрасно знаю возможности этих железок: как они зажигают легкие раны, как убирают боль и усталость, успокаивают и все такое прочее. Меня интересует кое-что другое.

– Ах, да, птилетэки. Видите ли, наше завоевание рынка началось с космических кораблей. Сам мистер Мэлоун во времена своей молодости работал в научной группе на космоФлоте. Эра освоения галактики была тогда в самом расцвете. Дальние перелеты становились нормой, но психическое здоровье астронавтов подвергалось огромному риску. Некоторые ломались – замыкались в себе, либо, наоборот, делались нервными и мнительными. Экспериментальные препараты и специальные методики релаксации, которыми ученые пытались решить проблему, имели массу побочных эффектов и помогали далеко не всегда.

Ситуация изменилась, когда один из исследовательских кораблей приземлился на маленькой, никому не известной планете. Астронавты окрестили ее Пти: кажется, так звали канарейку капитана.

Здесь люди впервые встретили птилетэков. Так планета Пти стала колыбелью мусоропроводов, в том виде, в каком они существуют сегодня.

– Каким образом? – Джим начинал понимать, к чему клонит Сэлинджер.

– Элементарным, мистер Элри. Весь фокус в том, что пти-летэк питается психической энергией человека. Его эмоциями, проще говоря. Когда эти существа рождаются, они являются чем-то вроде пустой оболочки. И, конечно, стремятся сразу же заполнить эту пустоту.

– То есть в мусоропроводе они служат чем-то наподобие контейнера для мусора, – развил мысль Джим.

– Именно. Вы уловили суть вопроса. А когда птилетэк переполнен – что, кстати, и произошло в вашем случае, – его нужно просто заменить. – Сэлинджер театрально щелкнул пальцами. – Видите, до чего удобная технология.

– Еще бы. А что вы делаете с переполненными… существами?

– Лазерная утилизация. Совершенно безвредна для экологии. У нас постоянные поставки с планеты Пти, так что с заменой контейнеров проблем тоже нет. У нас все схвачено.

– Вот как. А я-то удивлялся, как вам удается оставаться монополистами. Не боитесь, что всем растреплю про вашу чудо-технологию?

– Эта технология уникальна, мистер Элри, но еще и достаточно невероятна, чтобы вас посчитали сумасшедшим, – улыбнулся Сэлинджер. – Кроме того, уж поверьте моему опыту, можно украсть чертежи и микросхемы, но совладать с птиле-тэком гораздо труднее.

– Последний вопрос. Вы сказали, что Ему страшно. Почему?

– Я думал, вы поняли. Птилетэк переживает все те эмоции, которые отдает человек. Он чувствует ваш страх, боль, одиночество, разочарование. Все.

– Вы ублюдок! – Джим вскочил на ноги.

– Разве, мистер Элри? – переспросил Сэлинджер. – Но ведь мы помогаем людям. Неужели вы будете отрицать очевидное? Без мусоропроводов этот мир давно бы захлебнулся в крови.

Джим застыл напротив менеджера, тяжело дыша и сжимая кулаки.

Сэлинджер был спокоен.

– Разве вы не пользуетесь мусоропроводом? Не выбрасываете каждое утро усталость, лень, злобу и напряжение? Неужели вы или кто-то из ваших близких плохо живете?

– Но не таким же способом, черт вас побери!

– Вы знаете другой способ, мистер Элри? Ну так просветите меня, прошу.

– Мерзавцы, – пробормотал Джим, разрывая подпиську о неразглашении. Клочки бумаги полетели в Сэлинджера. Тот как ни в чем не бывало налил себе минералки.

Вполголоса ругаясь, Джим вышел из кабинета, от души хлопнув дверью.

– Как глупо, – с грустью сказал в пустоту Гарри Сэлинджер. – И как предсказуемо.

Томми мирно посапывал в своей кроватке. Его глаза были закрыты, а грудь спокойно вздымалась и опускалась в такт тихому дыханию.

Джим не отрываясь смотрел на сына, а рядом весело щебетала Элен.

– Милый, как хорошо, что все наладилось, – сияла она. – Все-таки эти мусоропроводы такие прекрасные вещи. Милый, что с тобой?

– Прекрасные, – повторил Джим, глядя на встревоженное лицо жены. Ему хотелось придушить ее. – Конечно, прекрасные.

– Ты что-то бледный. Почему бы тебе не выбросить мусор прямо сейчас, а?

– Да, – согласился Джим. – Действительно. И он отправился к мусоропроводу.

Весь путь от компании «Мэлоун инк.» до дома его преследовали видения. Глаза существа, наполненные болью, ужасом, ненавистью, агонизирующие в темноте ящика-ловушки, они обвиняли, они звали, они умоляли, наконец. Это было невыносимо.

Джим уже решил, что не успокоится, пока не выведет дельцов из корпорации Мэлоуна на чистую воду. Но сначала нужно было помочь тому несчастному, которого медленно убивали Томми, Элен, розовощекий толстяк с кейсом и прочие бесчувственные ублюдки.

Двоих мерзавцев как раз сутились возле мусоропровода.

– Пошли вон! – заорал Джим, расталкивая их.

– Эй, какого черта? – возмутился белобрысый парень в синей майке и длинных шортах цвета хаки. – Подождите своей очереди, мистер!

Джим без раздумий удариł его в челюсть.

Парень охнул. Его спутница, миловидная девица лет восемнадцати, тоненько взвизгнула и, схватив возлюбленного за руку, потащила его прочь.

Но Джим уже забыл про них. Он соображал, как освободить существо. Двинулся было к задней панели, чтобы открутить фиксаторы с крышками, однако тут его осенило. Джим взялся за рычаг активации сброса и дернул.

Теперь все его эмоции текли в окошко мусороприемника.

Джим закрыл глаза и расслабился. Картинки из жизни проплывали перед ним. Зеленая лужайка возле дома родителей. Аккуратный белый заборчик. Старые качели с поцарапанным сидением. Свист ветра в ушах. Как с Кэтти, соседской девчонкой, собирали искры росы поутру, чтобы кидаться ими в бледное многоцветье радуги. Беззаботным паровозиком отступала в памяти молодость, чтобы смениться другими эпизодами. Счастливая Элен в белом платье. Первые слова Томми. Первые шаги.

Существо оживилось, потянулось к нему, доверчиво протягивая маленькие ручонки. Джим чувствовал это, хотя и не видел. Повинуясь внезапному наитию, он запел:

Баю-баю, детки
На еловой ветке.

Существо обрадовалось, захлопало ручонками, загудело. Совсем как Томми, когда Джим усыпал его старинной колыбельной.

Тронет ветер вашу ель —
Закачает колыбель...

Джима охватило чувство странной эйфории, волнительной и безмятежной. Он ощущал полное, безграничное единение с существом, которое укутывало его лаской и заботой. Он словно погружался в волшебный сон.

А подует во весь дух —
Колыбель на землю бух.

В глубине корпуса мусоропровода птилетэк довольно урчал.

Фотографии не могут заменить живых людей. Гарри Сэлинджер был согласен с этим утверждением, но каждый раз, оставаясь допоздна в офисе компании «Мэлоун инк.», лез в ящик стола и вынимал старенький потрепанный фотоальбом.

Вот Лиза Кохорн, их медсестра. Болтушка Лиззи, простодушная и застенчивая. Очень добрая. Наверное, поэтому она стала первой из тех, кого выпили твари с Пти. Эти ангельские создания обожали вкус доброды и сочувствия.

Первый помощник Смит, судовой врач Райхарт, механик, электрик, первый пилот, геохимик и его жена, штурман и технический руководитель экспедиции. Сэлинджер перелистывал страницы, вглядываясь в лица товарищей по тому злосчастному полету. Погибших товарищей.

А вот космодесантник Крайт, здоровый детина с растрепанной шевелюрой и рыжими бакенбардами. Тот, когда понял в чем дело, схватился за лучемет и принял стрелять. Твари ударили по нему его же ненавистью, точно кувалдой искрошив кости в труху.

Сэлинджера и еще нескольких уцелевших тогда спасла обшивка. Твари не могли воздействовать на людей через металл. Это свойство помогло в борьбе с ними позже...

– Мистер Сэлинджер?

В комнате стоял человек. Один из сотрудников службы безопасности корпорации.

– Джим Элри? – полуутвердительно спросил менеджер. Человек кивнул.

– Несчастный случай?

– Все как обычно. Вы же знаете. Сэлинджер знал.

– Будете присутствовать на утилизации? – поинтересовался человек.

– Да.

Он никогда не пропускал процедуру утилизации контейнеров. Никогда.

– Можете идти.

– Есть, – человек чуть замялся. – У вас нездоровий вид, сэр.

– Голова побаливает. Не стоит беспокоиться, иди.

Сэлинджер не лукавил. Голова и правда раскалывалась с самого утра. Поэтому, едва захлопнулась дверь кабинета, он вытащил из кармана пиджака две таблетки аспирина и бросил их в стакан с водой.

Наблюдая, как они с шипением растворяются, Гарри Сэлинджер с тоской думал о том времени, когда никаких мусоропроводов не было и в помине.

Владимир Голубев

Теорема Нёттер[2]

Повесть

Город Кинешма, лето прошлого века

- Мам, дай на мороженое!
- Спроси у папы.
- Пап, дай на мороженое!
- Сколько? Гривенник? Держи.
- Мам, я пошел!
- Вовка! Со двора – никуда! Смотри мне!
- Ладно!

Дети собирались во дворе, на лавочке возле сараек. Ровесники, перешедшие в четвертый класс, толстяк Сашка Толбузин, дочка дворничихи Наташка Рыбакова и вихрастый Вовка Курочкин.

- «Морожку» не привезли?
- Не-а. Еще рано.

Большие круглые часы, висевшие над входом в универмаг и видимые через раскрытые ворота, показывали без двадцати девять.

Вовка держал монетку в кулаке, в кармане штанов.

- Во что поиграем? Рыба сказала:
- Давайте в «сыщики-воры»!

Вовка возразил:

- Не получится, нас всего трое.
- Ну и что, – возразила Рыба, – один вор, два сыщика.
- И кто будет вор? Уж не ты ли?
- А хоть бы и я!
- Из тебя вор... Ты на чердак боишься и в подвал боишься.
- Ага, там темно! А в подвале мыши. Ну, буду сыщиком...

Сыщик ищет вора на чердаке да в подвале. Все равно не получится. Два сыщика быстро поймают одного вора, а один сырщик двух воров совсем не поймает. Надо чтоб поровну было. А Цыкал что не выходит, может, Цыкала позвать?

- Он с мамой ушел. Я, когда выходила, видела.
- Тогда давайте в «ярки»[3].
- Мячика нету, – сказал Толбуз, – мой собака порвала, а еще у Цыкала только есть.
- А в прятки?
- В прятки можно, а, Вовка?
- Давай!
- В скверике можно прятаться?
- Нельзя, – нахмурился Вовка.
- Почему?
- Надо дорогу переходить. Мама заругает.
- Она не узнает!
- В окно увидит. Окна-то в ту сторону.
- Твоя мама на работе!
- Ты что, сегодня воскресенье!
- Ладно, в скверике не будем. А в собачьем дворе можно?

– Не-а, только в нашем. Кто водит?

– Сашкина очередь, – ответила Рыба. – Чур, не подсматривать! Ты в тот раз подсматривал, хлеза[4]!

– Сама хлеза! Ничего я не подсматривал…

– Ладно, давай води.

Сашка Толбузин положил руку на щербатую кирпичную стену, уткнулся лицом.

Вовка и Наташка побежали в разные стороны.

– Раз, два, три, четыре, пять… – начал он.

– Считай побольше! До десяти считай! – донеслось со стороны сараек.

– …шесть, семь, восемь, девять, десять. Я иду искать. Кто не спрятался – я не виноват!

Вовка чуть замешкался, раздумывая, куда шмыгнуть: за сарайки (туда побежала Рыба) или же в узкую щель между стеной и открытой створкой ворот. Когда Толбуз досчитал до семи и времени не осталось, Вовка быстро юркнул в свой подъезд. Открытая дверь в подвал казалась черной пастью. Подвал, конечно, место надежное, Толбуз туда не сунется, но и Вовке не очень-то хотелось лезть в паутинную темноту, где запросто вляпашься в вонючую кошачью какашку. И тоже страшно, честно говоря.

Вовка взбежал на второй этаж, уткнулся носом в узкое пыльное окно; половину двора отсюда видно, да и то плохо. До Вовкиной квартиры оставалось два скрипучих лестничных марша. Спрятаться дома? Но это не по правилам. Хлезить нельзя.

Стоять здесь толку нет, подъезд – ловушка. Сашка увидит его снизу, и, несмотря на свою грузность, успеет добежать до стенки и «застучать». Его никак не догнать по лестницам.

Надо рисковать. Вряд ли Толбуз пойдет в подъезд, оставив двор без пригляды; Наташка живо прибежит и «застучит» себя. Скорее всего, он, не зная, где укрылся Вовка, сейчас крадется к сарайкам, поминутно оглядываясь на стенку.

Вовка отошел от окна, взялся рукой за деревянные перила, отполированные взрослыми руками и мальчишечими штанами, напрягся перед решительным броском, как вдруг за его спиной в тишине подъезда раздался тихий стеклянный щелчок. Такой звук бывает, если бросить в окно маленьkim-премаленьkim камешком. Ага, хитрюга Толбуз выманивает меня наружу, подумал Вовка. Он тихо спустился на первый этаж, хотел было подождать здесь, но услышал крики:

– Вовка! Кура! Выходи! «Морожку» привезли!

Вовка выскочил из подъезда. Толбуз и Рыба ждали – у них сегодня денег не было.

– Быстро!

Неразлучная троица выскочила за ворота. Из шарабана уже выгрузили молочную флягу с мороженым, стол, табуретку и коробку вафельных стаканчиков. Полная улыбчивая женщина-продавец надевала белый фартук. Около нее собралась очередь детей и взрослых из окрестных дворов.

Шофер, пыхтя папиросой, поставил тяжелую флягу на табуретку, коробку на стол. Женщина-продавец подписала бумажку, отдала шоферу. Шарабан, дохнув вонючим дымом, уехал.

– Ну, что, пострелята, соскучились по мороженому?

– Ага!

– Так: не шуметь, без очереди не лезть! Понятно?

– Ага!

– Подходи, кто первый…

И началось священнодействие. Дети завороженно смотрели, как железная ложка на мгновение ныряла во флягу, а потом ловко укладывала мороженое в вафельный стаканчик.

Получалась высокая красивая горка, одинаковая у всех. И у всех на дне стаканчика было одинаково пусто. Железная тарелка постепенно наполнялась гривенниками.

О-о-о, есть мороженое – целое искусство! Сперва надо осторожно слизывать сладкую горку, не давая лакомству потечь понаруже стаканчика. В то же время стенки его нагревать руками, чтобы мороженое стало скользким изнутри и постепенно опускалось в пустые вафельные недра. Если вовремя и понемногу скусывать стаканчик по кругу, можно добиться того, что у тебя всегда будет мороженое, даже на самом-самом донышке. Все кинешменские мальчишки и девчонки в совершенстве владели этой сложной техникой...

Троица уселась на лавочке. Вовка положил копеечку сдачи в карман рубашки, застегнул пуговку. Откусил первым, передал «морожкку» Рыбе. Последним кусал Толбуз. От холодного у него ныл передний зуб, но кто ж обращает внимание на такие мелочи! Так они сидели и ели по очереди. У Рыбы денег никогда не было, она жила без отца и очень бедно. Родители Сашки считали, что нельзя слишком баловать ребенка и на «морожкку» давали не часто. Но если гривенник появлялся, мороженое честно делили поровну.

- А ты, Толбуз, все-таки схлезил, – пробурчал Вовка.
- Ты чё, когда? – Сашка искренне удивился.
- А кто кинул камешком в окно? Меня выманить хотел?
- В какое окно? Я не знал, где ты. Я за сарайки пошел, а Рыба…
- Ты не кидал? А кто? Во дворе никого не было!
- Да не кидал я, честно.
- Он не кидал, – сказала Рыба, – правда.
- Но я же слышал, как щелкнуло…
- Показалось тебе.
- Не показалось!

Потом пришел Цыкал, рассказывал страшные вещи про зубного врача, к которому его водила мама. Про ужасную сверлилку. («Там все орали».) Показывал пломбу. И гордился, что ему два часа нельзя есть.

Рыба сказала, что сегодня воскресенье, зубная не работает и Цыкал все наврал. Небось, ходили на Жуковскую, к бабке. А эту пломбу он уже показывал, недели две назад. Все засмеялись. И Цыкал смеялся.

- Он вынес мячик:
- В «ярки»?
- Летний день летит стрелой…
- Вова! Обедать!

Вовка взбежал на второй этаж, подошел к окну. Он ходил здесь «тыщу раз», смотрел в окно «тыщу раз», знал «в лицо» паука, живущего между пыльными стеклами. Вовка знал, что между стеклами лежат шесть дохлых мух, пять комаров и две маленькие бабочки, ставшие в разное время жертвами паука. Лежали кусочки обсыпавшейся побелки, горсть крупного волжского песка, которую он сам, через форточку, забросил к пауку. Еще там, в междустекольном мире, валялись засохшие листики и невесомые комочки пыли.

Вовка увидел его сразу. Крошечное круглое отверстие чуть выше нижней замазки, с воронкообразной выемкой, обращенной в подъезд. В пыли под батареей мальчик нашел маленькую круглую линзочку. Ее края были очень острые. Вовка пересчитал паучье имущество: мух стало семь и комаров семь.

Паук выстрелил песчинкой из крошечной рогатки и пробил дырочку в стекле, подумал Вовка. Паук? Ну конечно, ведь наружное стекло целое, а между окон больше никого нет. Вовка подобрал с полу горелую спичку. Она едва проходила в отверстие, срезая о стекло свои квадратные грани.

Осторожно взяв линзочку, Вовка принес ее домой и показал маме. Та, занятая стиркой, едва на нее взглянула:

– Покажи папе...

Отец чистил рыбу, но отложил нож, сполоснул руки и спустился с Вовкой на второй этаж. Мама запоздало крикнула:

– Фартук сними!

Отец потрогал пальцем выбоинку:

– Да... интересно... удар как будто с той стороны... Если бы отсюда, я бы поискал у тебя рогатку, а так... Знаешь сын, что это? Брак в стекле. Так называемое внутреннее напряжение. Одна часть стекла была сжата, когда застывала, а другая растянута, как пружина. Вот теперь пружина сработала и вытолкнула кусочек стекла наружу. Я где-то видел такие дырки, не помню только где. Так что здесь ничего особенного.

– Пап, а может, это паук стрелял песчинкой? Я сам туда закинул песок, через форточку.

– Ты закинул? Зачем?

– Ну, я хотел сбить паутину. И посмотреть, что паук будет делать. Я еще маленький был. Давно.

– А как достал?

– Залез вот сюда, – Вовка постучал по подоконнику.

– Эх, пацанва... так кто, говоришь, стрелял?

– Паук. Из рогатки. Из маленькой такой рогаточки.

– Или вы с Толбузиным ухитрились... У вас рогатки есть?

– Не-а...

– Или кто-нибудь из пацанов стрельнул... пошли-ка обедать.

– Не, пап, туда не залезть – места мало... А у тебя есть пустой коробок?

– Туда лезть и не надо. Открыл раму, стрельнул да закрыл. И вся недолга. Коробок найдем... Тебе зачем?

– Стекляшку положить.

– Ладно. Пошли.

Август принес цветение волжской воды. А сентябрь закружиł у подъезда вихрь сухих буро-зеленых листьев.

Неразлучная троица пошла в четвертый класс.

В день, когда выпал первый снег, Вовка и Сашка записались в астрономический кружок при Доме пионеров. Они шли домой, обсуждая это важное событие. И слова Наташки, которая записалась в школьный кружок кройки и шитья. («Нужна мне ваша астрономия...»)

Вовка поднялся на второй этаж, привычно взглянул в пыльное окно и... замер. В стекле появилась вторая дырочка. Она нагло торчала в углу, сверкая свежим сколом, и выглядела новенькой. Не то что запыленная первая. Маленькая линзочка закатилась под горячую батарею, но упорный Вовка ее нашел. Он показал линзочку маме («Смотри не порежься») и отцу («Я же говорил – внутренние напряжения»), после чего положил ее в спичечный коробок. Теперь там лежали две линзочки.

Четверти пролетали незаметно. Руководитель астрономического кружка Андрей Дементьевич рассказывал страшно интересные вещи. Показывал карты звездного неба и выносил на улицу настоящий телескоп. В темные зимние вечера дети рассматривали Луну, Юпитер, алмазные Плеяды и другие небесные чудеса. Все бы ничего, но уж больно холодно.

А дырочки в стекле появлялись еще и еще. Вовка даже загадывал: если появится дырочка – получит пятерку. Однажды сбылось... Он показал коробок со стекляшками Андрею Дементьевичу; тот пожал плечами и сказал: «Данное явление имеет отношение к производству стекла, но не к астрономии».

К концу учебного года в стекле было ровно десять дырочек. «Безобразие», – сказала толстая тетя Римма, Вовкина соседка с третьего этажа. Она что-то говорила маме про мальчишеч с рогатками, явно намекая на Вовку. Мама сказала, что Вова примерный мальчик и рогатки у него нет. Рогатка, конечно, была, но родители про нее не знали. Да дело не в этом. Вовка точно знал, что из рогатки такую дырочку сделать не получается, как ни старайся. Потому что еще в начале сентября они с Сашкой провели на пустыре эксперимент. Стрельба из рогаток по стеклам с разных расстояний и разными «пулями» давала неизменно одинаковый результат в виде длинных, острых и страшных на вид стеклянных ножей и кривых сабель. Если резинку натянуть со всей силы, стекло разбивалось, а если вполсилы или же бить наискосок, то камешек, скользнув по стеклу, уходил куда-то в желеющие кусты. И лишь однажды маленький стальной шарик, с трудом добытый из ржавого подшипника, пробил в стекле дырку размером с гриненник. Ее края были неровные, покрытые сеткой мелких трещин. Рукотворная дырка нисколько не походила на маленькие, гладкие и аккуратные дырочки в окне.

Весной в подъезд пришел в сопровождении тети Риммы стекольщик, отковырял замазку, вынул пробитое стекло. Он зашел в Вовкину квартиру, попросил старое покрывало, накрыл им кухонный стол и вырезал скрипучим стеклорезом новый кусок стекла по размеру старого.

– Подождите.

Тетя Римма самолично вытерла мокрой тряпкой внутренности стекольного мира, убрав паутину, песок и дохлых насекомых. О судьбе паука Вовка так и не узнал. Окно стало чистым, ясным и пустым.

И опять пришли каникулы…

Моток ржавой проволоки был придавлен куском бетонной плиты. Вовка Курочкин выпрямился, отдохнул, посмотрел на руки. Грязные ладони горели огнем. За полчаса невероятных усилий одно кольцо Вовке удалось вытащить, но этого было, кажется, мало. Проволока, несмотря на свою толщину (примерно как те большие гвозди, что лежат у папы в сарайке, в ящике), была довольно мягкая и для дела подходящая. А Толбуз нашел возле паровозного круга^[5] проволоку потоньше, но такую тугую, что и вдвоем не разогнуть. Она была смята в бесформенный комок, с которым вряд ли что можно сделать. Толбуз под каким-то невнятным предлогом отказался идти на стройку, и Вовка подозревал, что его дружок просто-напросто струсил.

Время поджимало. Вовка, озираясь, обмотал проволочные кольца пыльной бумагой, оторванной от цементного мешка, ухватился покрепче, глубоко вдохнул и дернул что есть силы. Его противник неожиданно сдался, и Вовка, потеряв равновесие, упал навзничь на рассыпанный по земле щебень. Мальчик терпел боль, стиснув зубы. Шуметь было нельзя, потому что выскочит из вагончика сторож, пьяный мужик, начнет орать плохие слова и размахивать ручкой от сломанной лопаты. Жалко ему куска проволоки! Стройка большая, а этот моток все равно бросили.

Вовка медленно встал, повел плечами – больно! Зато проволока свободно лежала на земле. Отпилить кусок сейчас? Вовка не знал, сколько надо проволоки, чтобы сделать обруч диаметром один метр. Он нашупал в кармане маленький почти лысый трехгранный напильник. «Возьму всю, – подумал мальчик, – тут всем хватит. И Толбузу, и ребятам. Кого отпустят?»

Он ухватил моток покрепче и почти бегом выбрался за забор стройки, благо три доски в нем были выломаны. Потом, в безопасности, Вовка взялся за проволочный «хвост» и дальше потащил проволоку волоком ближним путем домой, в сарайку.

Мама не ругалась, только вздохнула и сказала:

– Снимай рубашку. И штаны тоже. На тебе все прямо огнем горит.

На следующий день Толбуз с Вовкой пришли в сарайку и осмотрели богатство. Теперь можно не спешить. Потому что «максимум Персеид», как сказал Андрей Дементьевич, ожидается двенадцатого августа. А сегодня только третье. Вовка достал с полки отцовский складной метр:

– Давай делать?

– Давай!

Мальчики принялись за работу.

Проволоку зажали в тиски. Вовка снял с гвоздя отцовскую ножовку, попробовал пилить. Вроде бы получалось, но, когда осталось немного, такое, казалось бы, крепкое полотно со звоном лопнуло.

– Ох, и влетит тебе, Вовка, от папы!

– Не-а, не влетит. Мы же не самострел делаем.

– Вовка, а что такое «максимум»?

– Не знаю.

– А как пилить будем?

– Эту так отломаем. А вторую обломком отпилим. Диаметром ровно метр, покрашенное цинковыми белилами, кольцо вскоре победно сияло в полумраке сарая.

– Смотри, Кура, законно[6] получилось!

– Чур, мое будет!

– Ладно. А мне?

– Тебе завтра сделаем. Айда купаться!

– Вода уже холодная...

– На «песчанке» теплая. Идешь?

– Ладно, пошли.

Уговорить родителей на ночную вылазку было делом непростым, но Вовке удалось. Под клятвенные обещания помочь по дому и хорошо учиться в следующем году (хотя Вовка и так был твердым хорошистом) отец согласился сопровождать юного астронома ночью на берег Волги, для «научного наблюдения» за метеорным потоком Персеид.

А Сашке не повезло. Мать отпускать его боялась, даже в сопровождении Вовкиного отца, а Сашкин отец работал в ночную смену и пойти не мог. Сашкин отец хотел сводить сына в другой раз, когда будет у него отсыпной-выходной, но потом небо заволокло тучами, пошли дожди, а когда они кончились, то и максимум потока кончился тоже. И мерзнуть из-за двух-трех метеоров смысла не было.

Вовка взял Сашкино кольцо, потому что оно было поровней.

Мальчик ходил иногда с отцом на ночную рыбалку и вставал, бывало, затемно по грибы, но на рыбалке смотрят на кивок, а не на небо, в далекий же грибной лес приезжают к рассвету, проремав всю дорогу в тряской и тесной машине.

Редкие огни другого берега Волги почти не мешали, а ночная Кинешма спала сзади, на высоком берегу. Отец привязал кольцо четырьмя шпагатами к двум чахлым деревцам, выросшим между береговых валунов. Вовка уселся на раскладной брезентовый стульчик. Отец забросил удочку со светящимся поплавком.

Сначала Вовка не знал, что искать. Но отец подсказал:

5

– Видел, звездочка упала? Вот их и считай, какие видишь через круг.

Метеоры бесшумно летели, казалось, из одной точки неба. Как будто там, в этой точке, открывается труба, из которой сыпались зажженные головки спичек. Отец засек время. Вовка деловито записал его в тетрадку, подсвечивая квадратным фонариком.

Зрелище завораживало, но шея уставала от необходимости смотреть вверх, через кольцо. Зад тоже болел от неудобного брезентового стульчика, однако Вовка терпел. Каждый

метеор, пролетевший в границе круга, должен быть сосчитан. Вовка ставил палочки вслепую, не глядя в тетрадь. И становилось совсем не жарко. У Волги и в жару свежо, а ночью в августе и подавно. Но час наблюдений надо выдержать, час, ни минуты меньше! Иначе они потеряют научную ценность, и Андрей Дементьевич не сможет, как обещал, отослать их в московский планетарий. А это как-никак главный астрономический кружок Советского Союза.

– Пап, сколько времени?

Отец посмотрел на свою «Победу»:

– Без пяти час, еще пять минут тебе.

«Как-нибудь выдержу», подумал Вовка. У него замерзли руки, держащие тетрадь и карандаш, затекла шея и болел зад. А еще сильно хотелось писать, есть и спать. И в этот момент он увидел...

Один метеор, не подчиняясь общему движению, пролетел навстречу потоку, снизу вверх, наискосок, возникнув ниже, чем остальные гасли, и погаснув там, где они зажигались.

– Папа, пап, ты видел, а? Видел?

– Вижу, вижу. Клюет. – Отец выдернул леску из воды: – Ну-ка, посвети...

На конце тонкой лески висел маленький, в половину ладошки, ёрш, растопырив все свои колючки.

– Пап, а тот метеор ты видел? Ну, который летел им всем навстречу?

– Нет, сына, не видел. Я на поплавок смотрел. Как метеор может навстречу лететь? Это военные ракеты запустили. Есть такие ракеты, осветительные. Ты хорошо рассмотрел?

– Не-а, он быстро погас.

– Может, показалось? Ты устал.

– Нет, пап, я точно видел.

В эту ночь Вовке приснился метеорный дождь. И один непокорный метеор, летящий навстречу потоку. Эта картина далекого детства отпечаталась в его мозгу на всю жизнь.

Жизнь не ждет и не останавливается. Незаметно летели годы. И приходило взросление. Как-то незаметно Рыба перестала быть Рыбой, а стала сначала Наташкой, потом Наташей, а потом, в мыслях обоих друзей, – Наташенькой. Она перестала играть в мальчишечки игры, стала тихой и задумчивой. Это было началом ее взросления.

Сашка стал чувствовать себя уязвленным, если Наташа разговаривала с Вовкой, то же испытывал Вовка от Наташиных знаков внимания к Сашке. Неразлучные прежде друзья стали ссориться. И это было неизбежным их взрослением.

В конце девятого класса Сашка и Вовка ждали Наташу у подъезда. Сашка выпалил: «Выбирай, кто тебе нравится, я или он!». Наташка посмотрела на них точь-в-точь, как смотрит мама, когда сын нашкодит. Она смотрела долго, переводя взгляд с одного на другого, и в ее глазах прыгали довольные чертики. Потом усмехнулась и сказала:

– Дураки вы оба.

И ушла, по-взрослому качая юбкой. Бывшие друзья молча разошлись.

Когда тебя подводит лучший друг, ты не просто лишаешься друга, ты лишаешься веры в дружбу и навсегда остаешься одиноким. Бывает и такое взросление.

Никто в любви Наташе так и не признался, никто никого не предал, но эта готовность к предательству, готовность сменить дружбу на любовь убила их наивную детскую дружбу.

Вовка думал: если Сашка готов отобрать у него самое дорогое, значит, дружба есть обуза и помеха любви? А что для него дороже – любовь или дружба?

Сашка думал точно так же. И это было начало его взросления.

В десятом Наташку стал провожать домой парень из параллельного класса, но после новогоднего вечера эти отношения прекратились.

Свои признания Вовка и Сашка приготовили к выпускному балу, но... что-то опять не получилось ни у того, ни у другого.

В августе Вовка уехал в Рязань поступать в институт. И поступил. Он, смущаясь, сказал Наташе:

– Напиши, если захочешь. Она равнодушно кивнула.

Сашка устроился на завод и осенью был призван в армию. Он прислал Наташе три письма, на которые она не ответила.

Город Рязань, зима прошлого века

Студент третьего курса Курочкин вошел в комнату общежития, швырнулся с размаху конспекты на стол, подошел, не раздеваясь, к окну и стал смотреть на медленно падающий снег. Он готов был плакать от досады и злости – опять пролетел с зачетом по антеннам. Все, стипуха накрылась. Ну или почти накрылась. Потому что спихнуть экзамен по усилителям с первой попытки вряд ли получится. Д. Попов, говорят, совсем озверел: в параллельной группе половину двоек наставил. Так что надежды мало. И тут еще эти проклятые антенны. Курсовой кое-как с «костыля»[7] содрал, а он тоже, видать, откуда-то содранный был. Весь расчет – сплошная липа, «фонарь»[8] на «фонаре» сидит, и «фонарем» подгоняет. Но искать другой «костыль» времени уже не было, не говоря о том, чтобы честно считать самому. Пришлось сдирать то, что есть. Свои цифры подставил – полный мрак. Одна надежда, что у Морозова тоже времени нет: посмотрит мельком. Так и вышло, но препод все понял, тройку поставил, сказав:

– На зачете компенсируешь… И вот, уже второй раз, отправил.

«Зар-р-р-раза! Чтоб ты сдох! Все планы к черту! Длинный весенний семестр без стипендии! Сволочь!»

За спиной раздался стук в дверь, и в комнату, не дожидаясь ответа, впорхнула Иринка. Она хотела, как обычно, броситься Володе на шею, но увидела валявшиеся на полу конспекты; Курочкин швырнул их на стол так, что они слетели на пол. Иринкино настроение вмиг улетучилось. Она подняла тетради и полуутвердительно спросила:

– Нет?

Володя молчал, уставившись в окно. Руки в карманах пальто сжались в кулаки.

– Убил бы гада этого…

– Вов, пошли в столовую. Тебе поесть надо. И успокоиться.

– Угу.

«Пулю ему подброшу, гаду». Пуля у Володи была. Вернее, сначала был патрон от автомата. Откуда он взялся, обитатели комнаты не знали. Патрон уже валялся в тумбочке, когда Курочкин вселился в эту комнату. Потом пуля была осторожно вытащена, порох сожжен на столе (осталась черная ямка), капсюль пробит (напугал Иринку), из гильзы сделана красивая, «здравовская» авторучка, неудобная в пальцах и совершенно не пригодная для интенсивной институтской работы. А пуля брошена в ящик тумбочки, где благополучно лежала и по сей день. Володя где-то слышал, что врагу подбрасывают пулю, и он, якобы, после этого чахнет и умирает. Глупости, конечно. Полная ерундистика.

Курочкин вынул пулю из ящика, повертел в пальцах и… опустил ее в карман пиджака. «Вооружился», – усмехнулся он.

Антенно-фидерные устройства надоели до рвоты.

– Ну, что, товарищ Курочкин, опять не знаете? Это же тема вашего курсового! Как же вы его делали? Придется вам еще поучить.

– И когда теперь… приходить?

– Послезавтра.

Окончательно убитый горем Володя взял неподписанную зачетку, положил в карман. «Послезавтра!» А через два дня экзамен по усилителям! Пальцы наткнулись на пулю. Желтый портфель Морозова стоял на другом столе, у выхода из лаборатории, загороженный от преподавателя стойкой приборов. Решение созрело мгновенно. Володя, проходя мимо портфеля, бросил пулю в его кожаное нутро. Выйдя в коридор, подумал: «Мальчишка ты, Кура. Тюфяк. Козер[9]. Надо науку грызть. Какая уж теперь стипендия – как бы не выгнали, вот что».

Зачет он все-таки сдал. Все. «АФУ» можно забыть, потому что голова не резиновая. Других наук полно. И Володя забыл. И про пулю тоже. Не до того. Сессия уже идет. Эх, проскочить бы усилители! Дальше будет легче. Не может же невезение длиться вечно!

И чудо произошло. На экзамене по усилителям Курочкин вытащил тот единственный билет, который хорошо знал. Он вышел из аудитории, обалдело смотря в зачетку, где беспощадной рукой Д. Попова было выведено нереальное «отлично». Теперь не оплошать на оставшихся трех испытаниях, и «стёпа» в кармане! Володя воспрянул духом, «уперся рогом» и успешно сдал сессию. Весной немного подработает и к лету купит, наконец, вожделенный магнитофон!

Пуля провалилась в портфеле Морозова до начала весеннего семестра. Игорь Евгеньевич обнаружил ее на первой лекции после каникул. Он вошел в аудиторию, поздоровался со студентами, открыл портфель с учебными материалами, увидел пулю. Усмехнулся. «Дети, – подумал он, – и шутки детские». Вынул книги, поставил портфель на стул и начал:

– Товарищи студенты, мы продолжаем изучать курс «Антенно-фидерные устройства», рассчитанный на два семестра. Вот список учебников, которые вам необходимо взять в библиотеке. Они будут хорошим дополнением к вашему конспекту лекций.

Игорь Евгеньевич читал привычную лекцию. Студенты записывали. До конца первого часа осталось пять минут, когда раздался негромкий хлопок, будто нетерпеливый студент уже убрал конспект и захлопнул кожаную папку. Преподаватель, писавший формулы, вдруг замолчал на полуслове, оперся двумя руками на доску и медленно сполз на пол, пачкая мелом рукава костюма.

Студенты замерли. Девичий голос с галерки крикнул:

– Чего сидите! Ему плохо!

Курочкин и еще несколько студентов с первых рядов бросились к Морозову. Он лежал около доски; его сердце последними судорожными движениями выталкивало кровь под светлую рубашку. Курочкин склонился над преподавателем и боковым зрением увидел небольшую рваную дырку в желтом боку его портфеля.

Началась суматоха. Побежали в деканат, на кафедру. Несколько человек хотели уйти, но прибежавший первым Д. Попов властным голосом приказал:

– Всем сидеть на местах!

Люди в черных костюмах прибыли через десять минут. Милиция чуть позже. Последними появились врачи. Милицейский фотограф сделал снимки лежащего у доски человека, и его сразу унесли.

Старосты групп подали списки присутствующих и отсутствующих. Фотограф отснял полную юношей и девушек аудиторию с разных ракурсов, чтобы следствие знало, кто где сидел.

«Господи, это же моя пуля... но как... это же был просто дурацкий розыгрыш...» Лоб покрылся испариной. В голове студента Курочкина билась и дрожала одна фраза: «Я не виноват! Я же не виноват! Не виноват!».

Он краснел и бледнел от страха, что, конечно, не скрылось от опытных глаз работников госбезопасности.

Выпускали из аудитории бесконечно медленно, проводя досмотры личных вещей и одежду. Из спортзала принесли фанерную ширму, за которой досматривала девушек строгая женщина в форме капитана милиции.

Все было очень серьезно. У выходящих проверяли студенческие билеты; несколько раз долбаев, забывших документы дома и неизвестно как проскочивших мимо институтского вахтера, дожидались своей участи в сторонке. Человек в черном костюме сверял фотографии с лицами и тщательно записывал каждого. Следственные действия растянулись почти на три часа. Выпущеные на волю студенты пулей неслись в туалет.

Потом милиционеры облазили каждый уголок поточной аудитории, этого большого помещения, где столы располагались ступенями, как ряды в цирке. Они сняли грифельную доску, осторожно вынули застрявшую в штукатурке сплющенную пулю.

– Невероятно, – пробормотал эксперт.

Приехали еще несколько человек. Один из них, пожилой и седой, с непроницаемым лицом, тихо спросил:

– Ствол нашли? Нет? Почему?! Ищите!

Володя Курочкин бежал в общежитие со всех ног. Надо скорее избавиться от гильзы! Ведь «здоровская» авторучка так и валяется в верхнем ящике его тумбочки. Когда он, запыхавшись, влетел в комнату, понял, что опоздал. Два человека в черных костюмах сидели за столом.

– А вот и товарищ Курочкин, – сказал один из них, – я же говорил, что он прибежит.

– Я не виноват, – только и смог пролепетать Володя, – я ни в чем не виноват...

Второй человек поднял к свету целлофановый пакетик с авторучкой и весело сказал:

– Спорим, экспертиза покажет, что пулю вытащили из этой вот гильзы, а?

Он вдруг стал серьезным, даже злым.

– Где ствол, Курочкин? А? У тебя были все основания отомстить Морозову за прошлую сессию! Что скажешь? Правду, Курочкин! Правду!

Страх вызвал у Володи словесный понос. Он торопливо говорил, захлебываясь словами, боясь что-то пропустить, сбиваясь, повторяя одно и то же, забывая главное, возвращаясь назад.

– Отомстить? Какая месть? Я же сдал! У нас нет никакой мести. Мы говорим: три «З»: зубрил-сдал-забыл. Да, да, конечно, слово «сдал» пишется через «с», но какая разница, ведь мы произносим «здал», так красивей, да и понятней, так что... У нас есть такой вот принцип, и не только у нас, во всех институтах, уж поверьте, а месть... в ней нет смысла, ведь нам еще... ведь у нас АФУ еще семестр будет, нам Морозову экзамен весной сдавать, зачем же портить отношения, а если бы и не было экзамена, то и подавно, зачем это, ведь сдал – забыл, зачем без смысла рисковать и время тратить, так никто не делает, это глупо, потому что других предметов полно, и курсовые, и вообще... Студенты никогда не думают о сданном экзамене, а если и говорят о нем, то лишь за стаканом «доброго бургундского «Агдама»». Ну да, так мы шутим... А пулю, да, это я ему в портфель бросил, я, да, признаюсь, это мальчишество и козерожество, поддался эмоциям, я ведь сразу пожалел об этом, но обратно из портфеля пулю не вынешь, она на дно упала, а в какое отделение, я не заметил. Это же копаться в портфеле надо, во всех отделениях, а вдруг кто увидит? Что я у препода в вещах роюсь! Так вот и ушел, а пуля в портфеле осталась. Ну, думал, придет домой, найдет пулю и выбросит. Пожмет плечами, посмеется, да и все дела. Жене покажет: вот какие дети учатся... это же не преступление, я не стрелял, я не виноват, что кто-то этой пулей стрелял, да и не стрелял никто, не было громкого звука, а был хлопок, тихий, так в тире воздушки хлопают, как...

– Откуда вы знаете, что в Морозова стреляли?

– Так я же за первым столом сидел, мне надо у него за первым столом сидеть, ну, чтобы он понял, что я стараюсь, что я его предмет теперь уважаю, что я... чтобы сдать ему с первого раза, я же не дурак ошибки повторять, он увидит, что я за первым...

– Стоп. Вы сидели за первым столом. Так? И что видели?

– Хлопнуло что-то. Я подумал: «Народ папки закрывает», и на часы посмотрел – пять минут осталось. А потом на доску глянул – Игорь Евгеньевич на полу. Девчонки закричали, я и еще кто-то, с первых столов, подбежали к нему. А у него кровь под рубашкой пульсирует. Как вроде через дырку выталкивается. И портфель его желтый у стола стоит. Я как портфель увидел, сразу про пулю вспомнил. И подумал, что это пулей его. Чем же еще? Ведь он у

всех на виду был. Человек сто сидело. Ну да, весь поток, четыре группы... От первого стола до доски верных метров шесть, ну не могли же его ножом, к примеру... А в портфеле, я заметил, дырка была...

– Ишь, какой глазастый! А что такое «АФУ»?

– Антенно-фидерные устройства. То, что Морозов преподавал.

– А «козерожество»?

– Ну, когда детство... играет...

– Понятно. Теперь главное: откуда у вас, Курочкин, взялся патрон? Ведь он целый был?

Порох вы вот тут сожгли, – следователь отогнул край клеенки и показал выжженную ямку на поверхности стола, – да и капсюль пробит явно не бойком автомата.

– Откуда патрон – не знаю. Он уже валялся в тумбочке, когда я в общагу вселился. Он давно тут был. Можете у Юрки спросить, он дольше меня здесь живет.

– У кого чего спрашивать, мы знаем без ваших указаний, – жестко ответил следователь, – а ваше дело – отвечать на вопросы.

– П-простите...

– Так что мы имеем? У вас в тумбочке валялся патрон. Вы его разобрали. Порох сожгли на столе. Капсюль пробили... чем? Гвоздем? Ясно. Из гильзы сделали авторучку. А пулю бросили в портфель Морозова. Это все? Прочитайте. Распишитесь вот здесь.

– Я вспомнил еще, – сказал Володя. – Когда мы порох жгли, запах был. Такой... кислый. А там запаха не было. То есть в аудитории. Точно.

Люди в черном переглянулись. Один сказал:

– Где твой паспорт, Курочкин?

– Зд-д-д-есь, в чемодане.

– Давай сюда.

Володя достал из-под кровати пыльный чемодан, подал паспорт.

Человек в черном костюме раскрыл его:

– Курочкин Владимир Сергеевич.

Листая страницы и не глядя на студента, человек равнодушно бросил:

– Одевайся, ГРАЖДАНИН Курочкин.

А второй добавил:

– Что это ты побледнел? На тебе как минимум незаконное хранение боеприпасов! Как минимум! Шевелись быстрее!

В одном из кабинетов областного управления КГБ проходило оперативное совещание.

– Судебно-медицинское исследование показало, что пуля вошла в тело пострадавшего плашмя, что характерно для самодельного оружия с гладким стволом.

– Иного я и не ждал.

– Но баллистическая экспертиза...

– Что? Читайте!

– Судя по степени деформации, начальная скорость пули была никак не меньше тысячи метров в секунду. Ведь она пробила доску и штукатурку и расплющилась о кирпич уже после выхода из тела...

– Сколько? Да вы в своем уме? Это наверняка ошибка.

– Товарищ полковник, мы проверили все десять раз...

– Значит проверьте одиннадцатый.

– Есть! Но тут еще момент... пуля, конечно, сильно деформирована и частично расплавлена, и нельзя сказать наверняка, но на ней нет продольных царапин. Хотя следы от плоскогубцев обнаружить удалось.

– Вы хотите сказать, что ствola вообще не было?

– Так оно и получается...

– Во-первых, такую скорость не придаст пуле даже ее родной автомат. Во-вторых, стволы просто прозевали. Прошляпили. Не из рогатки же он стрелял! Просто убийца оказался умнее нас. Все проверить и перепроверить. Еще раз опросить свидетелей. На все даю сутки. Все свободны.

Город Рязань, прошлый век

Молодой инженер-конструктор Курочкин положил на ящик коробку с гвоздями, осмотрел молоток. Опять попал на упаковку.

Он загнал железный клин в распор молотка. Стоило ли пять лет корпеть в институте, чтобы вот так махать молотком? Но никуда не денешься – в конце месяца цех не успевает. Одно непонятно: в КБ и так полно бездельников, зачем же набирать еще? Всезнающая курилка объяснила: «Штаты должны быть укомплектованы. А их утверждает Москва. И не нашего ума это дело: жираф большой, ему видней. Тебе что, плохо? Подумаешь, раз в месяц пару дней постучать молотком! Остальное-то время штаны протираем да в курилке торчим. И вообще – скоро осень, на картошку поедем, разомнемся, винца попьемся, от жен оторвемся. Привыкай, парень!»

Зарплату ему положили сто рублей восемьдесят копеек.

– Сколько получаешь? – спрашивали друзья.
– Сто восемьдесят, – отвечал Володя.
– Ого, неплохо, – с уважением говорили они.
– Ничего, – скромно отвечал Володя.

Мастер указал на штабеля ящиков, сложенные у окна: – Начинай вот с этих. Молоток не слетит? Смотри, окно не раздолби.

Володя машинально взглянул на пыльное стекло и замер: внизу, у самой рамы, виднелось маленькое круглое отверстие в центре конусообразной выемки. Память мгновенно выдала картинку: окно на лестнице родного дома, паук, живущий между стеклами, дохлые мухи... И маленькие отверстия в стекле. Володя вынул из кармана спички. Так и есть. Спичка проходила, срезая грани. Все точно так же. Только линзочки нигде не видно. Ну, в цеховой пыли ее не найдешь.

Статью «Тайна пробитых стекол»[10] заинтересованный Курочкин перечитал много раз. Значит, не он один замечал отверстия... Автор статьи, журналист Мамедов, даже провел небольшое исследование, но так и не пришел к однозначным выводам. Но и он считает, что мальчишки с рогатками тут ни при чем.

А кто? Или что? Во всяком случае, думал Володя, стекла пробивает та же сила, что убила Морозова. Как бы проверить?

Тогда, в институте, надо было лишь выпутаться из этой истории и учиться дальше. Но сейчас ему ничто не мешает и времени достаточно! Эх, заполучить бы карту пробитых стекол, составленную Мамедовым! Ведь он мог и не заметить закономерностей. Но Мамедов составил карту для Ленинграда, а он, Курочкин, в Рязани живет.

Погоди! А кто мешает Курочкину составить свою карту?

Он бродил по улицам, искал отверстия в стеклах и записывал адреса. Отверстия были, не очень много, но были. Они иногда виднелись на вторых и третьих этажах. Постепенно поиск вошел в привычку. И даже гуляя со своей ненаглядной сероглазой Леной, он озирался по сторонам и иногда что-то записывал.

Ему удалось купить карту Рязани, когда расположение «почтовых ящиков» на ее территории перестали скрывать и от тех людей, которые в них работают.

Курочкин уселся вечером за стол, включил настольную лампу. Он расстелил карту на столе, достал блокноты с записями и принялся за дело.

Просидев до глубокой ночи, Володя взглянул на плоды трудов своих. Расположение отверстий было совершенно беспорядочным. Он не стал ломать голову, а лег спать.

В этот остаток ночи ему приснилась ночь на Волге, непокорный метеор, летящий навстречу потоку, паук с маленькой рогаткой, шагающие статуи острова Пасхи, Игорь Евгеньевич Морозов, съезжающий на желтом портфеле с пирамиды Хеопса и кричаший: «Кто не спрятался – я не виноват!». Снилось что-то еще, но он не запомнил. Утром встал невыспавшийся и злы. «Занимаюсь ерундой, как мальчишка».

Следующим вечером молодые люди, как всегда, прогуливались по старинной набережной. Володя вдруг остановился. Он посмотрел в серые глаза девушки, волнуясь, произнес:

– Лен, давай поженимся... Она ответила с улыбкой:

– Уж думала не дождусь...

И – закрутилось-завертелось. Через год родилась дочка. Заветная карта чуть было не потерялась в домашнем барахле, о чем, впрочем, Курочкин вряд ли бы пожалел. Не до того было. Но карта сохранилась. Она тихо стояла среди обрезков обойных рулонов и терпеливо ждала своего часа.

Курочкин сменил несколько работ, пока не пришел на небольшое частное предприятие, выпускающее металлоконструкции. Его упорство и ответственный подход к делу дали плоды: сначала поставили мастером, а через три года – начальником участка. Зарплату стало не стыдно приносить жене, а рабочие величали его Владимиром Сергеевичем.

И вот однажды, когда супруги решили выбросить старый хлам, карта попалась на глаза.

– Пап, что это? – спросила дочка.

– Одна старая заноза, – ответил он.

– Нет, пап, занозы – они деревянные.

«Мамедов не смог извлечь никакой информации из своей карты. Почему? Наверняка у него хватало научно-технических знаний, если он писал для «ТМ». Значит, дело не в нем, а в самой карте. Но, может, он что-то упустил?»

Владимир Сергеевич купил еще десяток карт, скопировал на них точки и принялся за работу. Он пытался проводить циркулем окружности в надежде найти некий центр, откуда исходило воздействие на стекла. Когда стало ясно, что циркуль здесь бесполезен, инженер взял линейку. Вторая карта покрылась треугольниками, квадратами, многогранниками. Третья пучками отрезков, исходящих из разных точек... Курочкин искал закономерность.

Он искал прямые или равные углы – все было напрасно. Иногда у него, казалось, сами собой, получались фигуры, напоминающие каббалистические знаки. «Вот так рождаются глупые мифы», – думал он, сворачивая очередную карту и пряча ее за шкаф.

«Нужна свежая идея. Сидеть над картой нет смысла. Потому что в ней не хватает какого-то фактора». Интересная проблема не давала покоя. Курочкин порой ловил себя на том, что думает о пробитых стеклах и на работе, и на улице, и за обедом, и даже во сне.

«Ну какое мне дело до этих дырочек. Все это полнейшие глупости, чушь, вот Ленке сапоги купить – это серьезно. И вообще, к зиме всем одеться надо...»

Но хороший инженер выходных не имеет и нерешенных задач не терпит. Потому что нерешенная задача норовит перейти в нерешаемую.

А доказать нерешаемость сложно, ибо любая задача есть частный случай, и надо будет доказывать нерешаемость для всего класса подобных задач. Это отнимет силы и время, а взамен всего лишь потешит самолюбие. Но для хорошего инженера это вопрос принципа...

Равнодушный к футболу, рыбалке и пиву, Владимир Сергеевич любил книги. Лучшим своим временем он считал послеобеденный отдых в выходные дни. Это были святые, неприкосновенные часы. И никакие дела, по важности уступающие пожару, не могли поднять его в это время с дивана. «Обломов», – улыбалась жена, ерошила его редеющие вихры и не донимала своего благоверного. Жены, напуганные массовым пьянством, готовы простить нам

многое в обмен на трезвость. Они, бедные, и не догадываются, что быть трезвым – легко и приятно!

В послеобеденные часы хорошо поразмышлять перед блаженным сном.

«Итак, начнем сначала, – думал Владимир Сергеевич. – Что мы имеем? Рассмотрим то, что бесспорно. Что я видел своими глазами. Окно в нашем подъезде. Пыльный междустекольный мир. Форточки – одна на улицу, другая внутрь. Открыты всегда, – инженер вспомнил незабываемый запах родного подъезда, – за исключением сильных морозов. Единственное живое существо в том мире – паук. Мухи и комары залетают в форточку. И мелкие бабочки тоже. Паук их ловит и ест. Несколько сухих листиков. Горсть песка, которую я сам туда бросил, чтобы повредить паутину и посмотреть на реакцию паука. Больше решительно ничего. Абсолютно. И вот в один прекрасный день паук делает из паутины резинку, растягивает между двух лап, берет третьей лапой хорошую, крупную песчинку и стреляет в стекло. Во внутреннем стекле появляется маленькое отверстие. Потом еще. И еще. Чушь, конечно. Но... удар был, без сомнения, изнутри. Может, я забыл, и удар был все-таки снаружи? Нет, господа хорошие, не получается. Потому что линзочки выбитого стекла падали бы внутрь, в паучий мир! А я их собирал снаружи, под батареей. И складывал в коробок. А коробок лежал в ящике с разным барахлом. Возможно, он там и по сей день лежит, если мама не выбросила. Эх, никак не соберусь ее навестить...»

Интересно, можно ли песчинкой пробить стекло? Оконное, в три миллиметра? Надо прикинуть...»

Курочкин на секунду задумался, потом расстелил на кухонном столе газету, взял в прихожей старый рабочий ботинок и выщарапал из его протектора крохотную горстку песка. Долго искал штангенциркуль, а найдя его в ящике с барахлом, огорчился, увидев налет ржавчины. «Надо будет смазать, вещь-то хорошая. Ай, как жалко...»

Песчинки оказались очень маленькими. Меньше полумиллиметра. «Ладно, пусть будет куб со стороной ноль пять...»

Владимир Сергеевич пошел в комнату, вынул из книжного шкафа потрепанный справочник, нашел таблицу удельных весов. Вооружившись калькулятором, он быстро сосчитал, что стальной шарик диаметром в девять миллиметров тяжелей средней песчинки в десять тысяч раз. Курочкин сдвинул на лоб очки и откинулся на спинку стула.

«Примерно таким шариком и удалось нам с Толбузом пробить стекло.

Скорость, какую ему придала рогатка... тоже вопрос... Пневматическая винтовка дает сто метров в секунду. Хорошо, пусть будет в десять раз меньше. Реально? А хрен его знает... Короче, шарик пробивает стекло. Причем дыра получается больше шарика, окруженная множеством трещин. Совсем не похоже на аккуратную конусную выбоину. Песчинка легче шарика в десять тысяч раз – это факт. Чтобы обладать той же кинетической энергией, она должна иметь скорость... так... эм вэ квадрат пополам... в сто раз большую! То есть километр в секунду! Ай да паук, ай да молодец! Такую бы рогатку – да на вооружение!

Солдаты, вооруженные рогатками, – страшная сила. Конечно, попасть в цель трудновато, зато патроны не нужны – камней везде навалом. Смешно?

Значит, так: не противоречит физике, находим объяснение: летающие песчинки. В общем случае – камни. Потому что песчинка есть маленький камень. Вот так. Летающие камни и пули. Пуля, убившая Морозова, вышла из портфеля, набирая скорость, точно, как песчинка из паучьей рогатки. Постой...

Вспомни, что говорил отец. Невидимые дефекты в стекле. Внутренние напряжения. Что-то плохо верится. Почему? Да потому что тридцать лет прошло. А дырки я и сегодня вижу. Неужели за такое время никто не предъявил претензии поставщикам оконного стекла и никто не занялся проблемой? Вообще – когда появилась первая дырка? Все это не так просто. Стал ли бы журналист Мурад Мамедов писать статью, а всесоюзный журнал ее публи-

ковать? Нет, конечно. В те времена существовала цензура, и сенсационная «утка» вряд ли бы прошла. К тому же пуля сводит на нет все «стеклянные» гипотезы. Если, конечно, ее внезапный полет относится к тому же классу явлений. Но ведь убийцу так и не нашли!

Владимир Сергеевич с содроганием вспомнил ту страшную минуту, когда человек в черном костюме равнодушно бросил:

– Одевайся, ГРАЖДАНИН Курочкин.

Он вспомнил те нереально-кошмарные несколько суток, проведенные в одиночестве холодного каменного мешка с никогда не гаснущей грязной лампочкой, спрятанной за проволочную сетку.

«Но ведь отпустили. И из ВУЗа не выгнали. И никого больше не тронули. Значит, люди тут не виноваты.

Надо думать. Думать. Думай, инженер. Бананы высоко, но есть палка. Что? Трясти надо? Да… бананы высоко… Посплю-ка я лучше…»

– Лен, а что поесть?

– Иди на кухню, соня. Картошку с рыбой будешь?

Владимир Сергеевич рассеянно тыкал вилкой в тарелку.

«Что имеем? Летающие камни. И вообще предметы. Но предмет был всего один. Пуля. Оставим ее – там темная история. А что мы знаем про камни? Стоп. Погоди с камнями. Давай закончим с картой. Есть идея: надо нанести на карту не точки, а направления ударов в каждом случае! Ведь я знаю, как расположены окна относительно сторон горизонта! Молодец, Кура! Вперед!»

И карта покрылась маленькими стрелками. Снова и снова упорный инженер рассматривал карту. Стрелки были направлены совершенно беспорядочно, случайно. В конце концов, Владимир Сергеевич начертил циркулем круг, разделил его на равные части и стал переносить стрелки, сохраняя их направление, на его окружность. Получилось, что в каждую часть круга уложилось примерно равное количество стрелок.

«Так и должно быть, – вздохнул инженер, – это всего лишь означает, что направления ударов равновероятны по всей шкале компаса. Все, приехали!»

Инженер наморщил лоб: «Или направления равновероятны, или… ведь Земля вращается… Погоди. Земля вращается, а песчинки бьют все время с одной стороны! С какой? Неважно! Если так, то движение песчинок есть фактор внеземной! Ого! Ну, ты, Кура, даешь!».

«Однако становится интересно! А что такое карта? Это вид сверху. Она показывает направления ударов в горизонтальной плоскости, но никак не в вертикальной. И как летели песчинки относительно горизонта, мы не знаем. И никогда не узнаем. А пуля? Я же видел! Она-то летела снизу вверх, уж точно под углом! Погоди! Пулю надо исключить, это единичный случай, не говорящий ни о чем. Единственная польза от пули – она показывает, что сорваться с места может предмет гораздо тяжелее песчинки. А время? Надо взять какой-то промежуток времени, иначе все становится неопределенным…

Возьмем сутки. Нет, сутки – мало. Я наношу на карту отверстия, которые появились в течение лет, а то и десятилетий. Как часто меняют оконные стекла? А за десятилетия Земля досыта навернется и вокруг оси, и вокруг Солнца, да и в Галактике пролетит ощутимое расстояние. То есть направление воздействия на конкретную песчинку в конкретный момент вычислить невозможно. Похоже, я зашел в тупик и карта мне не помощник».

Владимир Сергеевич стал рассеян и задумчив. Теперь уже не он преследовал проблему, а она его. Идя по улице, он старался не смотреть на окна; любое пятнышко грязи казалось ему отверстием, нагло искавшим себе место на его карте. У инженера стала болеть голова. Жена мерила ему давление и говорила:

– Вов, да брось ты эти дырки, дались они тебе…

– Лен, да я бы с удовольствием...

– Карты свои выбрось.

– Да хоть сейчас. Они больше не нужны.

«Попробуем с другой стороны. Песчинки. Камешки. Глыбы. Что мы знаем о камнях? То, что они не двигаются. Лежат себе. Пока их люди не подвинут. А какие есть «подвинутые» камни? Ну, пирамиды, конечно. Стоунхендж. Статуи острова Пасхи, как их... моаи, что ли... Начнем с пирамид?»

Владимир Сергеевич достал калькулятор, надел очки.

– Лен, Лена! А где у нас была подшивка «Вокруг света»?

– На книжном шкафу, наверху...

Он несколько минут считал, потом задумался.

«В пирамиде Хеопса два с половиной миллиона блоков. Значит, если стройка шла двадцать лет круглосуточно, то на вырубку, доставку и установку одного блока приходится примерно четыре минуты. Это есть упрямый факт.

День – ночь, свет – тьма. Четыре минуты – блок. Четыре минуты – блок. А вес? Две с половиной тонны. Поднять и уложить. Лезвие ножа не просунуть. Фантастическая точность обработки и укладки. А еще наружная отделка, возможная только по окончании укладки. Больше всего смущает верхушка пирамиды: как туда доставить блоки? Там, наверху, совсем нет места, чтобы встать и ворочать тяжеленные камни! Рычагами, а чем же еще? Должны быть какие-то невероятные леса (при отсутствии древесины) или огромные наклонные насыпи, по объему большие самой пирамиды! Это не считая мелочей вроде четырехсот тонн гранита для погребальной камеры, доставленного аж из Асуана, за девятьсот километров.

Четыре минуты – блок. Неумолимо. Год, два, десять. Лето, зима. Четыре минуты – блок. Война, бунты, голод, сытость. Четыре минуты – блок. Днем и ночью. Зимой и летом. Четыре минуты – блок. Эпидемии и смерть. Урожай и неурожай. Не волнует. Уход одних рабочих и приход других. Ни секунды на обучение. Четыре минуты – блок. Всякие знания на небесах вроде комет. Четыре минуты – блок. Волоком, по песку. Колес нет. КОЛЕС НЕТ! Катали по бревнам? Да где ж там набрать столько бревен? А наверх как? Четыре минуты – блок. Днем и ночью. И так – двадцать лет?

Нет, тут что-то явно не сходится... Одновременно работали тысячи человек. Сколько? Да хоть сколько! Разве можно выполнить такой объем без калорийной пищи? Там должно быть полно гниющих пищевых отходов, а, значит, крыс, кошек и собак. И приносимой ими заразы. Тысячи человек, физически работающие в египетской жаре? Им нужны сотни тонн воды в день. Но нильская вода совсем не так близка и далеко не стерильна. Люди начнут умирать от кишечных инфекций и других болезней. На такой стройке неизбежны травмы, от царапин до переломов. Опять же мухи и инфекции. Все это будет воспринято не иначе как гнев богов, народ разбежится. Нет, тут что-то не так, причем очень серьезно не так...

Чтобы построить пирамиду Хеопса, нужно иметь пирамиду еды. Хлеба, мяса, фруктов. И очень много воды. Для людей. И для самой стройки. Кто-то должен эту воду доставить. А сколько испражнений? Тонны в день, их-то куда девать? Все это неизбежно попадет в Нил, а из него же и пьют...

Кровососы наверняка слетятся на такую массу голых людей.

Расчесы, фурункулы просто неизбежны. И куда деться от малярии?

Сделать такую работу без колес? Да такую работу и с современными-то колесами не больно сделаешь...

Если пирамиду строить двадцать лет, то все эти годы государство будет ослабленным перед внешней угрозой, ведь такая ударная стройка сожрет все ресурсы, и мало что останется на содержание армии. Египет, выходит, был беззащитен в течение длительного периода древнего царства. Почему же его никто не завоевал?

Пирамида строго ориентирована. Почему? Зачем такая точность?

И зачем такая расточительность? Если пирамида – это машина для вознесения души фараона на небо, то почему бы не пользоваться ею несколько раз?

Четыре минуты – блок? Нет, конечно. Люди отдыхали, веселились, болели,правляли праздники, обучались, пережидали непогоду. Умирали, менялись, уходили, приходили! Но тогда получается, что работали они еще быстрее! Нет, нет и нет.

Пирамида строилась в принципе не так. Она строилась легко и небольшим количеством людей. Жрецами, посвященными в тайну движения камней. Конечно, какая-то ручная

работа неизбежна. Отделка, фрески. Этим занимались немногие умельцы-художники. Крестьяне же работали на полях. Армия защищала страну. Каждый фараон спокойно строил пирамиду. Потом эпоха пирамид закончилась. Почему? Понятно: был утрачен способ перемещения камней.

Песчинки вдруг срываются с места и пробивают стекла...»

– Вов, ты ужинать собираешься? Третий раз зову!

– Да? Я не слышал. Иду.

«Египетская поговорка: «Все на свете боится времени, а время боится пирамид». Здорово сказано. Время. Боится. А почему, собственно? Ведь пирамиды стареют, хоть и медленно, но все равно стареют. И люди, живущие рядом, это видят. И не в размерах дело. Никто же не говорит, к примеру: время боится Кордильер. Или: время боится Эвереста. Нет, нет, время боится пирамид совсем не поэтому. Тут что-то другое... Время – связующее звено для всего сущего... а что я знаю о времени?

В пространстве есть сингулярные точки, а во времени их нет. Ну да, искривления пространства нам известны, они проявляются в виде гравитации. Искривления времени? На релятивистских скоростях оно замедляется. Но это не тот случай... Погоди, была, помнится, теорема, что закон сохранения энергии выполняется только при равномерном течении времени. Ее еще женщина доказала, немка, как же звать... не помню... вот склеротик...

Ага, тут что-то есть! Допустим, время некоторых физических тел течет неравномерно. Что будет тогда? Замедленный во времени предмет начнет отставать от нашего мира, ведь у нас все крутится в обычном темпе! Предмет начнет двигаться без приложения внешних сил, нарушая закон сохранения энергии. Моai шли сами. Так сказано в легендах острова Пасхи. Как древние рапануи[11] могли сказать по-другому? Никак! А мы не верим, потому что не понимаем!

Возможно, во времени песчинок есть крошечные локальные неоднородности. Если песчинка попала туда, она начнет двигаться в нашем общем пространстве. Спонтанно и случайно. Стоп!

В предельном случае песчинка остановится относительно... чего? Скажем, мирового эфира! Конечно!!! Ведь остановившийся *во времени* предмет не может двигаться *в пространстве!* Вот оно! Но все остальное-то движется! Как же я сразу... Все происходит наоборот! Песчинки замедляются во времени, поэтому приобретают скорость относительно Земли! Проще говоря, летящие вместе с Землей стекла натыкаются на остановившиеся в пространстве песчинки! Вот почему стекла пробиваются! Песчинки очень легки, малоинерционны и почти мгновенно достигают больших, относительно Земли, скоростей. Так что не паук стрелял – стреляли в него!

А пуля, убившая Морозова? Наверняка следователи вычислили ее начальную скорость, которая оказалась невероятно высока. Они искали ствол, а его не было, потому что начальная скорость пули на самом деле была равна нулю! Это был редчайший случай, потому что пуля огромна по сравнению с песчинкой. Но нашлась «дырка» во времени и для нее... Или кто-то сумел... Нет, никто про пулю знать не мог, я же никому... даже Ирке... Так что это была трагическая случайность. Природная и очень-очень редкая. Вот почему они оставили меня в покое – ничего не нашли. Как это у них называется – безнадежный глухарь...

Если египтяне умели замедлять во времени свои камни, то... все сходится! Погоди, Вовка, не спеши. Ох, даже голова разболелась...»

– Долго ты будешь ворочаться? Дай уснуть...

– Пойду таблетку выпью. Голова разболелась. Владимир Сергеевич запил таблетку чаем и посмотрел в темное окно.

Теперь понятно, почему время «боится пирамид»: его использовали в качестве тягловой силы... И понятно, для чего пирамиды строго ориентированы. И зачем египетским жре-

цам были нужны такие точные познания в области астрономии. Что там говорили в школе? Предсказания разливов Нила? Но разлив не предсказывают с точностью до минут. А вот положение Земли на орбите, а значит, направление движения камней в данный момент, как раз надо знать точно, чтобы не пришлось потом подправлять их рычагами... Ладно, сегодня я молодец. Пойду-ка спать».

Город Рязань, лето XXI века

– Владимир Сергеевич, металл привезли. Куда сгружать?

– На третью площадку.

– Владим Сергеич, электроды кончились.

– Получи на складе. Вчера же привезли.

– Привезли, да не те. Я тройку заказывал, а они мне четверку...

– Михалыч, у тебя наверняка заначка есть...

– Найдем... до завтра хватит.

– Спасибо, Михалыч. Сейчас я их раздолбаю! Алло! Снабжение? Вы что мне возите? Электроды... Тройка. Постоянного тока. Да... Чтобы завтра были! С утра! Ничего не знаю!

– Владим Сергеич, заготовка на те ворота коротка.

– Как коротка? Проверяли же!

– По чертежу все правильно. Но ошибка-то в чертеже: вот, смотрите – здесь буртик пять миллиметров. Так? И с той стороны. Итого десять. Их и не учли. Видите? Заготовку нарубили, а она короче.

– Вижу. Погоди. Алло, конструкторский? Юра, ты что мне тут нахомутал с воротами? Вот пойди на участок и разберись.

Да. А металл я как списывать буду? Который запороли по твоей милости?

– Алло! Слушаю, Владимир Иванович. Сегодня? Мы не успе... Мы постараемся, Владимир Иванович. Сделаем. Конечно. Да.

– Михалыч, придется сегодня до упора... Директор требует. Поговори с ребятами. Надо сделать. Премию? Что смогу, то смогу. Сам знаешь: в этом деле я только проситель...

– Владим Сергеич, полуавтомат отказал. Сверкает, а не варит. Брызгает. Шов не ложится.

– Ко мне с этим не ходи. Зови электриков. Пусть делают. Сам, что ли, не знаешь?

– Да я недавно работаю...

Владимир Сергеевич шел с работы домой. «Ой, хлеба не забыть». Купив в палатке буханку черного, он неспешно брел к своей пятиэтажке. Теплый вечер вывел на улицу многих ее обитателей. Молодая мама из третьего подъезда прогуливалась с коляской. Пацаны-школьники что-то поджигали на маленьком пустыре за домом. Две кошки ужинали на большом обломке бетонного блока, брошенного тут еще строителями. Старушка соседка стояла рядом, гладила полосатые спинки сморщенными пальцами, что-то шептала и подкладывала добавки. Кошки увлеченно жевали.

Владимир Сергеевич остановился, поздоровался. Он смотрел на бетонный блок, в голове лениво перекатывались обломки мыслей. Блок лежит здесь давным-давно, он уже изрядно врос в землю, и сдвинуть его при случае было бы не так-то просто. «Слушай, – подумал он, – а ведь вот почему древние строители так любили огромные камни: из-за их инерции. Песчинка мгновенно набирает скорость. А тяжелый камень – нет. Чем тяжелей камень, тем легче его контролировать, потому что он движется медленно. И Стоунхендж сделан из огромных камней, потому что их надо было выставить очень точно, если это, как говорят, солнечный календарь.

Кто мне скажет, из каких инженерных соображений был выбран размер блоков пирамиды Хеопса? Никто. Скорей всего, этот размер есть компромисс между скоростью доставки и точностью установки. Причем в нижней части есть блоки и по пятнадцать тонн. Наверное, главный зодчий Хемиун начал строить из них, но дело шло медленно – большие блоки слишком инертны. Методом проб он выяснил оптимальную массу блока: две с половиной тонны. Как же все происходило? Жрец как-то «стартовал» камень, потом «стопорил» его, не давая слишком разогнаться. При необходимости операция повторялась. Это было то еще искусство, потому что камень должен лечь точно на свое место. А направление его движения зависело от положения... чего? Земли?.. скорее, не Земли, а плато Гизы относительно орбиты Земли... или относительно мирового эфира, если он есть... Причем в определенные моменты каменный блок пойдет вверх. Поэтому пирамида очень строго ориентирована вдоль земной оси. Ну, конечно! Блок ползет вверх по грани пирамиды. И никаких огромных насыпей и тысяч потных людей, только лишь легкая лесенка, способная выдержать жреца...

И еще момент. Первая пирамида... как его – Джосера – сложена из маленьких камней. Вот их-то и таскали вручную. Конечно! А ступенчатая форма позволяла ставить обычные леса! Они тогда еще не знали *способа*. А потом как-то узнали. Все сходится, дорогой мой Куря, все сходится!

Для доставки наверх блоков следующих пирамид потребовалась гладкая наклонная поверхность, ведь теперь они ползли сами! Ну да! Египтяне отказались от такой вроде бы удобной ступенчатой формы, а в качестве наклонной поверхности стали использовать грань строящейся классической пирамиды. Это было гениально и просто.

Однако эти ребята были молодцы, ой, какие молодцы! Задали загадку. А я разгадал. Только доказать надо. Строго научным опытом».

Владимир Сергеевич вдруг понял, что старушка и кошки ушли. Солнце заметно склонилось к закату. Он поспешил домой.

– Что-то ты поздно...

– Надо было один заказ доделать. Срочно. Завтра с утра сдавать.

– Садись ужинать.

– Сейчас, Лен. Ох, ноги гудят.

«Так как же они это делали? И можно ли повторить? Я совсем залез в фантастику. Но думать-то никто не запрещает. Если все время думать о житье да о работе, опупеть можно. Спасибо, хоть в семействе гладко: все здоровы и при деле. Тихо да спокойно. Думай себе. Ищи для душевного удовольствия. Да и вообще – скучно жить ради еды и одежки. Творчество должно чуть-чуть присутствовать. Хотя бы мысленно. Тем паче, что телевизор лучше не смотреть: идиотом сделают».

В субботу Курочкины поехали в центр, кое-что купить. Город не узнать. Владимир Сергеевич прилип к окну троллейбуса, глядя на проплывающую мимо стройку. Бетонный блок висел на крюке крана, человек внизу размахивал руками.

– Вов, выходим.

– Ага.

Мысль, тоненькая, как паутинка. Не спугнуть! Семья заходит в магазин.

«Человек раскинул руки в стороны. Он приказывает крановщику... Там, на древнем плато Гизы, жрец, притормаживая блок во времени, приказывает ему ползти. Это похоже... на что это похоже? Да! На танец пчелы! Руки пусты? Нет, в руках жреца что-то есть. Камни. Маленькие...»

– Пап, ты оглох?

– Нет, нет.

– Вот эти туфельки. Тебе нравятся?

– Э-э-э... конечно. А ты померила?

– А ты не видел? Деньги давай, рассеянный с улицы Бассейной... И пойдем одежду посмотрим.

– Ага... Девоныки, вы, может, сами, а? Я все равно в ваших тряпочках ничего не понимаю... постою на улице, ладно?

– Кошелек давай иди. Толку с вас, мужиков...

«Танец пчелы. Никто его не понимает, кроме пчел. В танце заключена информация, понятная пчелам. В танце жреца – понятная камням? С головой у тебя как? Нормально? Хрен с ней... Жрец берет в руки маленькие гладкие камешки, раскидывает руки в стороны... думает... о чем? И камень, попав в замедленное время, ползет на свое место. Сам по себе. Никаких сотен рабов или тысяч крестьян. Никаких веревок, бревен и волокуш. Происходит простое и понятное чудо, убеждающее всех в божественности фараона и могуществе жрецов! Но это для них. А для нас? Теорема этой... как же ее... вспомнил – Нёттер – вот! Теорема Нёттер действует! И никаких чудес! Все по науке! Остров Пасхи? Да это мелочь по сравнению с пирамидами! Сказано же – моаи шли сами, чего тут непонятного: старт-стоп, старт-стоп, топ-топ... Так, Вова. Попробуем? С головой как, нормально? А, все равно ведь не успокоюсь... Нужны камни. Маленькие гладенькие камешки. Приятные на ощупь. А здесь есть отдел, где аквариумы?»

Жена и дочь долго не выходили. Владимир Сергеевич терпеливо ждал.

– Ну, наконец-то!

– Пап, там такой плащик был на маму, а она говорит – дорого...

– Обойдусь пока. На весну купим.

– Такого уж не будет...

– Другие будут. Идем домой?

– Лен, а тут есть рыбный отдел?

– Рыбный? Здесь вообще продуктов нету.

– Не рыбный, я не так сказал... где аквариумы...

– Аквариумы? Да вроде есть. А тебе зачем?

– Надо. Деньги остались?

Блюдечко на кухонном столе. Крупная песчинка, взятая из цветочного горшка. Взрослый мужик в одних трусах, зажав в раскинутых руках два морских камешка, закрыв глаза, выделяет замысловатые па. Ничего не происходит. В комнате шепчутся мать и дочь:

– Мам, а что это с папой?

– Ничего страшного. С мужчинами такое бывает.

– Он не заболел?

– Нет.

Из кухни раздался грохот.

– Ну, вот. Я так и знала.

В комнату вошел смущенный хозяин дома:

– Лен, я тарелку разбил... то есть две... и твою чашку... зацепил сушилку...

– Неси веник... ученый муж...

В дальнейшем Владимир Сергеевич экспериментировал осторожно и глаз не закрывал. Ничего не получалось. Песчинка лежала себе в блюдечке и не собиралась никуда лететь. «Это должно быть просто и в то же время не всем доступно, а только жрецам. Чем таким жрец отличался от простых? Конечно, тайным знанием. То есть секрет находился в голове жреца. Но голова не может обладать такой мощью... стоп, мощь-то тут как раз ни при чем, она тут не нужна. Нужно что-то другое...»

Мозг инженера не знает отдыха. Нам лишь кажется, что мы отдыхаем, потому что содержимое черепа мудро не утомляет наше сознание вычислениями и промежуточными результатами. Оно выдает ответ на поставленную задачу тогда, когда задача решена. И

только один раз. Нельзя упустить его, ибо пропадет тогда работа серых клеточек за долгое время. Владимир Сергеевич не упустил. Он проснулся, тихонько встал, прокрался на кухню. Взял заветные камешки. Поставил блюдечко на подоконник, достал из цветочного горшка крупную песчинку. «Сейчас я сделаю дырку в стекле. Первую Искусственную Дырку». Он раскинул руки и «стартовал объект». Песчинка исчезла. Боль он почувствовал не сразу.

Владимир Сергеевич удивленно осмотрел царапину, появившуюся на животе. Достал йод, смазал, поморщился. «Так без глаз останешься. Однако, я молодец! Ай, какой молодец! Догадался-таки!»

Он вернулся в постель.

«Жжет, зараза... Такая маленькая, а хорошо зацепила. Да, скорость приличная...» Мысли вяло ворочались в голове: «Конечно, они не могли применить способ для военных целей: каменные снаряды полетят в общем случае вовсе не туда, куда надо. К тому же в тайну придется посвятить многих людей, ведь жрец, владеющий способом, может в бою погибнуть или, того хуже, может быть захвачен в плен».

– Что это у тебя?

– Поцарапался.

– Чем? Вчера вечером ничего не было.

– Лен, ну какая разница... я вставал.

– Знаю, что вставал. Топал, как три слона.

– Я вроде тихо...

– Знаешь, Вов, уже становится не смешно. Эти твои... чудачества...

– Ты не поверишь, Лен, у меня получилось! Это мне песчинкой по животу попало. Она не в ту сторону пошла.

– Песчинкой? А если в глаз?

– Я больше не буду, Лен. Правда.

– Ты как ребенок, ей-богу...

Кухонные эксперименты инженер на время прекратил. Но бетонный блок, лежащий у тропинки, покою не давал. Он нагло развалился тут, около дома, и... и думает, что ему все можно! Владимир Сергеевич ходил мимо блока дважды в день. «Уже и в землю врос! И даже мохом взялся! Думаешь, никто тебя не тронет? Спорим, тронет? Вот я и трону. Завтра же».

На следующий день после работы Владимир Сергеевич решился. Он остановился около блока, быстро посмотрел вокруг. Кошки сидели на теплой отмостке, ожидая своего ужина. Инженер сжал в кулаках камни, развел руки и «стартовал объект». Блок резко и бесшумно сдвинулся от тропинки на три сантиметра, обнажив полоску свежей глины. Владимир Сергеевич оглянулся, сунул руки в карманы и стал поспешно вдавливать ногой дерн в земляную прореху. Из-за дома показалась старушка. Кошки, нацелив хвосты в небо, побежали к ней. Инженер, быстро поздоровавшись, поспешил домой.

Его напугала та мощь, обладателем которой он стал. «Хоть бы никто не заметил. Там трава высокая, почти ничего не видно. И никому не говорить! Никому!»

Владимир Сергеевич с восторгом смотрел на аккуратную конусную выбоину в своем кухонном окне. В его руке лежала заветная маленькая линзочка. «Вот она. Точно такая. Все получилось. Я доказал. Стопудово».

– Лен, ты только посмотри на это чудо! Ты представляешь себе...

– Представляю. Стекло менять надо.

– Зачем? Я линзочку назад приклею. Будет незаметно.

«Я живу между стеклами, совсем как тот паук. Со своей паучихой и паучонкой. Это моя судьба. Она мало зависит от ума или старания, от века или географии. Она выбирает своих баловней по только ей известным принципам. Просто кому-то везет, а большинству – нет. Ладно. Я получил от нее дар. В принципе – бесценный. Я получил в распоряжение

пещеру Аладдина, в которой среди сокровищ прячется открытый ящик Пандоры. И все беды Земли тихо витают над грудами золота... Я получил невидимый мешок с миллиардами долларов. Любая утечка информации сделает его видимым ИМ, и тогда... лучше не думать, что будет тогда. Что стало с пауком? Тетя Римма вытерла мокрой тряпкой его междустекольный мир, там стало чисто и пусто. Так хотела тетя Римма, но не паук. Так и меня вытрут. Никто, кроме родных, и не заметит. А *способ*, выбитый из меня и перепроданный тысячу раз, будет приносить сумасшедшие деньги хозяевам строительных фирм. И никто меня не защитит. Ни наше равнодушное государство, ни наша нищенская наука, ни военные бюрократы, ни коррумпированная милиция. Меня убьют, ведь в нашей стране убивают больших людей за меньшие грехи, а грех внезапного богатства в России самый страшный.

ОНИ придут открыто и спокойно, возьмут меня с потрохами, как СВОЮ вещь, и сделают все, что посчитают нужным. В моем секрете нет ничего такого, для чего был бы нужен именно я. Мой труп не найдут никогда. Господи, зачем мне все это!?

Курочкин уничтожил все свои карты. Он стал пуглив и раздражителен, вздрагивал при звонках телефона и переливах дверного звонка. Он боялся, что был-таки любопытный, кто видел из окна, как он передвинул блок. Этот человек наверняка спустился вниз и посмотрел на полоску свежей глины. И на вздыбленную землю с другой стороны. Его не обманут высокая трава и попытки затоптать преступление! Он спросит себя: а как это? Он начнет рассказывать знакомым, в курилке, за стаканом и удочкой. Рано или поздно найдется тот, кто обратит внимание. Кто сложит два и два. Слух мгновенно дойдет до НИХ. Скорее всего, Курочкину предложат деньги. Он может взять деньги и открыть ИМ секрет. Потом он навсегда исчезнет: секрет не должен стать известен конкурентам. Он может отказаться от денег. Тогда ОНИ похитят его и получат секрет бесплатно. Труп догадливого инженера не найдут. Щедрая Судьба предложила выбор: смерть или... смерть.

Он попытался поговорить с женой.

– Лен, вот что... если я вдруг исчезну... ты не перебивай... если я исчезну, просто заяви в милицию, и все.

– А что еще можно сделать?

– Просто знай... я не вернусь... не жди... я... у меня... ты поняла?

– Поняла. Прекращай свои опыты и...

– Об этом – никому, слышишь! Никому! А то ОНИ и тебя, и дочку...

– Кто – ОНИ?

– ОНИ – это ОНИ. Против НИХ не сделать ничего...

Никаких опытов на улице. Только дома, с песчинками. Направление полета – вот что угадать получалось редко. Вычислить свое положение относительно мирового эфира в данный момент он никогда не успевал. Но интуитивно иной раз угадывал. Он понял, что египетские жрецы действовали интуитивно, и еще раз подивился их способностям. Жена, увидев его с разведенными руками, однажды бросила:

– Все играешься... апостол!

«Почему – апостол? Ну да, где-то была картинка: святой с разведенными руками... постой-постой... в этом что-то... что-то очень знакомое, что-то рядом...

Ну, конечно. Вознесение. Иисус был вознесен на небо «во плоти». Как вознесен – никто не видел. Это есть великая загадка христианства...

Теперь можно представить...

Человек ночью пришел к пещере, где лежал Христос. И не было у него вопроса, как у тех мираносиц, что шли умащать тело Христа благовониями: *кто отвалит нам камень от двери гроба?*[12] Человек тот не был простым смертным. Он знал величайший и потерянный древний секрет. И камень, заслонивший вход, повиновался ему.

В прохладной пещере тело еще не тронул тлен.

Человек зажег масляный светильник, бросил в огонь щепотку ладана. Приятный запах пополз по пещере. Пришедший молча стоял над усопшим. Христос – человек, и он умер. Пусть так. Но Христос – Бог, и тело Его не может стать прахом. Не имеет права! Иначе все сделанное Им подвергнется сомнению и будет забыто. Или хуже того – над прахом могут надругаться враги Его. Этого допустить нельзя. Люди верят в Него и должны верить до скончания веков.

Человек не боялся, что кто-то придет. Он знал, что до рассвета здесь никого не будет. Ему нелегко было вынести наружу тяжелое тело. Положив Христа на землю, человек выпрямился. Потом нагнулся, подобрал наощупь два камешка. Это был последний поклон Богу во плоти. Человек постоял минуту, потом медленно развел руки в стороны, и тело Иисуса, набирая скорость, устремилось к темному небу. Через несколько минут трение о воздух заставило плоть обуглиться и ярко светиться. Человек видел, как светящаяся точка пронизала легкие перистые облака и исчезла среди звезд.

«Если что-то и было, то только так. Это был последний дошедший до нас эпизод применения способа. Да, так быть могло. А вот рассказы о Его воскрешении – чистой воды миф. Выдумка.

Христос был мертв. А можно ли «стартовать»… себя, живого?»

Владимир Сергеевич механически ходил на работу, ел, не ощущая вкуса пищи, вечерами сидел, тупо уставившись в телевизор. Тяжесть опасного знания и страх сломили его дух. Он потерял интерес к жизни, у него плохо получался секс и жена стала недовольна. Иногда он играл с песчинками, но и это занятие ему надоело. Он проделал в кухонном окне пять аккуратных дырочек, потом прозрачным kleem вклеил линзочки на место. Было почти незаметно. Лена молчала. Страх то подступал, то отступал. Удар последовал с неожиданной стороны.

В августе на заводе ввели вторую смену – не справлялись с заказами. Курочкину приходилось выходить в ночь. Однажды утром он шел домой. Раскланялся с соседкой, кормившей кошек на бетонном блоке. Пенсионерка спросила:

– Владимир Сергеевич, как вам удалось подвинуть эту чушку? – она легонько коснулась блока ногой, обутой в домашнюю тапку.

Инженер мгновенно покрылся потом. Его лицо покраснело, от страха он стал зацикляться:

– К-какую ч-ч-чушку? Я ничего…

– Я видела в окно, Владимир Сергеевич… вы сделали руками вот так… куда же вы, Владимир Сергеевич?

Курочкин побежал. «Все, я пропал. Теперь она растреплет по всей округе и про блок, и про мой страх, и вообще… Имеющий уши да услышит…»

Ночь на двенадцатое августа стояла ясная и тихая. Владимир Сергеевич знал на заводском дворе место, куда не проникает цеховой свет. Оттуда можно посмотреть на Персеиды.

Курочкин сидел в кабинете начальника цеха. Неожиданно зазвонил городской телефон. «Кто это – среди ночи?» Курочкин снял трубку.

– Владимир Сергеевич, нам надо поговорить.

– Вы кто?

– Неважно. Вы нас не знаете. У нас есть деловое предложение. Мы будем ждать вас утром около проходной.

Курочкин бросил трубку.

«Это ОНИ. Я не хочу! НЕ ХОЧУ! ОНИ МЕНЯ НЕ ПОЛУЧАТ!»

Он выбежал на заводской двор, сжимая в руках заветные камешки, с которыми давно не расставался. Прибежал туда, куда не проникает цеховой свет, прислонился к стене, отды-

шался. Когда глаза привыкли к темноте, посмотрел на небо. Персеиды сыпали на землю свой вечный сверкающий жемчуг...

Плохо сознавая, что делает, он быстро, слишком быстро развел руки...

Земля рывком ушла из-под ног. Неумолимая сила держала Курочкина на месте, а все, что не являлось его телом, с ускорением уходило вниз. Камни вырвались из рук и полетели догонять Землю. Вот уже одежда сорвана, а воздух стал тверже наждачного камня...

Владимир Сергеевич не чувствовал перегрузки. Его время текло медленно, и он успел понять, что он не первый, кто догадался, что его несчастный предшественник и был той ракетой, какую они видели с отцом на Волге.

Слишком поздно до него дошло, что осветительные ракеты так высоко не летают – этот простой факт должен был насторожить его раньше! Но раньше он об этом не думал, а теперь ракетой стал сам...

Земля уходила все быстрее и дальше, никто не видел, как инженер хватал широко раскрытым ртом все более разреженный воздух. Через несколько минут тело Курочкина обуглилось и ярко засветилось. Вскоре атмосфера осталась внизу. Черной головешкой замер он здесь, в никому не ведомой точке земной орбиты.

А далеко-далеко под ним, в туманах голубой планеты, вспыхивали красавцы Персеиды.

Эпилог

...Прошел год. В ночь на двенадцатое августа мать и дочь не спали. Они вышли на балкон и всматривались в темное небо. В городе плохо видны метеоры – мешает свет. Персеиды напрасно рассыпали свои искры над Землей.

На балконе холодно.

– Вот и год прошел.

– Уже год... Пойдем, я озябла.

– Сейчас... еще минуту. Как ты думаешь...

В этот момент атмосфера Земли столкнулась с неподвижно висящим в пространстве обугленным и промерзшим космическим *телом*.

Метеор, что ярче Персеид, пронесся по ночному небу. Он летел долго, рассыпая искры по своему пути.

– Мам, смотри, смотри! Какой красавец!

– Желание загадала?

– У меня одно желание – чтобы папа вернулся...

– У меня – тоже...

Андрей Кокоулин

Чуть легче

Рассказ

Сумерки

– Девушка...

Мне даже приходится защемить пальцами край ее пуховика.

– Ну.

Девушка оборачивается. Много косметики. Черная с белыми прожилками челка утесом висит надо лбом. Неестественно длинные, видимо, накладные ресницы. Подведенные глаза. Над глазами – зелень с попытками синего.

– Руку убери, – шипит она.

В голове моей щелкает. Это как будто электричество включают в темной комнате. Щелк! – и жидкое золото бьет в глаза. Потом гаснет. Потом на внутренней поверхности век проступают слова. «Сегодня. Завтра. Послезавтра». Чуть ниже еще: «Язык».

Иногда я представляю, как на щелчке в мой мозг проникает какой-нибудь потусторонний посыльный. Маленький. Юркий. С раздвоенной бородкой. Он оглядывается. Хмыкает. Достает из сумки бумажку с по-телеграфному коротким текстом. «Расписываемся! – кричит куда-то под свод черепа. – Почта!» Ну и – шлеп бумажку на веко...

– Девшк. – выдыхаю я. Слова торопятся, подталкивают друг друга, теряют гласные. Я очень боюсь забыть то, что надо сказать. – Пршу... позвните... Колтакв Лене позво...

– Ка-аму? – Девушка смотрит на меня мутным, будто спросонья взглядом. Свет лампочки на столбе желтит ей щеки.

Не помнит, с ужасом думаю я. Забыла.

– Лене... Колтаковой...

– Ага! Уже!

Пуховик вырывается из моих пальцев. Рука моя хватает пустоту, а девушка перескакивает антрацитовый зрачок лужи и превращается в белое, плывущее к арке пятно.

– Вы же ей жизнь сломали! – безнадежно кричу я вслед.

– Иди на х..! – плюет в ответ арочная тьма.

Ну и ладно, думаю. Слушаю затухающие шаги. Шевелю плечами. Ловлю лицом какие-то шальные снежинки, пока горечь фразы раскатывается внутри. Ладно.

В следующую секунду в глаза мне прыгает асфальт. И лужа. Да, еще лужа. Наверное, это должно быть больно. Не чувствую.

«Сегодня. Завтра. Послезавтра». Ниже: «Язык».

Полчаса я ворочаюсь, будто недораздавленный таракан. Или жук на шпильке. Даже не ворочаюсь, скребу ногой. Во рту стоит горечь. В правую скулу почему-то толчками отдает пульс. И кажется, что всем своим весом уселась на меня тварь какая-то. Скажем, откормленный, матерый слонище. Лишь с третьей с половиной попытки мне кое-как удается повернуть голову. Нет, думаю, кряхтя от натуги, какой же это слон. Это целое стадо. Три тысячи восемьсот сорок девять цирковых голов. Первый на мне, остальные на нем. Обученные, суки!

– О, ты смотри! – раздается нетвердый голос.

За каким-то чертом обладателя голоса несет ко мне. Несет его по странной траектории. Как кораблик в бурю. Шарканье подошв слышится сначала правее, потом вдруг левее. Так и представляешь: волна по правому борту! Волна по левому борту! Ка-армовой ветер!

В метре от меня шарканье прекращается.

Очень, знаете ли, неуютно лежать без движения, когда над тобой стоят. Чувствуешь себя уязвимым. Весь к услугам. Бей кто хочет. Нет, честное слово, это не двор, а хомострада какая-то. А между прочим, одиннадцать. И, между прочим, всего два подъезда. И амбразуры редких окон. И три стены по периметру – глухие. И кишкя сквозного прохода изгибается так, что ни в жизнь не подумаешь, что она сквозная. Наконец, даже с дурацкой лампочкой на столбе – темно. Рассчитываете на безлюдье? Фиг вам.

Из своей лужи в обрезе света мне отчетливо видны теплые, на меху, коричневые ботинки. На одном распустился шнурок, выполз расслабленным червяком. На носу другого стынет мазок собачьих экскрементов. Выше, как я ни выворачиваю глаз, все плывет так, что и воздух, и дом, и человек образуют одно большое пятно.

Подошедший между тем бить не спешит, садится на корточки. Щокает об асфальт дно пивной бутылки. В поле моего зрения появляется кисть руки с зажатой между пальцев сигаретой.

– Лежишь?

Огонек сигареты светлячком упархивает куда-то вверх. Там со смаком затягиваются. Воздух на мгновение закручивается белесыми колечками. Я молчу. Мы молчим оба. Мне кажется, что человек, похоже, уже забыл, зачем приземлился рядом.

Есть, знаете, такое пьяное состояние. Вроде идешь ты из гостей домой. И маршрут давно знаком, и ноги слушаются, и легко тебе. Триста там, четыреста грамм алкоголя мягко всасываются в кровь. Вдруг – хлоп! – обнаруживаешь себя привалившимся к мусорному контейнеру, в боку ноет, рукав в побелке, в кулаке горсть пуговиц с рубашки, чуть ли не все пуговицы, что на ней были, а рядом копошится шуба о четырех конечностях и, сплевывая красноту, называет тебя гнидой. Самое интересное, где-то на периферии брезжит, что тебе здесь что-то было надо. А еще пронизывает ощущение, что только что, ну, буквально мгновение назад, чуть ли не божественное откровение снисходило на тебя насчет этого контейнера и этой шубы. Только вот не вспомнишь его никак.

Так и здесь.

– Значит, лежишь...

Я почти вижу, как человек утыкается в меня взглядом. В сущности, угадать его мысли не составляет труда. Вот, думает он, рассматривая мою ногу, нога. Собственно, нога понимания ему не добавляет. Вот, думает он дальше по телу, задница. Ну, задница. И что? Нет, проехали задницу. Вот спина. С лопатками. И шея.

– Как же вы меня, бомжи, затрахали! – высверлив мне щеку, наконец с чувством произносит он. Я жду попытки членовредительства, но в меня всего лишь упирают пятерню, а потом с хеканьем отталкиваются и встают. Взмахивают шнурком на прощанье.

Молодец, устало думаю я, слушая удаляющееся шарканье. Не зря, получается, крен-деля выписывал. Миссионер, мать его. Пришел, значит, с правдой-маткой к конкретному представителю. И всю ее – в рыло. А то мы, бомжи, такие. Нас хлебом не корми, дай кого-нибудь затрахать. Если, конечно, слоны сверху не прижимают. Со слонами уже проблематично. Слоны нас, бомжей, сами. Смешок у меня не выходит. Выходят пузыри. Надо, надо подниматься.

Я подтягиваю руки. Правую, левую. Левая почему-то сопротивляется и грохочет. Будто это не рука, а протез. Деревянный там или пластиковый. Ой, бля, вспоминаю я, это же пакет с судками. Это же я отнести в «Мотылек» хотел. К Салову. А там и пожрать...

Желудок тут же дает знать о себе голодным спазмом. Рот наполняется слюной. Нормально ел я в последний раз, наверное, недели две назад. Тогда чуть ли не с неба свалилась сотня. Просто-таки прилетела. И магазин подвернулся абсолютно пустой. Даже продавец попался – совсем мальчишка, лет семнадцати, никакого вам электричества, никаких посыльных в черепе. Эх, и попировал я! Завалился домой, выложил, смотрю-любуюсь. Пельмени «Приморские», килограмм. Все как наподбор – пузатенькие, аппетитные. Плюс две буханки хлеба. И все это со сметанкой...

Я мучительно сглатываю. Грохочу пакетом – никуда тебя не брошу, так как ты пакет хороший, вот. Медленно-медленно определяю левую на место. Так. Далее приподняться. Где-то вдалеке с ревом проносится «скорая». К кому, интересно? Или – уже с кем? Я дышу. Вдох-выдох. Вдох-выдох. Рывок!

Если хотите, отделенная на руках от земли верхняя половина тела – одна из давно забытых шаолиньских стоек. «Тюлень изучает окрестности» называется. Совершенно бесполезна в бою. А я вот владею. И вообще, когда лицом не в луже – это кайф.

Вокруг совсем черно. Только в зените помаргивают звезды.

Покачиваясь, я осторожно подтягиваю к животу колени. Слоны мои, проявляя чудеса ловкости, перебираются со спины на плечи. Асфальт пытается прыгнуть еще раз, но натыкается на выставленные ладони и успокаивается.

А вы, господин Левочки, еще ого-го! – хвалю я себя.

По водосточной трубе – ах, труба моя, труба, тру-ру-ру и тра-та-та! – цепляясь за фиксирующие жестяные кольца, встаю в полный рост. Что ж, думаю, можно сказать, что Атлант по сравнению со мной – тьфу! Что он там держал? Небо? А хоботастых? То-то.

Минуту или две я отдыхаю, вяло охлопываю полы плаща, а затем, постукивая на манер какого-нибудь слепого пакетом в стену, медленно бреду в том направлении, где должна быть арка. Считаю шаги. На восемнадцатом пакет беззвучно проваливается во тьму.

Странно, но меня не покидает ощущение, что девушка в пуховике обязательно встретится мне на выходе. Шканьбая мимо густо пахнущего мусорного бака, я зачем-то представляю, как она примерно через квартал вспоминает, что да, была в школе какая-то Лена, тихая некрасивая толстушка с крупной родинкой под нижней губой, и фамилия у нее была вроде бы Колтакова, а они – вполне уже оформленшиеся гаденыши в пубертатном периоде – находили особое удовольствие в том, чтобы довести эту тихоню до слез. Боже мой! А потом я представляю, как она, выбивая каблучками по тротуару бешеный сердечный ритм, спешит обратно и, не решаясь пройти во двор, стекленеет рядышком. И ждет меня. И мерзнет. Мало того, мне даже кажется, что так оно и есть. Наверное, поэтому, вынырнув из арки под тускло посвечивающий рекламный щит, я чувствую себя обманутым.

Никого.

Силуэты домов. Сизая дымка. Далекий высверк отражателей. И – никого.

«Сегодня. Завтра. Послезавтра». Слова плывут и гаснут. Последним гаснет «Язык». Вот и все. Мне хочется упасть и больше не двигаться. Кто-то внутри меня кричит.

«Девушка милая! – кричит он. – Я же не сказал вам самого главного. Без этого звонка через два дня вы онемеете. Да, да! Так и будет. Просто потеряете дар речи. На всю оставшуюся жизнь».

Губы мои дрожат. Не позвонит.

«Ночной мотылек» – гласит вывеска заведения. Ресторан, дискотека, стриптиз, приват-зал на втором этаже. По краям матовых витрин бегут неоновые змейки-искусительницы. Я давно уже обещаю себе, что как-нибудь непременно зайду не с черного хода и в подсобку, а клиентом с фасада. И непременно в смокинге. И непременно из машины. Из полноприводного какого-нибудь монстра. Если, конечно, у меня когда-нибудь появятся монстр и смокинг. Вот. Хотя наверняка тут же, в дверях, свалюсь со счетчиком Гейгера в голове.

Я осторожно трогаю скулу. Скула отзыается бегущей к виску болью. Разодрал, кажется. Ничего, сейчас у Салова. Додумать я не успеваю, потому что, завернув за угол, впечатываюсь коленом в решетку радиатора притаившегося «Вольво».

В салоне автомобиля царит настоящая тьма египетская, но мне свет и не нужен. «Ночь. Смерть» – загорается под веками. Ночь и смерть. Вот так. Кто бы там в салоне ни был. И что мне стоило обойти дом с другой стороны?

Стучу в окошко.

Тьма египетская вроде как приходит в движение. Чуть слышно гудит стеклоподъемник.

– Чего тебе, бомжил? – всплывает лицо.

Молодое, располагающее лицо. Ох, как мне становится нехорошо. Ох, как льдисто.

– Вам бы свечки поставить, – говорю. – Шесть свечек. По тем, что в Мокеевке.

– Вот как?

Улыбка на лице застывает. Белесые глаза ищут что-то за моей спиной. Бесшумно открывается дверца.

– Сядешь?

Я киваю. Прижимаю пакет к груди, пригнувшись, заползаю на сиденье.

– Ну и душок от тебя, батя, – парень со смешком перемещается вглубь салона.

Загорается плафон. Мы рассматриваем друг друга.

На парне джинсы, светлая водолазка и пиджак. Подбородок выбрит до синевы. В мочке уха болтается золотой крестик. Аккуратные залысины наползают на лоб, оставляя посередине мысок обесцвеченных волос. Действительно симпатичное лицо. Даже слегка навыкате глаза его не портят.

– Как зовут-то?

– Лев, – отвечаю я.

– Лев с городской свалки. Чего тебе надо, Лев?

– Свечки надо. за упокой. до утра.

– И все?

– И в монастырь.

– Мне – в монастырь? – выгибает бровь парень. Я снова киваю. Повисает пауза.

– Ты ж не из ментовки, Лев, да? – задумчиво произносит парень. – Родственник?

Левую руку он упорно прячет от моего взгляда. И пожалуйста. Можно подумать, не соображу. Можно подумать, неясно, почему прячет.

– Нет, – говорю, – так, чужой человек.

– Пи...дишь, ты, батя. Ты теперь не чужой человек, а, получается, свидетель. Почти что труп. Только вот, где ты там прятался, а?

Я чуть пожимаю плечами. И ведь не поверит, что не было меня в Мокеевке. Ни за что не поверит. Тем более, подробности-то вот они. Просятся. Дышать становится тяжело. Слон три тысячи восемьсот пятидесяти? Здравствуй. Забирайся.

– Сначала, – говорю я мертвым голосом, – ты вывел мужчину. Он был в красном свитере под горло. Все вертел обмотанной скотчем слепой головой, спрашивал, куда сейчас, когда отпустишь, получил ли ты деньги. Ты попросил его не поворачиваться, достал пистолет и выстрелил ему в затылок. Оставшиеся в сарае и не услышали ничего. Далеко. Да и что там можно было услышать с глушителем? Ничего нельзя услышать.

– Это точно, – замечает парень.

– Потом, – скороговоркой продолжаю я, – ты сбрасываешь его в яму. Раньше, наверное, это был погреб. Сам дом разобрали или сгорел дом, а погреб вот остался. Только осыпался. Подмяк. Но ты прикинул, что для шестерых как раз. По сотовому связался с напарником. Тот сторожил дорогу и заодно древнюю старуху, доживающую в крайней избе. Ты сказал ему, чтобы подходил минут через десять.

– А он мне?

Я долго смотрю в белесые глаза. Спокойные глаза. Уверенные. Парню кажется, что он контролирует ситуацию. Еще бы! В левой руке такой козырь. огнестрельный. А я не из ментовки. В сущности, конечно, непонятно кто, но не из ментовки. Так, чудик.

– А он сказал тебе, что дурная старуха ходит по избе голой.

В каком-то мультике из далекого, ностальгического детства некого персонажа – хоть убейте, не помню зверя или человека – подкарауливали в темной комнате и страшно орали ему в ухо. И, кажется, для усиления эффекта еще и стучали то ли чем-то звонким по жести, то ли чем-то тяжелым в стену поблизости. Ну и, соответственно, персонаж от этого мгновенно приобретал стойкую могильную бледность. От пяток до макушки.

В жизни, оказывается, бывает также. Во всяком случае, лицо моего собеседника вдруг становится синевато-белым. Будто мукой и синькой посыпанным. Из ворота водолазки выглядывает и прячется кадык.

– Ты не мог слышать... Ты... кто?

Ох-хо. Лев я. Можно Лев Сергеевич.

– Следующей ты выводишь женщину... – я выпускаю из рук пакет, и он скользит вниз. Устал держать. Вообще устал. – Руки у нее связаны за спиной. Глаза и рот тоже заклеены скотчем...

– Ты кто?!

Так и оглохнуть можно. Какая-то палка вонзается мне в бок. И раз вонзается, и два. Вот и козырь, думаю. А еще думаю, что я опять могу не успеть договорить. Порскнет сейчас со страху из машины. А у меня слоны, куда мне со слонами.

– Иногда мне кажется, – говорю, – что я совесть.

– Совесть? – нависает парень.

Нависает он потому, что я уже и не сижу вовсе, а полулежу. Колени вонзаются в спинку переднего сиденья. Номер три тысячи восемьсот пятидесяти сосредоточенно топчет грудь.

– Если не поставишь свечки. – я перевожу дыхание, сухим языком обметаю губы. – И в монастырь. любой. То не доживешь до утра...

– Замочу!

Сухо щелкает боек. Щелкает без остановки секунд десять.

– Да я тебя голыми руками... – слышу я.

Трещит ткань. Пружинит обивка. На миг я ловлю над собой выкаченный из орбиты безумный глаз. Потом у шеи моей возникает ветерок. Раздается сопение. Внезапно парень как-то очень по-детски удивленно ойкает и валится в сторону. Тренькает стекло. Это, значит, лбом ахнул.

Я пытаюсь приподняться, но скоро оставляю попытки. А хорошо, что я в машине, приходит мысль. А то мордой об асфальт – устал уже.

«Ночь. Смерть» – пропадают с век. И сам я пропадаю.

Выползти из машины – тот еще для меня трюк. Достойный самого Кио. Или Гудини.

В мягком плафонном свете дверная защелка плывет с глаз долой, ускользает из-под пальцев. Зар-раза. Или пальцы у меня такие? Я перемещаюсь к дверце вплотную. В голове словно песок пересыпается. И вообще ватный я какой-то. Напоминаю себе кусок хорошо отбитого мяса.

Бля, бля, бля, бля.

Не люблю злоупотреблять матом, но тут, похоже, именно тот, злоупотребительный, случай. Что-то не то у меня с рукой. Мажет и мажет. Я вжимаюсь щекой в кожаную мякоть сиденья, дрыгаю ногой. Бля! Попадаю в парня. Еще раз тренькает стекло. Оглядываюсь. А живой вроде. Дышит. Хотя лоб рассадил здорово. И рукав в крови. Может, до утра еще очнется.

Впрочем, нам ли со слоном не знать, что, очнувшись, первым делом наш подопечный двинет в Мокеевку. По дороге ему привидится слежавшаяся до каменной твердости земля над погребом. Земля эта треснет. Из разлома вылезет мальчик лет десяти, тут же на краю присядет на корточки и его стошнит глиной. За мальчиком появятся мужчина и две женщины, а за ними – девочка лет пяти и напарник. Все они встанут неровным, шатающимся строем. «Валентин, Валька, – заорет напарник, придерживая рукой развороченный затылок, – здесь и для тебя место есть!» Сон наяву оборвется полетом с моста в бетонный желоб. «Вольво» упадет на крышу. Брызнет во все стороны стекло. Правую руку оторвет и забросит в кусты. И ни свечек вам, ни монастырей.

Мой ноготь наконец подцепляет защелку. Ага. Хрен ли нам, гудиням. Я со стоном выталкиваю наружу пакет. Следом вываливаюсь сам. Смотрю в небо. Вдыхаю его и выдыхаю.

Интересно, думаю, ждет меня Салов или уже нет? А даже если и не ждет. Вломлюсь самым наглым образом. Что я, вломиться, что ли, не смогу? Я прислушиваюсь к себе. Смогу. Сейчас очень даже смогу. Голодный я страшный и нахальный. Страшно нахальный я.

Призывно моргает над дверью черного хода галогеновая лампа.

Удивительно, как пять метров по прямой неожиданно могут превратиться в пятьдесят. И ведь превращаются! Мотает меня, как давешнего пьяного, от картонных коробок, сваленных у одной стены, до проволочной оградки у другой. Попеременно тело мое становится источником хруста и дребезжания. Там – хрям! Здесь – дзонг! При всем том выхожу я все-таки к двери. А ведь с легкостью могло умотать черт знает куда.

Звоню.

Дверь стальная, толстая, с шумопоглотителем. Я упираюсь в нее лбом и жду. Просто жду, потому что ни звука уловить мне не удается. В голове мельтешат мысли. Я размышляю о том, что, в сущности, с ночными прогулками можно завязывать. В последнее время что-то никакой пользы оточных прогулок. Одно расстройство. Как какой-нибудь фашистский диверсант, пробираешься самыми гнилыми закоулками, а в результате все равно ловишь половину дневной нормы. И еще неизвестно, сколько человек повстречается тебе на обратном пути. А это уже, граждане, совсем никуда.

Конечно, есть у нас в загашнике канализационные колодцы.

И вот Лев, совесть города и повелитель всея, получается, г...на, в поисках какой-нибудь, пусть не первой свежести еды шлепает тоннелями весь в этом самом, и прет от него так... Так прет... В общем, мыши дохнут, цветы вянут.

– Лев, ты?

Голос в динамике звучит глуховато, но узнаваемо.

– Я, Салов, я.

Проворачивается замок. Дверь мягко отходит внутрь.

– Господи, Лев, ну и рожа! – восклицает оконтуренный светом Салов.

Я пытаюсь улыбнуться и падаю ему на руки.

– Значит, так, – Салов хватается за ухо, задумывается, с сомнением смотрит на мой пакет.

– Салов, я ем, – говорю я и ворохаю ложкой в тарелке с супом. Кусок мяса с костью высится вулканическим островом в центре лавового, исходящего паром озера. Тяжелыми, темными стружками залегает на глубине свекла. По поверхности скользят невесомые перышки лука. Я представляю, что это легкие, тростниковые лодки туземцев. И туземцев представляю. Бронзовокожих. Голых. В татуировках. Детей природы. Мне хочется к ним. В их простую жизнь. С утра – рыбная ловля. Вечером – плетение каких-нибудь корзин. Ночью – здоровый сон. И нет времени на всякие гадости ближнему своему. Гадости вообще – табу.

– Значит, в большой судок. – начинает Салов.

Я возвращаюсь от туземцев в комнатку отдыха ресторанных персонала «Ночного мотылька».

– Жалко, – говорю, – что мы не дикари какие-нибудь.

– Кто дикари? Мы дикари? – вздергивается Салов, к чему-то прислушивается и опять застывает взглядом на пакете.

Признаю, страшненький пакет. Он же со своим обладателем и в огонь, и в воду. Опять же, обладатель местами и в грязь падал. И отпечаток сапога, такой четкий и несходящий, что неясно, в какую химию до этого сапог залез, тоже обладателев. То есть мой.

– Вот что, я тебе другой пакет дам, – заявляет Салов после паузы. – Лучше.

– Давай, – киваю я, а сам выхватываю двумя пальцами мясо, обжигаюсь, дую, заглатываю. Горячее, зараза!

– А действительно, – оживляется Салов, подскакивает к шкафчику у двери, садится на корточки. После малопонятной возни на белый свет вдруг появляется ворох пластинок в конвертах, потом трехногий плюшевый ослик, медленно выкатывается истертый теннисный мяч. Салов на мгновение головой уходит в шкафчик.

– Ну вот, – с удовлетворением выпрямляется он. Пакет трепыхается в его руке краснозолотой рыбкой. Хотя, нет, какая же это рыбка, это самый настоящий дракон. Усатый. Китайский. Вон и иероглифы ползут по краям.

– Угу, – я скребу по тарелке ложкой.

– Раритет! – торжествует Салов. Он умудрился посадить себе на брючину длинную меловую полосу, а щеку и нижнюю губу его украшают ядовито-зеленые отпечатки пальцев, словно в шкафчике ему мягко съездили зелено-пятнестой по морде. Мол, у-у, морда! Я даже хихикаю.

– Салов, ты себя в зеркало видел?

– Кто бы говорил. А что? – Салов обходит стол, хитро косит на меня глазом, мол, знаем, в чем подвох, и смотрится в овал подвешенного зеркала. – Ой, ё...

Он пулей вылетает из комнатки. Распахивается дверь душевой напротив. Звонко бьет в раковину выкрученная на полную струя воды. «Убью нахрен. – слышу я под плеск и фырканье. – За каким чертом... Как лягушка, честное слово... Что за гадость такая.»

– Наверно, «зеленка»! – кричу я.

– Спасибо большое! – Салов на миг появляется в проеме. Мокрые волосы сосульками свисают на лоб. Белая рубашка у ворота и на груди потемнела. Галстук-бабочка свернут набок. Два отпечатка уже выведены. В руке зажат грязный косметический тампон. – Ты бы тоже, Лев, в зеркало глянул, а?

А что, думаю, и гляну.

Я отставляю пустую тарелку. Встаю. Приятная тяжесть концентрируется в животе. От этой тяжести кажется, что пирамида из слонов давит не так сильно.

Ну-ка, говорю себе, кто тут у нас?

Зеркало с готовностью показывает, кто. Челюсть у меня отвисает. Мама дорогая, мной же можно детей пугать. Вроде: «Вот придет дядя Лев и заберет тебя с собой. Он очень страшный, этот дядя Лев. И очень не любит непослушных мальчиков и девочек. Так что спи, баю-бай». М-да. Я осторожно прижимаю отстающий пластырь. Надо же, как свезло мне на правую половину лица. Заплытывает бедная половина, фиолетовоет. У глаза желтеет. Левая на ее фоне кажется просто ущербной. И худая, и бледная. А еще повсюду нарочито жесткий, с рыжиной, волос. Пробовать нечего – свой волос, не приклеенный. Нарочито аж до ушей.

– Слушай, Салов, я, оказывается, бородатый.

– Ты прав, – отзыается Салов из душевой, – ты бородатый.

– Я не в том смысле.

– Э... Не понял.

– В смысле страшный я с бородой.

– Ну, я видел и пострашнее, – окончательно разделавшийся с «зеленкой» Салов возникает на пороге. – К нам, бывает, такие абреки залетают. Хотя ты, конечно, тоже красавец.

Мое отражение смотрит на меня печальными глазами. Отражению хочется к туземцам. На Огненную Землю. В Новую Гвинею. В дебри Амазонки.

– А как было бы хорошо, – вздыхаю я, – с утра – рыбалка, вечером плетешь корзины какие-нибудь, пляшешь у костра. Представляешь?

– Я не могу, – качает головой Салов, – у меня семья.

Да, думаю я, усаживаясь обратно на стул, у Салова семья. Полтора года назад, когда я выцепил за квартал отсюда бредущего в неизвестность мужчину, семьи у него почти что уже и не было. Ни жены, ни ребенка. Пустота. Так я ему и сказал. Моросило. По стеклам домов бродило встающее солнце. Мужчина, щурясь, переспросил. На щеке у него алел след губной помады. С перламутром. Я сказал, что неделя, а потом все. «Это точно?». «Точно». Один за другим выключались фонари. Мужчина как-то жалко улыбнулся, сказал: «Тогда больше никаких баб» и подал мне руку: «Салов». А я был, наверное, даже не то, что сейчас. У меня еще плащ был старый. Брезентовый. Рыбацкий. С одного боку словно глазурью облитый какой-то гадостью. Все время чудилось, что от него исходит запах тухлой рыбы. А он – руку.

Впрочем, ладно. Дело прошлое. Я замечаю на столе второе. Пододвигаю. Оцениваю. Мясо с яичницей. Холодное. А и пофиг.

– Как семья-то?

– Нормально. Вот, смотри, – Салов снова раскладывает передо мной судки. – Здесь, – он приподнимает самый большой судок, за полупрозрачными стенками которого мягко поплескивает, – здесь суп. Харчо и солянка. Остатки. Я смешал. Литра два будет.

С вилкой во рту я слежу, как судок перемещается в пакет. Брюхо у дракона раздувается. Чешуйки на брюхе проблескивают новым цветом – розовым.

– Далее – рис. Здесь – овощи. В этом, с царапиной, мясо. Разное.

Я жую. Судки калейдоскопом мелькают в ловких руках. Когда от мяса с яичницей остается расплывшийся по тарелке желток с вкраплениями горошин, мне вдруг приходит в голову, что невежливо называть Салова по фамилии. Я пытаюсь вспомнить хотя бы имя. Эммануил? Мануил? Нет, точно не Мануил. Стыдно, Лев? Ох, стыдно.

– Салов, а как у тебя имя-отчество? Салов отставляет пакет и гогочет.

– А чего смешного-то? – удивляюсь я.

– Лев...

– Может, Эммануил?

Салова просто сгибает пополам.

– Эм-ма. – он уже не гогочет, он взрыкивает, трясет головой, давит через силу слова. – Лев. откуда ты. Эм. кхы. мануила взял?

Я озадаченно чешу бороду.

– А хрен его знает.

– Ох, Лев, ты же каждый раз, как приходишь, мое имя спрашиваешь. Не помнишь?

– Не помню.

– Я так и понял. В общем, я Алексей Иванович. – Салов разгибается, гасит улыбку, критически осматривает брючины, поправляет галстук-бабочку. – Я сейчас в зал выбегу. Посмотрю, как там. Народу сегодня немного, но мое присутствие иногда обязательно. Я все-таки распорядитель. Но я быстро. Одна нога здесь.

Появляется и пропадает гул кухонной вытяжки.

Я не успеваю ни о чем подумать, как с тем же гулом Салов возвращается. Морщится, словно что-то в зале ему не понравилось. Ставит на стол бутылку водки. Откуда-то появляются рюмки, с глухим стуком вбиваются в столешницу.

– Накатим? – спрашивает Салов, разливая.

– А как же! – говорю я.

И мы накатываем. Сначала по первой. А потом по второй. После пятой по счету рюмки я обнаруживаю себя натурально плачущимся Салову в нагрудный кармашек пиджака. И называю его почему-то Федор Михайловичем. Хотя ну какой, какой из него Федор Михайлович? Ох, господи, за что ж ты меня так?

– Эх, Федор Михайлович, – скучу я, – а я ведь сегодня двух человек приговорил. Одного так, а другого до смерти.

– Да ты негодяй! – тормошит и пьяно вглядывается в меня Салов.

– Нет, я совесть. Просто совесть.

– Да? – Салов икает. – Бородатая ты какая-то совесть. Впрочем, я тебя все равно люблю. Я отмахиваюсь от поцелуя.

– Нет, ты послушай. Может, я и не совесть, может, я только посредник и не все могу выразить, но если я, например, подойду и скажу, что. ну, допустим, срочно позвони. ну, кому-нибудь там позвони. сделать усилие и поверить мне можно?

– Можно. Я вот тебе сразу поверил.

– Ты – да! За это надо...

Шестая рюмка вызывает мягкий, волокнистый туман. Лицо Салова удлиняется, расползается по сторонам и теряет нос. А мне все равно.

– Я вот теперь днем и не выхожу. Господи, что я там потерял, днем? Один раз. на всю жизнь запомню, как один раз еще по неопытности вышел. Ага, за хлебушком. Поперся. А там бабульки стоят. – меня передергивает от воспоминания. – Я сразу и вырубился. Все равно, что шутиха в голове ахнула. Открываю глаза – одна из сердоболиц мне ватку с нашатырем под нос сует. Как раз чуть не в глаз тычет. Сбоку – еще две. А дальше – еще. И у каждой, знаешь, за всю жизнь такого накопилось. Я и встать не могу. Слова только под веками горят. Какие-то доносы, еще в НКВД. Кто-то ребенка ошпарил. Кто-то внучку запер в шкафу, так что она потом. Кто-то зятя с дочкой развел. Я им сказать пытаюсь, а они меня таблетками кормят. Никто даже всерьез не воспринимает. Бредит, мол, молодой человек. Обидно. А потом думаю, и ладно. Каждому свое. Вот такой я гад.

– И скольких ты вот так вот... облагодетельствовал?

– Три тысячи вося. восемьсот пятьдесят душ.

– Внушительная цифра. А тех, кто... ну... тебя послушал...

– Меньше сотни. Девяносто семь.

– Мало нас, – печалится Салов. Набулькивает в рюмки. – За нас!

– Знаешь, – продолжаю я, опрокинув свою порцию в рот, – а потом как-то само собой отпал транспорт. Я же сначала и не понимал ничего. Сидишь себе у окна, вдруг – хлоп! – рядом садится... А мне уже тяжело, у меня в голове щелкает, и я уже будто бы и не я. Через неделю, обещаю соседу этому, реанимация. А он ревет: «Что?! Я тебе сейчас устрою реанимацию!». Только, оказывается, меня побить нельзя. Попытаться можно, а побить. Сосед себе в челюсть так кулаком и закрутил. Удивлялся потом, наверное. И сегодня тоже... – я усмехаюсь, давлю горький ком в горле. – Ну и работа за транспортом тоже отпала. И улицы. Теперь вот скитаюсь по ночам. Осторожно так скитаюсь. Хотя и ночью уже находят. Словно я магнит какой. Чувствую, придется спускаться в канализацию. Гордый г...нодав Лев Керумин, путешествие из Петербурга в Москву. Канализационные заметки. М-да. И ведь получается, что их грехи теперь на мне. Я их как бы отпустил. Не просто так, конечно. За плату. За индиви. – выговорить у меня не получается. – И взял на себя. Устал я, Салов. На первой сотне уже устал. К земле гнет. Раньше представлял, будто это рюкзак за плечами. С камнями. Теперь вот слонов представляю. Все веселее. И вообще, за что мне это, а, Салов? Будто на мне какой-то уж совсем страшный грех. И не помереть никак.

– Так, – Салов делает попытку подняться, – сейчас я тебе такси вызову...

В такси я стремительно трезвею.

Заполненный судками пакет обнаруживается в левой руке, в правой оказываются зажаты две сотни расплатиться. И посадили, и денег дали. Ох, Салов, Салов...

Над подголовником поблескивает кружком лысины водитель.

– А вы знаете, что у вас тут неподалеку сын растет? – тихо спрашиваю я, прикрывая глаза.

– Это где? – смеется водитель. Он слегка поворачивает голову. Мне становятся видны густые усы, оспины на щеке, приоткрытый рот с желтоватыми зубами.

Что его ждет? Пожалуйста: «Месяц. Инвалидность».

– На Песчаной. Вы ему нужны.

– Да? Ну-ну.

Автомобиль взревывает и прибавляет ходу.

Слон три тысячи восемьсот пятьдесят первый уведомляет меня в своем почтении и принимается карабкаться на вершину пирамиды. Каждое его движение отдается во мне хрипом.

– Что, худо? – в маленьком зеркальце на лобовом стекле всплывает участливо сведенная к переносице бровь. – Может, остановить?

Я дергаю щекой: не надо. Чего уж теперь...

– Знаешь, – неуверенно продолжает водитель, – когда-то на Песчаной... Нет, лет семь уже... Она же ничего...

Он качает головой, не решаясь поверить.

– Сын?

Я киваю. Так это и бывает.

– Девяносто восемь, – шепчу я.

– Чего? – не рассыпав, оборачивается водитель.

– Нет-нет, все нормально, – успокаиваю его я, – мне просто легче. Чуть-чуть легче.

Слон три тысячи восемьсот пятьдесят первый срывается с пирамиды и, хлопая ушами, испаряется в неизвестном направлении.

Алексей Корепанов

Итог

Рассказ

Он отрешенно рассматривал выцветшие изодранные обои, темные следы от полок, когда-то висевших на стене, паутину в углах под потолком, испещренным грязно-желтыми пятнами. На полу валялись скорченные окурки папирос, возле перекошенной двери присохли к полу собачьи экскременты.

«Или шакальи», – обреченно подумал он, пересек пустую комнату и остановился у окна.

Окно слепо таращилось в утреннюю сырость. С высоты четвертого этажа видны были крыши сараев, палисадник с черными скелетами деревьев, скамейка, дорога, покрытая грязью. Выбоины в асфальте заполняла коричневая жижа. На тротуаре валялась безголовая кукла; голова покоилась в луже и бездумно смотрела в тяжелое серое небо. В помойке у скрюченного тополя рылась тощая собака. За салями громоздились безликие дома, а дальше мир тонул в безнадежной серости – или и не было там никакого мира…

Он поежился, сел на пол у подоконника и обхватил руками колени. Потом снял шляпу, положил на облупленные доски рядом с собой, поднял воротник пальто и спрятал руки в карманы. Он ждал.

Когда-то давным-давно он сидел в этой или очень похожей на эту комнате, только тогда в ней стояли диван, круглый стол, покрытый kleenкой, в окружении венских стульев, этажерка с книгами и большой шифоньер, а с потолка свисала лампа под роскошным оранжевым, с баухромой, абажуром.

Тогда он писал письмо. Поставил точку, аккуратно вывел на конверте три крупные буквы «М», «Г» и «Б» и, заложив руки за голову, закачался на венском стуле.

…Потом, уже заняв освободившееся место своего арестованного начальника, он как-то возвращался из учреждения домой, зайдя по пути в гастроном и купив бутылку дорогого коньяка и баночку красной икры. Стоял чудесный, не жаркий еще майский вечер, на бульваре под липами сидели пары, смакуя пломбир. Он, молодой и здоровый, в новом сером двубортном бостоновом костюме и сером плаще, упруго и быстро шагал по усыпанной гравием аллее, помахивая портфелем и с наслаждением затягиваясь любимой «Герцеговиной флор». Из едва оперившихся кустов ему наперерез выскочила цыганка; на ее шее звенели побрякушки, и звон этот сливался со звоном трамваев. Он поморщился и приготовился оттолкнуть попрошайку.

Но цыганка не стала попрошайничать. Она засеменила рядом, довольно еще молодая, с выщипанными по-модному бровями и румянами на смуглом лице, подметая гравий немыслимой пестроты юбками.

– Пошла отсюда! – процедил он, не поворачивая головы, и швырнул окурок мимо урны.

А цыганка сказала внезапно тусклым голосом, совсем как в паршивых книжонках: «Бойся человека в сером пальто, ненаглядный», – и отстала, и затихло бряканье ее украшений.

Он только плечами передернул и продолжал шагать по бульвару, а вечером играл в карты с полковником-соседом, говорил комплименты его жене, а потом читал газеты на своем диване и жевал бутерброды с красной икрой.

…Жизнь текла своим чередом, кого-то снимали и кого-то назначали, полыхала война в Корее, покорно голосовал девятнадцатый съезд, хоронили Отца народов и шла ремилитаризация Западной Германии.

Он был высок и недурен собой, умел говорить, и не одна гражданка имела на него виды. Однако жениться он не спешил, все выбирал подходящую, а между тем водил на свой диван доверчивых машинисток и даже работниц искусства, обнадеживая их признаниями в любви.

Когда очередная Зина или Мила (имена он не держал в памяти) поделилась с ним своей радостью, он уговорил ее сделать тайный аборт, красноречиво доказывая, что ребенок сейчас будет очень некстати, и обещая жениться сразу после совершения этой пустяковой операции.

А женился он только через три года, и не на той забытой то ли Маше, то ли Зине, а на долго обхаживаемой дочери партработника, пошедшего в гору после постановления о преодолении культа личности.

Вскоре после пышной свадьбы и переезда в квартиру тестя он, отправляясь в командировку, шел по вокзалу, держась с достоинством и брезгливо отстраняясь от снующих по перрону неухоженных детей.

Инвалид в засаленной телогрейке и с рюкзаком за плечами неожиданно преградил ему дорогу, тяжело опираясь на костили, и хрипло попросил, подаввшись к нему ущербным своим телом:

– Земляк, выручи, на билет не хватает.

Он фыркнул, обошел инвалида, проследив, чтобы не задеть кисло пахнущую телогрейку, и устремился к вагону.

– Земляк, бойся человека в сером пальто, – сказал ему вслед инвалид.

Сидя в купе, он попивал чай с лимоном, развлекал пышно-телую молодящуюся попутчицу, рассуждал о достоинствах совнархозов и антипартийной подрывной деятельности фракционной группы. Ночью, ворочаясь на полке, он убедил себя в том, что инвалид и цыганка – одна шайка-лейка, специализирующаяся на вымогательствах, решил при следующем случае сдать в милицию эту мелкую уголовную сошку, успокоился и заснул.

Еще года через два он очень ловко подделал чужую подпись и поднялся на очередную ступеньку служебной лестницы. К хрущевской оттепели он отлично приспособился, на собраниях часто поминал работников, пострадавших в период культа, зажигательно звал вперед, к сияющим вершинам, дома мирно жил с женой, уважительно относился к тестю, а по субботам, ссылаясь на занятость по работе, посещал молодую и умелую в любви закройщицу ателье мод и делал ей дорогие подарки.

Именно от нее и шел он в конце декабря, скользя подошвами по утрамбованному снегу. В витринах магазинов красовались наряженные елки, летели на спутниках улыбчивые куклы, изображающие Новый год, стояли в сугробах из ваты у саней покрытые блестками Деды Морозы и Снегурочки. Повсюду горели огоньки, складываясь в порядковый номер грядущего уникального года, две последние цифры которого, поставленные «вверх ногами», становились такими же, как и две первые: «1961».

Неподалеку от такой вот освещенной витрины булочной горько плакала девчушка лет десяти. Он, наверное, не обратил бы на нее внимания – мало ли по каким пустякам плачут дети! – но она робко двинулась ему навстречу, неловко переставляя ноги в больших не по размеру валенках.

– Дяденька, я деньги потеряла. – Тонкий голос ее дрожал. – Батя прибьет.

Он поморщился, назидательно ответил: «Не будь растеряхой», – и пошел дальше, аккуратно обходя коварные ледяные нарости под водосточными трубами, на которых запросто можно поскользнуться и сломать ногу.

Что-то все-таки заставило его обернуться. В свете, падавшем из витрины, ему было хорошо видно, как высокий человек в сером пальто и низко надвинутой на лоб шляпе протянул что-то девочке и погладил ее по закутанной в платок голове. Девочка побежала к дверям булочной, а человек в сером пальто исчез за углом.

Он немного постоял, в растерянности тыча ботинком в слежавшийся сугроб на обочине, а в новогоднюю ночь основательно напился и, как потом говорила жена, плакал во сне.

С женой он все-таки развелся: «агентура» доложила ей о визитах к закройщице, тестя после шестьдесят четвертого года отправили на пенсию. Квартиру они разменяли, жена осталась с родителями, а он приобрел в пользование комнату, очень похожую на ту, в которой когда-то писал донос под лампой с оранжевым абажуром.

На службе о разводе ничего не знали, дела шли хорошо, а все бытовые заботы он поручил приходящей домработнице. С закройщицей он тоже вскоре расстался – все-таки поднадоели они друг другу, – но довольно быстро подыскал замену, да еще и выгодную в смысле снабжения продуктами питания. Его новая связь, сознательно им подобранная, трудилась на благо грядущего коммунизма в системе общепита.

И опять шло время от пленума до пленума, и он служил, не забывая радеть и о собственном благе, как и многие-многие другие, и осенним промозглым вечером, забирая газеты из почтового ящика, обнаружил телеграмму, которую почтальонша, конечно, обязана была вручить лично адресату, да только ведь и почтальонша была обыкновенным человеком, простой гражданкой, строящей вместе со всеми светлое будущее.

Он читал телеграмму, стоя на лестнице, стекла в двери подъезда были разбиты, и слышно было, как шуршит дождь и простуженно дышит ветер. В телеграмме сообщалось, что его мать при смерти.

Мать жила в далеком райцентре, откуда он в молодости уехал поступать в институт, да так и не вернулся, лишь изредка осчастливливая родные края кратким визитом. Ехать нужно было сначала поездом, а потом автобусом по ужасной разбитой дороге, и занимал этот путь двое суток. Двое суток по ноябрьской непогоде.

Все это было очень некстати, потому что в красном зале самого престижного в городе ресторана намечался банкет по случаю юбилея очень-очень уважаемого человека, и приглашение на банкет получили не все горожане, а только избранные, пользующиеся расположением очень-очень уважаемого человека.

Он уважал этого человека, и этот человек тоже питал к нему приязнь. Поэтому он оставил газеты и телеграмму в почтовом ящике и заспешил под дождем ночевать к труженице общепита.

Для верности он провел у нее три ночи, сославшись на неотложный ремонт в квартире из-за аварии парового отопления. Труженица потчевала его сказочными яствами, но у него почему-то почти пропал аппетит, и душа принимала только «Рижский бальзам».

Банкет успешно состоялся, и через два дня он вернулся в свою квартиру и вынул из ящика скопившиеся газеты и ту телеграмму. Он еще не успел снять пальто, когда в дверь позвонили. Соседка вручила ему еще одну телеграмму, оставленную почтальоншей. Телеграмма сообщала о дне похорон.

Весь вечер он пил, сидя у окна и взглядываясь в осеннюю темноту. Потом пошел к соседке и попросил взаймы еще бутылку водки. Соседка понимающе покивала, и он забрал бутылку. Походил по комнате, лег в ботинках на диван и уставился в потолок.

...Когда он очнулся, часы на стене показывали начало третьего. В комнате стоял тяжелый запах табачного дыма, люстра во всю мощь своих шести ламп заливала светом стол со стаканом, пустыми бутылками и переполненной пепельницей. Он сполз с дивана, снял ботинки и понес в полутемную прихожую. Швырнулся под вешалку и посмотрел в большое настенное зеркало. Человек в сером пальто и надвинутой на глаза шляпе погрозил ему пальцем из зазеркального полумрака.

– Убирайся, не твое собачье дело! – просипел он, подался к зеркалу и увидел в нем свое помятое перекошенное лицо с пустыми глазами.

Утро он встретил у окна. Утро было отвратительным и безнадежным. Когда из туманной мглы стали проступать деревья, он увидел внизу, на тротуаре, знакомую фигуру. Человек в сером пальто поманил его рукой.

Он вздохнул, выудил из пепельницы окурок и несколько минут курил, расхаживая по комнате. Вышел из квартиры и начал очень медленно спускаться по лестнице.

Улицы были грязными и сонными, редкие прохожие осторожно пробирались между лужами. Уныло дребезжали трамваи, воспаленными глазами мигали спросонья светофоры, из подвалов тянуло гнилью. Он покорно брел за человеком в сером пальто, забираясь все дальше в кривые переулки.

Сараи. Помойка. Тихий подъезд. Вслед за человеком в сером пальто он поднялся на четвертый этаж и увидел приоткрытую дверь. За дверью была пустая комната с выцветшими обоями и присохшими к полу собачьими экскрементами. Человек куда-то исчез.

Он вошел, прикрыл за собой дверь и осмотрел комнату. Подошел к окну и сел на пол, обхватив руками колени. Потом снял шляпу, поднял воротник пальто и спрятал руки в карманы.

Комната была ему знакома.

Перекошенная дверь тихо скрипнула, и человек в сером пальто остановился на пороге. Взгляды их встретились и он, наконец, разглядел лицо человека.

— Чего ты хочешь? — вяло прошептал он и медленно встал.

Человек ничего не ответил.

— Хорошо, хорошо, — бормотал он, шаря руками по оконному переплету. — Согласен...

Окно распахнулось — и полезла, полезла в комнату сырость, пропитанная вонью помойки. Он отпрянул от окна и крикнул, с ненавистью глядя на неподвижную серую фигуру:

— Не хочу! Слышишь? Не хочу!.. Человек в сером пальто сделал шаг вперед.

— Ладно... Ладно... — У него тряслись губы, он зачем-то поднял с пола шляпу и, смяв, зажал в руке. — Чтоб ты подох!

Человек в сером пальто грустно усмехнулся и кивнул.

— Ладно... — Он вцепился в подоконник, посмотрел в безнадежную серость, перевел взгляд на тротуар, где валялась грязная безголовая кукла. — О, Господи!..

Шаги за спиной приближались. Тощая собака вытащила морду из помоечных отбросов, закатила подернутые бельмами глаза к небесной серости, придавившей город к земле, — и завыла. Вой глох в сырому осеннем воздухе.

В комнате было пусто. Шуршали крысы. Где-то в глубине дома голос радиодиктора бодро вещал о последних событиях.

Юрий Косоломов

Аттракцион

Рассказ

– Мам, зайдем! – схватила дочь руку Марины.

– Отстань! – крикнула Марина. – Уже все деньги потратили. Папе скажи, чтоб зарабатывал больше. Тогда и зайдем.

Дочь замолчала. Она совершенно не умела добиваться своего.

Марина вспомнила прошлогодний поход в цирк, и гнев, давно окаменевший на дне ее души, полыхнул снова.

Бродячие артисты исполняли свои номера, запинаясь на каждом движении. Клоуна, черт возьми, не было. Обещанных тигров – тоже. Трусливые медведи, усохшие до охвата собачьих шей, кувыркались из-под палки. Наглый и пьяный факир клал морковку в один карман, а вынимал из другого. Гвоздем программы стал антракт: сок стоил ровно в пять раз дороже, чем на рынке, а выбор конфет и воздушных шариков превзошел столичный.

Дочь редко что-то просила у Марины, но в тот раз она просто ошалела от желания. Нет, она не плакала, не ныла, не кричала – она никогда не просила дважды. Дочь молча, снизу вверх, поглядывала на Марину глазами испуганной кошки, не способной понять мир, в котором свежая, одуряюще свежая рыба достается не ей, а каким-то двуногим, не умеющим отличать рыбу от фишбургеров.

А зимой дочь заболела воспалением легких. И Марина отдала бы все на свете, чтобы вернуть минуту, когда дочь смотрела на нее и не могла поверить, что ей отказывают в таком пустяке, как этот, непостижимо дешевый по сравнению со своими размерами шарик.

– Ладно – остановилась Марина. – Давай зайдем.

Дочь запрыгала – запрыгала, доченька, запрыгала, заинька! – и потащила Марину к белому автобусу с забранными жестью окнами и надписью «Перевернутая комната». Все буквы «а» в надписи стояли на головах – как остроумно, только подумайте!

Несмотря на эти финикийские «а» и свои ярко-белые колониальные бока, снятый с колес автобус глаз никак не радовал. Чем-то он походил на животное, отбывающее пожизненный срок в зоопарке.

Марина провела дочь вперед, сама вступила на непривычно низкий и все равно удививший ноги пол. В темнотах перед ними сидел плечистый обрюзгший мужик в рубашке с закатанными рукавами. На столике перед ним лежали инструменты и разобранный приемник. Рядом стояла банка из-под растворимого кофе, набитая окурками. Пахло дешевым табаком и канифолью. Эту крохотную, с лифт величиной, комнатку от салона отделяла стена с дверью обычного, домашнего вида, тоже белой. Правда, закрыта она была на огромный железный засов.

– Почем комната? – вздохнула Марина. Мужик стряхнул пепел в банку:

– Дети до пяти бесплатно. Со взрослых – пятерочка.

– Так дешево? – удивилась Марина и полезла в сумку.

– Плата после осмотра – сказал мужик. – Если не понравится, можно не платить. Ноги только оботрите, – дымящимся паяльником мужик показал на расстеленное под дверью мокре полотенце.

Дочь потянула дверь на себя и рассмеялась. Марина встала за ее спиной: перед ними была пустая комната: матово-белый пол с торчащей в центре перевернутой люстрой, необычно низкое окно.

– И это все? – спросила Марина.

– Ноги оботрите, пожалуйста, – отозвался мужик из-за двери.

Марина пошаркала кончиками туфель о полотенце, присела и, хватая дочь за лодыжки, стала вытираять ее сандалии.

Дочь продолжала хихикать голосом белки из мультфильма:

– Мам, смотри, диван!

Марина подняла голову и только сейчас заметила диван – он держался – стоял – на потолке. Подтолкнув дочку, Марина шагнула в комнату и задрала голову.

Это был точно такой же диван, что и в комнате ее детства. Неудивительно, впрочем, тогда все делали миллионными тиражами.

Вон и стол рядом с диваном, тоже на потолке, такой же, как у нее был: покрыт желтым лаком, столешница обита черным дерматином. И дверь...

Сердце у Марины екнуло: дверь стола была взломана. Как и в ее столе. Однажды родители, истерзанные жалобами соседей, спрятали туда магнитофон и закрыли дверь на ключ. А они с братом ножницами ее взломали.

Надо же...

И паркет на полу, тьфу ты, на потолке, тоже был истерт в двух местах ножками стула – Марина однажды докачалась, слава богу, руки успела выставить, только ладонь занозила.

Дочь подбежала к окну:

– Мам, мам! Иди сюда!

Марина подошла к дочке: под их ногами голубела бездна, а громоотвод спускался в нее из кирпичной тучи. Марина перевернула голову – мало. Она наклонила торс и посмотрела на тучу опять.

Это был их двор – именно такой, каким она многие годы видела его из окна своей комнаты: третий корпус, магазин «Подарки» в цоколе корпуса четвертого – башни в один подъезд... Котельная с фикусами за высокими, разбитыми на квадраты окнами, труба... Ну конечно же, и громоотвод – страшноватая на вид иголка, которая в ненастные дни царапала тучи, а однажды чуть не задела брюхо заблудившегося Ил-62.

Марина выпрямилась и стала массировать шею.

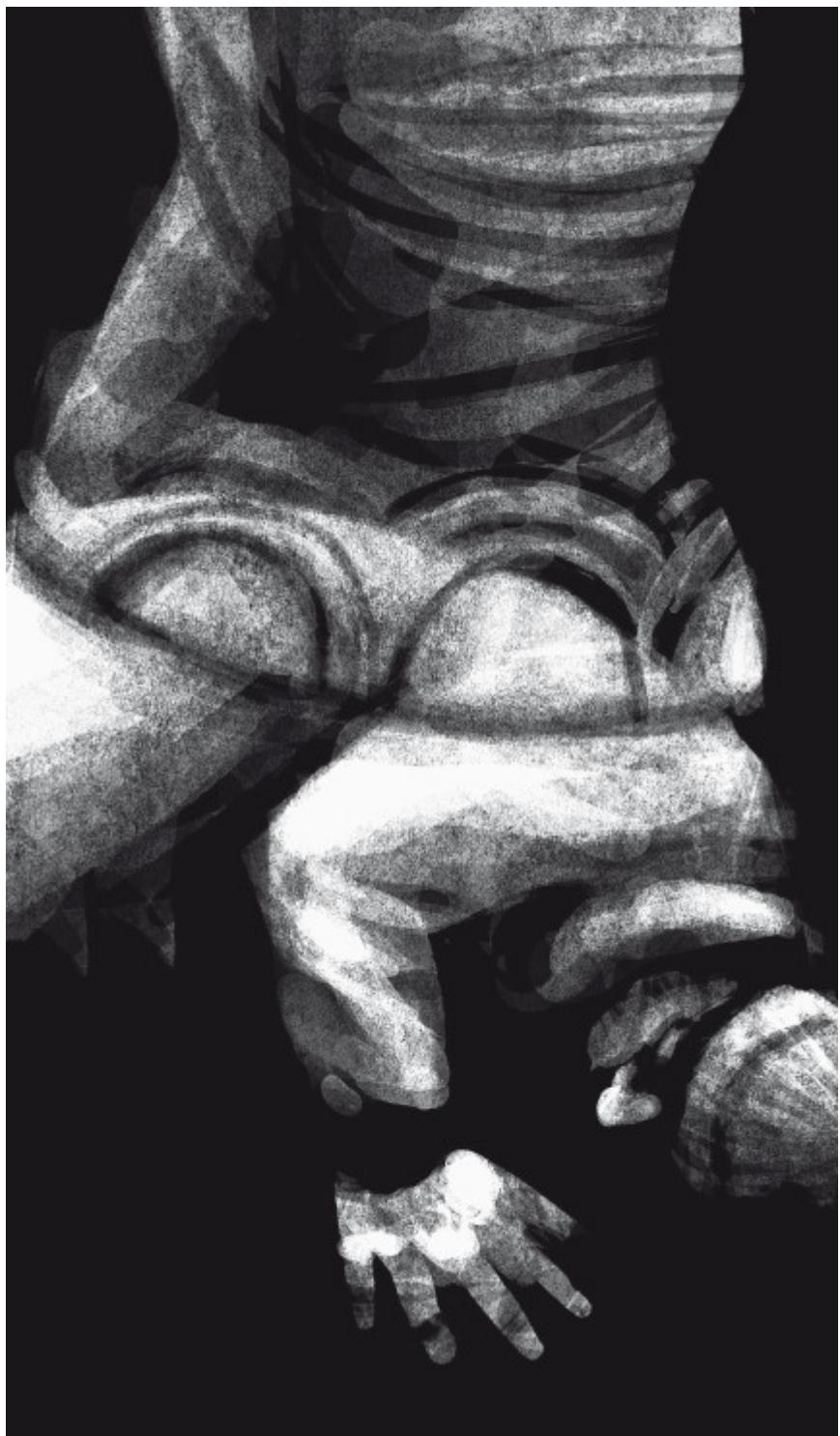
– Мам, мам, как это? Как это сделали, а?

– Голография – сказала Марина.

– А это что такое? Голая графия?

– Потом объясню, – сказала Марина. Это означало, что все объяснит муж. Но все-таки, каким образом.

Марина не выдержала и, вслед за дочкой, нагнула голову снова.

Каким образом голограмия получила вид именно из ее комнаты? Да, вроде бы, ее... А диван? И стол? И...и...

Марина зажмурилась, повернулась к простенку у входа и открыла глаза. Так и есть! Этот стеллаж отец сам изготовил на досуге. Марина шагнула к стеллажу, взяла первую попавшуюся книгу и, еще не перевернув ее, узнала на ощупь. Та самая, желто-коричневая с черным матерчатым переплетом, Карело-Финского государственного издательства. В руках Марины книга сама открылась на пятне, оставленном каплей с новогодних шпрот: «Глокая куздра штеко будланула...» Дальше пятно темнело и правильные буквы в нем чередовались с вывернутыми наизнанку. Так, так. Всё ясно!

Дочь как заведенная бегала вокруг люстры – ну да, та самая, гэдээровская, с полосатыми плафонами. Марине вдруг до судорог в горле вспомнился вкус пертусина. Мучительно захотелось почесать шею, сохранившую память о колючем шарфе – неизменном наказании за грипп, ангину и всё в этом роде.

– Ладно, пошли.

Дочь описала последний круг и схватила Марину за руку. И все-таки, как понимать эту голограмму?

– Да, ловко вы это придумали! – сказала Марина, открывая дверь. – Ловко!

Мужик, не поднимая головы, тыкал паяльником в черные пластмассовые развалины на своем столе. Дым из банки, дым от паяльника, дым от новой сигареты сливались в один страшный, как подводная часть айсберга, пласт. Кроме дыма, теперь тут пахло еще и пьяной вишней.

– Пять рублей, значит? – спросила Марина. Мужик покивал.

Марина достала кошелек и вынула пятирублевую монету:

– На, отдай дяде! – и Марина перешла из автобуса на залитую асфальтом площадку.

– Спасибо, Марин, – произнес мужик.

Марина обернулась и презрительно, на всякий случай, посмотрела в темноту. Неужели кто-то из тех плебеев, гаражных соседей отца, которые неизменно тянули ему руку на улице? Или сосед – поди их всех упомни! Или кому это из таксистов она… Я тебе дам «Марин»!

Мужик отложил паяльник, сунул едва раскуренную сигарету в банку и встал.

– Не узнаешь? – робко спросил он.

Озадаченно глядя на Марину, дочка продолжала протягивать ему монету.

– Не узнаю! – сказала Марина.

– Правда? – глотнул мужик. Он почесал руки и вытянул их по швам.

– Правда. Деньги возьмите.

Хлопая блестящими красноватыми глазками, мужик растерянно смотрел на Марину.

– Деньги возьмите, – повторила дочка.

Мужик опустил голову и как-то странно посмотрел на нее.

– А? Деньги…

Дочка снова ткнула ему монету – она держала ее вертикально, будто хотела втиснуть в автомат.

– Погоди-ка!

Мужик выбрался из-за стола, подошел, касаясь брюхом стен, к двери и снова открыл комнату. Его темный закуток вдруг озарился голубоватым светом, даже тень мелькнула, как от пролетевшей за окном ласточки.

– Туда бросай. На счастье. Дочка посмотрела на Марину.

– Ну бросай, – пожала плечами Марина. – Да и пойдем уже, сколько ж можно.

Дочка махнула рукой так, как махала, бросая снежки. Монета глухо ударила о сероватое пятно под плафоном,描画了 hyperboloid, взлетела и, покатавшись вокруг собственной оси, позвенела и замерла на паркете. Вслед за монетой поднялись хлопья побелки.

Разинув рот, дочь посмотрела на Марину.

– Пошли, доня, пошли.

Оглядываясь на мужика, дочка спустила из автобуса сначала одну ногу, потом другую. Взяла Марину за руку и оглянулась снова.

Мужик захлопнул дверь в комнату, бросил засов налево и подергал на себя хромированную скобу. Ничего, держалось будь здоров.

2

Личности, Идеи, Мысли

Илья Кузьминов

Сельская жуть

(О перспективной тематике страшных фантастических рассказов)

К чему мы привыкли в «ужастиках»? Инопланетяне, мертвецы, мистические силы заброшенного дома. Тематика индивидуальных инопланетных вторжений (где на Землю попадает одно чудовище и камерно так убивает нескольких героев) давно исчерпала себя. А техногенные катастрофы, вызывающие размножение оживших мертвецов, просто смешны.

Ужасы, связанные с вампирами, не страшны. Они эстетичны и ценятся за готический антураж (вспомните, например, «Голод» с Дэвидом Боуи в одной из главных ролей). Если же они неэстетичны и вампиры не утонченные джентльмены и леди, а страшилища, отрывающие людям головы, то это уже дешевая «яичница», приравниваемая к похождениям тех же самых живых мертвецов.

Остаются серийные убийцы в городской среде и в особенности заброшенные дома с их неизведанной фауной.

Я вижу возможность расширить сферу жути за счет двух направлений. Первое – это жуть кондово индустриальная и без мистики, с дымящими заводами среди гор, вечными сумерками, гаражными массивами, где работники завода «Красный молот» распиливают по вечерам трупы и занимаются другой незаконной деятельностью. Второе – жуть сельская. Последняя вызывает у меня особый интерес. Для восприятия сельской жути есть в нашем обществе отличный питательный субстрат, потому что очень многие проводили в детстве лето на даче, а кто-то – в настоящей деревне, и воспоминания о селе зачастую самые яркие из детских воспоминаний.

Кроме того, детская психика очень впечатлительна к антуражу открытия новых земель. Дети расширяют разведенное пространство, добираясь до новых перелесков, сел и озер. Как правило, их меньше впечатляют действующие населенные пункты и гораздо больше природные барьеры (реки, овраги), а особенно заброшенные населенные пункты и заброшенные объекты хозяйства (элеваторы, ремонтные станции).

Открытие новых земель всегда тесно увязано с мифотворчеством. Ребенок видит неизведанные места из окна, но ничего не знает про них, ведь он пока еще не успел до них добраться. Временной лаг между осознанной возможностью и действительным освоением раздражает воображение, порождает причудливые образы. В частности, такими образами могут становиться страшные существа или люди, до того десоциализированные, первертные и злонамеренные, что приравниваются к страшным существам.

Таким образом, автор «сельской жути» адресуется напрямую к детским – самым доверчивым – элементам нашей личности и ворочит самые яркие – сельские, природные – наши воспоминания.

Кроме того, сельская местность дает отличные возможности для развития ряда очень важных для жути мотивов.

Это, в первую очередь, мотив прибытия в неизвестную героем местность. Он не знаком с историей местности, ее нравами и легендами, просто намерен отдохнуть (или

скрыться от закона, или что-то еще). Постепенно читатель начинает понимать, что герой выбрал неудачное место. Чем дальше, тем очевиднее становится читателю, что герой попал в ловушку. Герою это становится понятно в самом конце, и он либо спасается, отдавшись психическим шоком,увечьями, потерей друзей (по усмотрению автора), либо бесславно погибает, сожранный громадной озерной пиявкой, деспотично установившей свой тайный куль в глухой деревушке, населенной тремя древними бабками. Либо, что особенно интересно, герой перестает быть частью нашей привычной социальной системы и становится частью системы «жуткой». В последнем случае он начинает прилагать усилия, чтобы заманить кого-нибудь еще.

Другой важный мотив – мотив удаленности от цивилизации. Нам даже не нужно забрасывать действие в какую-нибудь Эвенкию, где между поселками надо лететь двести километров на вертолете. Хватит и окраин какой-нибудь Вологодской области, с разбитыми дорогами, поваленными столбами электропередач и брошенными деревнями. Если в одной из таких заброшенных деревень появится нечто богопротивное и жуткое, то оно сможет там спокойно развиться, потому что о нем просто не узнают в районе и, соответственно, не вызовут внутренние войска. Над теми немногими, которые случайно забредут в те места, это богопротивное нечто сможет легко учинить страшную расправу, не поднимая шума и пыли. В таких местах нет телефонной сети, мобильные телефоны не ловят, на дороге можно стоять сутки и не дождаться машины. Таким образом, достаточно поломки автомобиля, чтобы стать жертвой местных темных сил. Другой вариант – любительский туризм, когда группа высадилась на маленькой железнодорожной станции и, пройдя километров сто, нарвалась на глубоко спрятанную в лесах жуть.

Третий мотив – попадание в околофентезийную обстановку. В этом плане плохи наши южные области с огромными селами на трассах, но идеально подходят области к северу от Москвы с их многочисленными мелкими пустынями деревеньками. Герой оказывается в созвездии маленьких мирков – деревень, барьеры между которыми существенны и представители которых так ярки, как бывают ярки только в фентези: архитипичные образы вожака, колдуна, вора – врага группы, прекрасной женщины и простого честного кузнеца.

Четвертый мотив – мотив постапокалипсиса. И тут снова только северу с мелкими деревушками есть чем похвастаться. Умершие деревни, вросшая в болота техника, брошенные ремонтные станции и мукомольные заводы. Металлические ржавые остовы, торчащие кое-где над деревьями. Отличное место для проживания разного рода нечисти. Конкуренцию им могут составить только маленькие умирающие промышленные города в индустриальной жути, но разговор о последней я бы отложил до другого раза.

И, наконец, кроме двух перечисленных причин привлекательности сельской жути, можно назвать еще и третью. Это обилие специфического литературного материала. В Советском Союзе популярна была «деревенская проза». Были и плохие «деревенщики», у которых каждый механизатор цитировал Ленина, не пил водки и был хорошим парнем, а пьющий был обязательно еще и холостяком, и вором, и безработным, и вообще идейным врагом советской власти. Но были «деревенщики» хорошие, их имена мы помним: Шукшин, Абрамов, Можаев. Начинал свою карьеру в качестве деревенщика и известный НФ-сообществу языческий фанатик Сергей Трофимович Алексеев, пишущий про бравых спецназовцев, защищающих тайные языческие ордена, прячущиеся в горах Урала, от коррумпированных работников спецслужб и служителей гнусных западных капиталистов. Плохо закончил, а начал хорошо, опубликовал в «Роман-газете» отличный деревенский роман «Рой» и даже получил пару советских литературных премий. Ну да не о нем речь. Речь о том, что есть пласт литературы, непопулярной сегодня, но ценной как источник фактматата для конструирования наших сельских кошмаров.

Я считаю, что пора уже дать отпор буржуйским писателям вроде Кинга с его мистическими сектами в глухих селах Канзасшины и Оклахомшины, или Лавкрафта с его невыразимыми мерзостными тварями, прячущимися под досками доков в занюханных городках Новой Англии. Пора ответить им громогласно нашими разваливающимися тракторными станциями, брошенными колхозами, зарастающими узкоколейными дорогами, фанатичными зоотехниками, ловящими на трассе людей и проносящими их в жертву большой навозной куче, тощими коровами, установившими ментальный контроль за глухим селом, невероятно вдруг расплодившимися бездомными псами в пустеющем лесозаготовительном поселке...

Пора браться за сельскую жуть.

Антон Первушин

Космическая угроза

(Очерк из цикла «Угрозы будущего»)

Современная космонавтика находится на распутье. С одной стороны, перед ней стоятся весьма амбициозные задачи (освоение Луны и полет к Марсу), с другой – расходы на нее ежегодно сокращаются, что стало особенно ощутимо в условиях мирового экономического кризиса. Очевидно, что в этих условиях руководству космических агентств придется пересмотреть свои планы. И этот процесс уже начался.

По поручению американского президента Барака Обамы комиссия независимых экспертов во главе с Норманном Огастиным проанализировала программу НАСА «Созвездие» («Constellation»), предусматривающую высадку американских астронавтов на Луну в декабре 2019 года и возведение там постоянной обитаемой базы. Эксперты пришли к выводу, что при нынешнем финансировании (годовой бюджет НАСА составляет 18 миллиардов долларов) американские космические планы не могут быть реализованы в указанные сроки. Они порекомендовали дать НАСА еще 3 миллиарда долларов (не урезая общую сумму в 21 миллиард долларов как минимум до 2020 года), сдвинуть контрольные сроки, уделять больше внимания сотрудничеству с другими странами и коммерческими организациями, а главное – четко определиться с главной целью программы: Луна или Марс? При этом экспертный комитет указывает в своем докладе, что в освоении Луны нет ничего принципиально нового по сравнению с полетами «Apollo» 1970-х годов, а экспедицию на Марс сегодня одной Америке не потянуть. Посему предлагается новый вариант космической экспансии, получивший название «Гибкий путь» («Flexible Path»).

К «Гибкому пути» стоило бы присмотреться и руководителям нашей ракетно-космической отрасли. В рамках этого варианта предлагается отказаться от подготовки немедленной высадки на Луну, а Марс сделать дальней перспективой. Корабль же «Orion» переориентировать на новый круг задач, которые не только имеют научную ценность сами по себе, но и позволяют зафиксировать за США несколько важных приоритетов. Например, никто не летал еще в точки Лагранжа (точки равновесия гравитационных сил внутри Солнечной системы), а, между прочим, некоторые ученые считают, что это идеальные районы для размещения гипотетических зондов инопланетян. Еще можно слетать до Венеры и Марса без высадки на их поверхность. Однако самым «лакомым» куском, по мнению комитета Огастина, являются астероиды. О них стоит поговорить особо.

Открытие Фаэтона

В астрономии бывает и так, что выдающемуся открытию помогает заблуждение. Именно заблуждение привело к тому, что были открыты малые планеты, которые нынче принято называть астероидами, что по-гречески означает «звездоподобные».

Огромный и пустой промежуток между орбитами Марса и Юпитера издавна привлекал внимание астрономов, которые подозревали, что здесь должна быть еще одна – «пятая» – планета. Эту гипотезу выдвинул Иоганн Кеплер в XVII веке, а позднее общепринятым стало так называемое «правило Тициуса-Боде», согласно которому существует математическая зависимость в расположении планет, нарушающаяся только пустотой между Марсом и Юпитером. Правило было опровергнуто последующими открытиями, но долгое время астрономы целенаправленно искали подтверждение ему и в конце концов нашли.

«Пятую» планету обнаружил в новогоднюю ночь 1801 года Джузеппе Пиацци, директор обсерватории в Палермо. Ее назвали Церерой в честь римской богини плодородия. Слабый блеск Цереры говорил о том, что размер этого нового объекта очень мал по сравнению с большими планетами Солнечной системы (согласно современным данным, размеры Цереры составляет 975 на 910 километров) – между Марсом и Юпитером двигалась планета-крошка.

Казалось, недостающая планета найдена, но 28 марта 1802 года астроном-любитель Генрих Ольберс неподалеку от Цереры обнаружил еще одну миниатюрную планетку. Ольберс дал ей название Паллада в честь Афины Паллады.

Однако и этим дело не ограничилось. Прошло несколько лет, и были открыты еще две планетки: Юнона (1804 год) и Веста (1807 год). Все три новых члена планетной семьи оказались телами очень небольшими – не больше 600 километров в поперечнике.

Обращал на себя внимание тот факт, что орбиты обнаруженных малых планет пересекались дважды в двух противоположных точках небесной сферы, словно изначально совпадали. Пытаясь объяснить это явление, Ольберс выдвинул гипотезу, что малые планеты находятся в зоне, где некогда пролегала орбита одной большой планеты. Это объяснение нашло широкий отклик среди ученых, и с тех пор они называют гипотетический объект «планетой Ольберса». Согласно распространенным представлениям, эта планета находилась на неустойчивой орбите в зоне одновременного воздействия гравитационного поля Юпитера и Солнца – и приливные силы буквально разорвали ее на части. Согласно другой версии, планета столкнулась с крупным небесным телом (например, кометой) и опять же распалась на несколько осколков под воздействием мощнейшего удара.

Было ясно, что если новооткрытые малые планеты – обломки нормальной планеты, сходной по размерам с Марсом, то этих обломков должно быть гораздо больше. Астрономы кропотливо продолжали поиски, но целых сорок лет несовершенные оптические приборы не позволяли увидеть новые астероиды.

Только в 1846 году Карл Генке сумел разглядеть и описать пятый астероид – Астрею. Началась астрономическая охота. Наблюдатели неба с еще большим усердием стали изучать окрестности Цереры в поисках новых малых планет. К 1890 году удалось зафиксировать и описать около 300 астероидов.

В ХХ веке «охота» пошла гораздо успешнее, благодаря применению фотографических пластинок: движущийся по небу астероид оставляет на пластинке след в виде черточки, а не точки, как «неподвижные» звезды.

Процесс поиска новых астероидов не завершен. Сегодня в этом деле астрономам помогают компьютеры, большие наземные и орбитальные телескопы. Общее количество открытых астероидов составляет более 230 тысяч. Имена же присуждены только 11 тысячам астероидов.

Среди профанов гипотетическую планету, из обломков которой образовался пояс астероидов, с легкой руки российского астронома Сергея Орлова принято называть Фаэтоном в честь сына бога Солнца Гелиоса, который погиб, не справившись с огненной колесницей отца.

Создание межпланетных космических аппаратов открыло перед астрономами новые возможности для изучения астероидов. Американский космический аппарат «Galileo» передал на Землю множество детальных снимков астероидов Ида, Дактиль и Гаспра. Другой аппарат «NEAR Shoemaker» сфотографировал астероиды Матильда и Эрос, после чего 12 февраля 2001 года даже опустился на поверхность Эроса, успев передать самые подробные снимки астероида в истории. Европейский аппарат «Rozetta» изучил с пролетной траектории астероид Штейнс. Японский космический аппарат «Hayabusa» в ноябре 2005 года попытался высадить на астероид Итокава небольшую мобильную лабораторию «Minerva», но миссия

потерпела крах, и теперь японские ученые надеются получить хотя бы образцы вещества астероида, которые аппарат доставит на Землю в июне 2010 года.

Все эти астероиды вполне соответствуют теории их возникновения из обломков Фаэтона. И тем не менее ее придется пересматривать. Фаэтон, оказывается, вовсе не погиб, а продолжает существовать в Солнечной системе наряду с другими планетами.

Согласно новейшим наблюдениям, сделанным еще в 2005 году с помощью орбитального телескопа «Hubble», выяснилось, что Церера – это небесное тело, которое относится к категории карликовых планет и, кроме того, обладает значительными запасами чистого водного льда, скрытого под внешней корой. Как хорошо видно на изображениях, полученных телескопом, Церера отличается такой же шарообразной формой, что и настоящие планеты, и, возможно, обладает плотным ядром. На поверхности Цереры различимы несколько светлых и темных структур, предположительно кратеров. Самая яркая структура в честь первооткрывателя карликовой планеты уже получила название Пьяцци. Что касается воды, то если новейшее предположение ученых о том, что Цереру покрывает стокилометровая толща льда, подтвердится, она по запасам воды превзойдет даже Землю!

Ответить на многочисленные вопросы, возникшие в связи с открытиями «Hubble», поможет американский аппарат «Dawn», отправившийся в космос 27 ноября 2007 года. Предполагается, что в сентябре 2011 года он достигнет Весты, а в феврале 2015 года – Цереры.

Апофис как предчувствие

Однако наибольшее внимание сегодня привлекает вовсе не Церера, а ранее никому не известный астероид Апофис (99942 Apophis – 2004 MN4). Длина его составляет всего 350 метров при массе 21,4 миллиона тонн. Эта заурядная космическая глыба вызвала необычайный ажиотаж после того, как астрономы предсказали, что она вполне возможно столкнется с Землей 13 апреля 2036 года.

Все сразу заговорили о конце света. Однако ученые уверяют, что вероятность такого события ничтожна – 1:45 000. И даже если астероид упадет, последствия вовсе не будут сокрушительными. Реальную опасность для Земли и жизни на ней представляют только астероиды с поперечником свыше километра, но они сталкиваются с Землей не чаще раза в миллион лет.

Первоначальная оценка специалистов НАСА для мощности взрыва при падении Апофиса составляла 1480 мегатонн, позже ее снизили до 880 мегатонн. Для сравнения: Тунгусский метеорит оценивается в 10 мегатонн, а взрыв вулкана Кракатау в 1883 году был эквивалентен примерно 200 мегатоннам.

Моделирование показало, что при падении Апофиса произойдет землетрясение с магнитудой 6,5 по шкале Рихтера, а на месте падения образуется кратер диаметром 6 километров. Куда же упадет астероид? Ученые подсчитали и это – в зоне риска оказались южные районы России, север Тихого океана, Никарагуа и Коста-Рика, Колумбия и Венесуэла.

Материальные и людские потери даже при падении Апофиса в густонаселенном районе будут не слишком большими, но проверить на себе никто не хочет – Земля у нас все-таки одна. Поэтому в настоящее время обсуждается несколько проектов космических аппаратов, которые не только уточняют характеристики астероида для дальнейшего моделирования и более тщательной оценки исходящей от него угрозы, но и смогут защитить Землю от катастрофического удара.

Прежде всего на Апофисе будет размещен радиомаяк (транспондер). Российские конструкторы из НПО имени Лавочкина предлагают сделать это прямо сейчас, создав на основе существующего аппарата «Фобос-Грунт» новую станцию. Она должна стартовать не позд-

нее 13 мая 2012 года, перелет займет 330 суток, после чего станция выйдет на орбиту вокруг Апофиса и будет служить в качестве ориентира.

Далее возможны варианты. Если будет доказано, что астероид неизбежно столкнется с Землей, в его сторону отправится перехватчик.

Агентство НАСА подготовило проект перехватчика астероидов с разделяющимися ядерными боеголовками (миссия «Cradle» – «Колыбель»). Космический аппарат длиной 8,9 метра должна выводить в космос новая ракета-носитель «Ares V». Сам аппарат, в свою очередь, будет нести шесть полуторатонных перехватчиков, каждый из которых оснастят ядерной боеголовкой В83 мощностью 1,2 мегатонны. Шесть перехватчиков должны быть выпущены уже на подлете к астероиду – за 100 часов до пересечения с ним «материнского» аппарата. Они стартуют навстречу космической скале с часовым интервалом, и каждый взорвется на расстоянии одной трети диаметра астероида. Рентгеновские и гамма-лучи, нейтроны, полученные от взрыва, превратят часть поверхности скалы в расширяющуюся плазму, которая создаст реактивную силу, уводящую астероид с опасной траектории. Если будет принято решение о необходимости свести Апофис с его орбиты, то перехватчик должен стартовать с Земли не позднее 2021 года.

Однако, как показывают расчеты, использование ядерной взрывчатки хоть и эффективно, но не слишком-то эффективно. Куда более надежным выглядит проект астронавтов Эдварда Лю и Стэнли Лава, которые предложили использовать «гравитационный трактор». Это будет сравнительно крупный автоматический корабль, который по прибытии на место должен неподвижно зависнуть над астероидом на небольшой высоте. Затем «трактор» включает свои ионные двигатели (маломощные, но зато чрезвычайно экономичные) и начинает медленно-медленно ускоряться. Астероид будет смещаться вслед за машиной – просто за счет силы гравитационного притяжения между скалой и космическим аппаратом. Нужно лишь регулировать силу тяги так, чтобы корабль не улетел прочь. И хотя сила притяжения будет чрезвычайно мала, по расчетам авторов проекта, 20-тонный «трактор» способен увести с опасной траектории 200-метровый астероид всего за один год буксировки.

Аналогичные расчеты проделала группа специалистов из Лаборатории реактивного движения НАСА в Пенсильвании. Этот проект финансирует Расти Швейкарт – бывший астронавт программы «Apollo» и председатель Фонда B612. Рассматривалось гравитационное влияние «трактора» массой в 1 тонну на гипотетический астероид диаметром 140 метров. Было показано, что даже слабый гравитационный рывок с расстояния в 150 метров позволит менять траекторию космического тела со скоростью 0,22 микрона в секунду.

Свой вариант «гравитационного трактора» предлагает британская компания «EADS Astrium». Группа инженеров во главе с Ральфом Корди разработала проект 30-метрового космического аппарата массой 10 тонн. Он будет подходить к опасным астероидам на достаточно близкое (около 48 метров) расстояние. Согласно расчетам, гравитационного воздействия будет достаточно, чтобы отклонить даже массивные астероиды диаметром 400 метров.

Еще более оригинальным выглядит проект инженеров американской компании «SpaceWorks Engineering» (SEI). Их идея состоит в том, чтобы высадить на астероид рой малых роботов, которые будут зарываться в грунт, выбрасывая породу в открытый космос и создавая таким образом импульс для изменения траектории небесного тела. Роботы, над которыми думают в SEI, по сути, являются космическими кораблями массой около 1 тонны и высотой 11 метров и называются «MADMEN» (Modular Asteroid Deflection Mission Ejector Node), что дословно переводится как «Сумасшедшие». На вопрос, сколько роботов потребуется для выполнения поставленной задачи, однозначного ответа нет. Возможно, их понадобится несколько тысяч, а может быть, не больше двух-трех. Выбор зависит от времени предполагаемого столкновения, размера астероида и других факторов.

Космические россыпи

Вполне возможно, что подготовка увода Апофиса с опасной орбиты потребует высадки на его поверхность астронавта. Случай представится очень скоро – в апреле 2029 года этот астероид пройдет на минимальном расстоянии – всего в 37 500 километров от поверхности Земли (для сравнения, геостационарные спутники находятся на высоте 35 786 километров). К этому моменту у НАСА уже будет в наличии новый космический корабль «Orion», способный летать до Луны, и соблазн воспользоваться случаем может оказаться непреодолимым.

Технологию же высадки отработают еще раньше – в НАСА обсуждается проект полета на шестиметровую космическую глыбу 2007 UN12 и на сорокаметровый астероид 2000SG344.

Если какой-нибудь из них утвердят, то астронавты смогут отправиться в исторический полет уже в 2017 году.

Подобная экспедиция станет первым шагом на пути к освоению богатств пояса астероидов. О неизбежности колонизации малых тел Солнечной системы писали еще основоположники космонавтики – например, Константин Циолковский. Благодаря малой, почти нулевой, силе притяжения астероиды являются довольно удобным местом для размещения космических баз и ракетодромов. Отсутствие атмосферы дает возможность с максимальной эффективностью использовать солнечный свет в качестве источника энергии. В то же время некоторые из астероидов являются настоящими сокровищницами. Например, астероид 1986 DA имеет в диаметре 2,3 километра, состоит из сплава железа с никелем и подходит к Земле на достаточно близкое расстояние. Астероид Клеопатра, по внешнему виду очень похожий на кость собаки, имеет довольно приличные размеры (217 километров в длину) и тоже состоит из железно-никелевого сплава. Однако добираться до него долго и скучно – нас разделяют 170 миллионов километров пустоты. Находящийся не так далеко от Земли двухкилометровый астероид Амон целиком состоит из металлов. Стоимость железа и никеля этого астероида оценивается в 8 триллионов долларов, кобальта – в 6 триллионов, металлов платиновой группы – примерно в 6 триллионов.

Специалисты утверждают, что в любом металлическом астероиде диаметром один километр содержатся запасы сырья, пятикратно превышающие годовое потребление стали в мире.

Астероиды могут стать не только источником превосходного сырья, но и основой для создания космических поселений и отелей. И кто знает, может, завтра из астероидов научатся делать межзвездные корабли? И тогда малые планетки Солнечной системы из космического «мусора» превратятся в галактических странников, путешествующих от звезды к звезде...

Еще один путь

Как видите, есть достаточно оснований для того, чтобы переориентировать космическую программу с Марса на астероиды.

В рамках вышеупомянутого «Гибкого пути» предложено три конкретные цели, которые можно поставить перед космическими агентствами при изучении астероидов. Первая – научное познание: астероиды могут дать нам бесценную информацию о том, как формировалась Солнечная система. Вторая – предотвращение угрозы из космоса: раньше или позже какой-нибудь из астероидов опасно приблизится к Земле, и мы должны быть готовы к тому, чтобы увести его в сторону. Третья – инвентаризация ресурсов малых тел Солнечной системы: астероиды содержат в себе различные полезные ископаемые, даже обычный водный лед в космосе – это огромная ценность (источник для искусственной биосферы и

водородно-кислородного топлива), которая впоследствии будет использована при создании межпланетной инфраструктуры.

К этому списку можно добавить еще и четвертую цель – спортивный интерес, ведь держава, граждане которой высаживаются на астероиды, на веки вечные зафиксирует свой приоритет в этой области. В истории уже остались и Юрий Гагарин, и Нейл Армстронг – войдет в историю и имя человека, который первым ступит на поверхность астероида.

Удачные полеты к космическим глыбам способны вызвать примерно тот же энтузиазм у населения, какой вызывали в 1960-е годы полеты на орбиту и к Луне. Тогда нас действительно ждет космический «ренессанс». Причем добиться успеха можно на базе существующих технологий – без строительства огромного и тяжелого межпланетного корабля, к которому пока даже подступиться не могут.

К сожалению, нынешнее руководство российской ракетно-космической отрасли не готово к пересмотру стратегии. По-прежнему основной целью является экспедиция на Марс, хотя уже очевидно, что при том весьма аховом положении дел, которое сложилось в отечественной космонавтике, подготовка к подобному полету выглядит пустым прожекторством.

Использованные источники

400-метровый астероид может поразить Землю 13 апреля 2029 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.membrana.ru/lenta/?4136>

Американские ученые бьют тревогу: Земля должна быть готова к встрече с астероидом Апофис-99942 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.newsru.com/world/20feb2007/asteroid.html>

Анти-Армагеддон: Миссия по спасению [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.popmech.ru/article/2109-anti-armageddon/>

Армия сумасшедших роботов может защитить Землю от астероидов [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

www.membrana.ru/articles/global/2004/05/19/204600.html?wire=mainsection

Бесплатное нападение на астероид поможет ученым защитить Землю [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.membrana.ru/lenta/?5013

Бог тьмы может взорваться в атомной вспышке [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.membrana.ru/articles/global/2005/07/26/180900.html>

Британия планирует построить гравитационный трактор, чтобы защитить Землю от астероидов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.infuture.ru/article/2337>

Гравитационный трактор: Отклонение угрозы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.popmech.ru/article/5896-gravitatsionnyiy-traktor/>

Гравитационный трактор спасет Землю от астероидов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://it-day.ru/blog/archives/1749>

Егоров А. НАСА ищет пришельцев и опасные астероиды / А. Егоров // Комсомольская правда. – 2009. – 13 апр.

Золотые астероиды // Наука и жизнь. – 2001. – № 3.

Изобретен гравитационный тягач для смертельных астероидов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.membrana.ru/lenta/?5332>

Карааш Ю. Космическая деятельность России опускается ниже уровня Китая и Индии / Ю. Карааш // Независимая газета. – 2008. – 27 окт.

Клубок проблем мешает реализации «луноной» программы NASA [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cnews.ru/news/top/index.shtml?2008/07/17/308777#>

Коротцев О. Астрономия для всех / О. Коротцев. – СПб.: Азбука-классика, 2004.

Котляр П. У США нет сил на Марс / П. Котляр [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.infox.ru/science/universe/2009/09/09/Amyerikancyy_socli_phtml

Мечта под названием 2007 UN12 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.inopressa.ru/article/27Aug2009/sueddeutsche/asteroid.html>

Миссия на астероид. Первая в истории высадка человека на астероид – 2017 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://galspace.spb.ru/orbita/asteroid.htm>

Мушаилов Б. О проблеме кометно-астероидной опасности / Б. Мушаилов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.astronet.ru/db/msg/1220319

Обнародован проект ядерного перехватчика астероидов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.membrana.ru/lenta/?7548>

Первушин А. Грядущий мрак / А. Первушин // Секретные материалы XX века. – 2009. – № 2.

Первушин А. Космическая каменоломня: полезные и вредные свойства астероидов / А. Первушин // Мир фантастики. – 2008. – № 12.

Почти все опасные астероиды найти можно, но нельзя [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.membrana.ru/lenta/?7000>

Предложен пилотируемый полёт на астероид [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.membrana.ru/lenta/?7028>

Симоненко А. Астероиды, или Тернистые пути исследований / А. Симоненко. – М.: Наука, 1985.

Специалисты представили высадку людей на астероид [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.membrana.ru/articles/technic/2007/08/01/205600.html>

Сурдин В. Неуловимая планета / В. Сурдин. – Фрязино: «Век-2», 2006.

Тренируйтесь на... астероидах! [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://globalscience.ru/article/read/404/>

Тунцов А. Кривая дорога ведет NASA в вакуум / А. Тунцов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.infox.ru/science/universe/2009/09/09/augustinecomissionreportsummaruyexpanded.phtml>

У NASA нет денег на наблюдение за астероидами, угрожающими столкновением с Землей [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.newsru.com/world/13aug2009/dangerous.html>

Ученые вообразили полет на Цереру в поисках жизни [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.membrana.ru/articles/global/2009/04/20/185300.html>

Эксперты заклеймили лунную программу NASA как «нежизнеспособную» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.newsru.com/world/09sep2009/luna.html

Astronomers Catch Images of Giant Metal Dog Bone Asteroid [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://impact.arc.nasa.gov/news_detail.cfm?ID=38

Coppinger R. NASA plans 'Armageddon' spacecraft to blast asteroid / R. Coppinger [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.flightglobal.com/articles/2007/08/03/215924/nasa-plans-armageddon-spacecraft-to-blast-asteroid.html>

Dog-Bone Shaped Asteroid 216 Kleopatra [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://apod.nasa.gov/apod/ap000510.html>

Oberg J. Which way for NASA? A step-by-step path / J. Oberg [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.msnbc.msn.com/id/32767421/ns/technology_and_science-space/

Sample I. Closer encounter: Nasa plans landing on 40m-wide asteroid travelling at 28,000mph / I. Sample [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.guardian.co.uk/science/2008/may/07/starsgalaxiesandplanets.spaceexploration>

Sonter M. The Technical and Economic Feasibility of Mining the Near-Earth Asteroids / M. Sonter [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.spacefuture.com/archive/the_technical_and_economic_feasibility_of_mining_the_near_earth_asteroids.shtml

Дмитрий Проскуряков

Альтернатива или предопределение?

(П. Бронхитский. Альтернативы нет. Роман. – Спб: «Другая Россия», 2010)

Представляю вам критический отзыв на одну из самых неоднозначных книг года. Жанр романа трудно определить: за броским модным сюжетом шпионско-политического боевичка скрывается вполне серьезная начинка альтернативно-исторической антиутопии.

Итак, на дворе – 1934 год. Повсюду – портреты императора всея Руси Иосифа I, великого вождя и руководителя ДНИПР, Демократической Народной Иосифлянской партии России, II съезд которой проходит в Москве. На съезде решается проблема возможной войны с враждебной коммунистической Германией, а также проблема увеличения темпов капиталистической индустриализации и коллектivизации. В народе наблюдается массовый трудовой энтузиазм и увлечение парашютным спортом.

Главный герой романа, охватывающего промежуток без малого 20 лет, – Алексей Алексеевич Срыбернгардт, 23-летний выпускник МГИМО, потомственный дворянин и дипломат, по совместительству капитан ГРУ (Главного разведывательного управления). Он готовится к своему первому ответственному заданию за «бугром» – прощупать на месте обстановку в американских «вервах» по поводу истинного их отношения к возможной войне: стоит ли надеяться на союзничество.

Пока все немного странновато. Но этот парадоксальный, вывернутый наизнанку мир четко обусловлен альтернативным развитием исторических событий. Отдельные намеки, штрихи и упоминания когда-то прошедшего и происходящего сильно разбросаны и распылены в тексте, поэтому я постараюсь их суммировать, свести воедино. Отвлечемся на время от главного героя и его приключений.

Итак, Октября не случилось, как не случилось, следовательно, ни Гражданской войны, ни диктатуры пролетариата, ни расстрела царя, ни военного коммунизма, ни нэпа, ни образования СССР. Почему? Ответ на данный вопрос у автора один: пролог романа представляет собой историю о крушении какого-то поезда. В этой аварии погиб В. И. Ленин, чья личность в истории нашей страны в 1917-м играла определяющую роль. 3 апреля 1917 г. один из поездов не прибыл на Финляндский вокзал Петрограда. Случайность или преднамеренное покушение – неизвестно, но факт тот, что никаких тебе «Апрельских тезисов», никаких пла-менных речей с броневичка и решительного руководства колеблющимися партийцами. Ни Троцкий, ни Зиновьев с Каменевым, ни Сталин не обладали столь же фанатичной убежденностью в своих идеях, таким же умением направлять события, таким влиянием и авторитетом в сочувствующих массах, как Ленин. Среди большевиков начался разлад. «Ну нет такой партии, нет!» Реальной оппозиции председателю Временного правительства А. Ф. Керенскому в России не оказалось. Временное правительство устояло, провозгласило 1 сентября 1917 г. республику, предотвратило стихийные попытки захвата власти большевиками и в начале 1918 г. заключило мир с Германией – плохонький, конечно, невыгодный, унизительный, стыдный, но все же мир, а это главное. Народ до смерти устал от войн, революции, разрухи и неурядиц.

Важное место занимают события в бывшей кайзеровской Германии. Автор утверждает, что германская революция в ноябре 1918 г. произошла бы все равно – если б даже не было Октября 1917-го, сильно на нее повлиявшего. Главным образом она была обусловлена поражением в Первой мировой и тяжелым положением масс. Только в этот раз революция развивалась по более мирному, буржуазно-демократическому сценарию, ибо марксисты-комму-

нисты еще не имели здесь достаточного влияния. Фашизм, между прочим, тоже не появился, ведь он был порождением реваншизма и антибольшевизма. Теперь же фашисты не смогли найти в Германии свою нишу: война, ко всеобщему удовлетворению, завершилась, одна за другой пошли реформы в области политики и экономики, а большевистской угрозы в мире не было. Впрочем, все впереди: немецкие экстремисты еще найдут свое место под солнцем в этом дивном новом мире.

Что же Россия? Учредительное собрание приняло решение о введении республиканской формы правления, прошли выборы в Государственную Думу, и было сформировано правительство с самым популярным политиком страны А. Ф. Керенским в качестве премьер-министра. Сталин умудрился занять кресло министра по делам национальностей (вопрос о тайных связях Кобы с царской охранкой и о влиянии этого факта на продвижение его во власть слегка затрагивается автором и решается положительным образом).

И начались рядовые парламентские будни, принятие законов, обсуждение поправок. Николай II с семьей, никому не нужный, спокойно доживал свой срок в невыездной тобольской ссылке, в ус не дул и продолжал как ни в чем не бывало вести свой бестолковый дневник. Расширялась экономическая свобода на селе и в городе, разрастались кооперативы и торговые товарищества. Потихоньку строились крупные промышленные предприятия.

Сталин тем временем не дремал. К 1927 г. он всерьез заговорил об опасности немецкой коммунистической интервенции в Россию, и, несмотря на уверения Чicherина, министра иностранных дел, о бессмыслице подобных заявлений, Stalin добился значительного увеличения армии, контрразведки и внутренних органов безопасности. Постепенно произошло сближение Сталина, специалиста по национальностям, с крайне правым Пуришкевичем, черносотенцем и монархистом до мозга костей, – пока что на почве утверждения русского народа как главенствующего в Российской республике. Товарищи Кобы по партии, члены правительства и Госдумы не вполне осознавали смысл подобного дуумвирата – они поймут его позже. Вскоре Stalin совмешал уже несколько должностей, в том числе министра по сельскому хозяйству и министра внутренних дел, и оказывал все большее влияние на премьер-министра Керенского.

1929 г. стал годом Великого Перелома в российской политике и экономике. 21 января неожиданно умер Керенский. Неизвестно, приложил ли Коба свою волосатую лапу, но, во-первых,

Пуришкевич высказался в своих запрещенных мемуарах на этот счет достаточно недвусмысленно, а во-вторых, последующие действия Иосифа Виссарионыча наводят на подозрение, что для него единственного произошедшее не стало неожиданностью. По закону следовало избрать нового премьер-министра из числа действующих чиновников на очередном заседании Думы, но Stalin, трезво оценив свои шансы, форсировал развитие событий...

Хуже всех дела в этот год обстояли в Германии. Гигантская инфляция – на несколько порядков выше, чем где-либо, – неурожай, голод, как инфлюэнца, поразили страну. На волне общественного недовольства к власти совершенно легально, путем выборов, пришла Коммунистическая партия Германии, истинные наследники Маркса и Энгельса. Лидеры КПГ, Карл Либкнехт, Клара Цеткин и Роза Люксембург, имели «тайное пропагандистское оружие» – отставного ефрейтора Шикльгрубера, который, за неимением ничего лучшего, присоединился к коммунистам и сделался главным партийным оратором и агитатором. Его экстремистские взгляды, за исключением разве что неинтернационалистического антисемитизма, были очень близки социалистам. Мало-помалу Гитлер-Шикльгрубер оттеснит постаревших и не столь пламенных революционеров на второй план, и в 1933 г. станет вождем (нем. Fuhrer) КПГ.

А пока Сталин объявил, что необходимо срочно мобилизовать армию, а выборы премьер-министра проводить просто некогда. Пользуясь чрезвычайным положением и постом министра внутренних дел, Сталин ввел в столицу танки и под шумок умудрился арестовать Троцкого и Милкова. Компромата на конкурентов у Сталина было хоть отбавляй, оставалось только пришить им шпионаж в пользу Германии и попытку государственного переворота. В народ активно внедрялась мысль, что именно благодаря решительным действиям мудрого Сталина немецкие коммунисты не напали. О выборах как-то само собой забылось. Скоро Сталин возложил на себя обязанности премьера, по пути разоблачив черновско-бухаринскую и родзянко-зиновьевскую антиправительственные оппортунистические группировки. И никто пикнуть не успел, как наступил 1934 г. Сталин провозгласил себя императором Иосифом I из династии Рюриковичей.

Ни больше, ни меньше. Всего 17 лет прошло после Февральской революции и низложения монарха.

Как же так? А довольно просто. Года за два до этого бывшему черносотенцу Пуришевичу был предоставлен пост министра культуры, просвещения и печати, и тот принялся, дорвавшись, изо всех сил проповедовать свои царистские, антисемитские, русофильские и ксенофобские идеалы. Причем с особо сладкой ностальгией им описывалось не правление Николаши II (которое еще многие помнили и которое отнюдь не было золотым веком), а стародавние времена Иоанна Грозного – какой был при нем порядок и как процветало государство Российское. К этому моменту положение масс в стране несколько ухудшилось, так как поощрившееся правительством частное предпринимательство разорило особо бедные слои и обогатило другие. И, что интересно, тем и другим хотелось сильной власти: одним – чтобы царь-батюшка защитил от учиняемого разорения, другим – чтобы защитили от незаконного разграбления. К тому же по многим ощутимо вдарили кризис 1929 г.

Коба провел свою генеалогию от самого Иоанна Грозного: легенда о царевиче Димитрии, невинно убиенном в 1591 г. в Угличе, пригодилась не только самозванцам Смутного времени. Вроде как царевича подменили на безвестного ребенка, а его самого увезли в Грузию, подальше от Бориски Годунова. И вот, через три с лишним века, потомок невостребованного царевича прерванной династии может заслуженно занять трон.

Итак, в 1934 г. страна получила монарха совершенно нового типа – сына сапожника, бывшего семинариста и террориста, социал-демократа и большевика, бывшего Кобу Джугашвили, а теперь – глядите-ка – Иосифа I Рюриковича. Мир рукоплескал и восторгался: большевистская опасность в России миновала окончательно и бесповоротно. Российский народ, кстати, принял столь разительную перемену в статусе страны и ее правителя совершенно спокойно: любой правитель в России по сути – монарх.

За 7 лет, оставшиеся до войны, Иосиф I окончательно прибрал к рукам всю оставшуюся власть, упразднил Думу, а бывших соратников по партии и по правительству благополучно сгноил на Соловках и на Беломорканале – как, впрочем, и представителей династии Романовых, «незаконно узурпировавшей власть, воспользовавшись Смутой 1613 г.». Кулаки, подкулачники, враги народа, шпионы – все вошло в привычную для нас колею.

Здесь проблема альтернативы и предопределения встает в очередной раз со всей остроностью: неужели даже в случае отсутствия в истории Октябрьской революции 1917 г. Сталин все равно пробился бы к власти, в каком бы то ни было качестве? Вопрос спорный, и отвечать на него столь же однозначно, как рецензируемый автор, нельзя. Хотя, согласитесь, а ведь что-то в этом есть...

Как раз в исторические минуты II съезда ДНИПР мы и встречаемся с главным героем романа «Альтернативы нет» Алексеем Алексеевичем Срыбернгардтом, начинающим дипломатом, по совместительству капитаном ГРУ. Он с юношеским восторгом принимает изменения в политике страны. Будучи сам монархистом и потомственным дворянином, он счи-

тает, что традиционные, вековые устои не должны нарушаться. Срыбернгардт с энтузиазмом вступает в ДНИПР (Демократическую Народную Иосифлянскую партию России), названную так в честь великого вождя, премьер-министра и императора, клянется ему в верности.

Отягощенный заданием выяснить четкое отношение американского правительства к происшедшему в России переменам, дипломат и капитан ГРУ А. А. Срыбернгардт отбывает в США и ведет там успешные переговоры, потихоньку выведывая промышленные и военные тайны. Из-за «бугра» продолжает наблюдать за событиями на родине – и смутно чувствует какую-то неправильность, надуманность происходящего. Заговоры какие-то, диверсанты... Срыбернгардт постепенно понимает, что Иосиф I – далеко не тот монарх, о котором мечталось, но родина есть родина: правители меняются, а страна остается.

А затем наступает 1941 г., и коммунистический Рейх вероломно нападает на монархическую Россию. Мир наизнанку. В Германии, на родине Маркса и Энгельса, под влиянием кризиса 1929 г. усилилась и окрепла компартия, и в ней возобладали и слились воедино ленинская идея мировой революции и гитлеровские бредни о расширении жизненного пространства для немецкого народа. И все это национал-социалистическое варево было круто замешано на бытовом антисемитизме, получившем статус государственной политики. Этакий чудовищный мичуринский гибрид. Свастика, серп и молот.

Причин для второй русско-немецкой войны было несколько. Во-первых, немецкие коммунисты не могли простить предательство русскими большевиками идей Маркса. Главный лозунг, таким образом, стал: «Бей буржуев и жидов», что, в общем-то, было для немцев одним и тем же. Во-вторых, престарелый «имперский староста» Пуришкевич, министр культуры и пропаганды, со своей стороны, в долгу не остался и объявил, что вот немцы-то и есть самые настоящие, только хитро замаскировавшиеся, евреи, жида-масоны. А мы знаем, что и Гитлер, и Геббельс имели по одной из линий тщательно скрывавшиеся еврейские корни. Немецкая пропаганда взбеленилась от ярости и объявила в ответ, что на самом-то деле все поголовно славяне и есть евреи и что пока последний славянин-еврей не будет уничтожен, ни один истинный ариец-коммунист не может спать спокойно. Смысл грядущей войны затеялся, таким образом, в совершеннейшем тумане пропагандистской ахинеи – и там, и тут собирались воевать с мифическими евреями.

Несмотря на неожиданное и быстрое нападение (блицкриг), немецкая армия не смогла добиться существенных успехов, и в феврале 1942 г. все было кончено: русские царские войска стояли в Берлине, американские, английские и французские – на подступах, а Адольф Гитлер благополучно отравился. Германия (вместе со своим союзником Польшей) была превращена в Западно-Российскую область. Огромные территории, широкие реки, лучшее в империи пиво – «Русское Баварское»... «Выдь на Эльбу – чей стон раздается над великою прусской рекой?..»

Казалось бы, все хорошо, родная страна процветает. Но герой нашего романа, А. А. Срыбернгардт, замечает, что отношение к России в мире меняется – ведущие государства боятся явного ее усиления и территориальной экспансии. Около двух лет уходит у Срыбернгардта на выяснение некоторых подозрительных обстоятельств, и, наконец, он узнает, что в США полным ходом идет создание нового секретного супероружия – атомной бомбы.

В 1945 г. происходит межгосударственный конфликт – Иосиф I Рюрикович заявляет, что Российская империя, включающая в себя Западно-Российскую область, бывшую Германию, имеет полное право на все положенные территории. А именно – на французские провинции Эльзас и Лотарингию. Америка вмешивается; на встрече в верхах Сталин ставится в известность о новом страшном оружии массового уничтожения. Но благодаря своевременным донесениям А. А. Срыбернгардта Коба I уже в курсе: он блефует, заявляя, что может ответить тем же (русская бомба только в стадии разработки). Президент США Трумэн поддается на блеф и отступается. В России самый актуальный вопрос тех дней: «Как нам обу-

строить Германию, а с нею – Эльзас и Лотарингию?» Но в воздухе сгущается запах серы – грядет очередная мировая война.

На фоне зловещей политической ситуации разворачивается захватывающий шпионский боевик: А. А. Срыбернгардту поручено как можно быстрее раздобыть чертежи и инструкции к созданию атомной бомбы, чем тот по мере сил и занимается. Одновременно американская контрразведка выходит на русского резидента (официально – посла) и предлагает ему (за немалое вознаграждение) сотрудничество. Поначалу Срыбернгардт отказывается, но опытные црушники открывают ему глаза на некоторые очевидные вещи. Император всея Руси Иосиф I Рюрикович, дядюшка Джо, стал стар, угрюм, упрям, мнителен, подозрителен, жесток. Провел очередную чистку в руководящих партийных органах. То и дело в Западно-Российской области раскрывают очередной заговор коммунистического подполья и людей расстреливают тысячами. Закапывают прямо в оврагах. Лагеря переполнены. Достаточно любого доноса на человека, что он – коммунист или еврей, и человек бесследно исчезает в недрах служб безопасности. А теперь у Кобы Джугашвили появилось еще и ядерное оружие. На что оно его подтолкнет? Он уже угрожает в ближайшее время присоединить к своей империи Чехословакию, Венгрию, Болгарию, Румынию и Китай. Но это – общемировая война, а ее нельзя допустить.

Алексей Срыбернгардт – патриот своей родины и предателем быть не собирается, но понимает, что ситуация действительно выходит из-под контроля. Понимает, что кто-то должен предотвратить катастрофу. И он идет на соглашение с ЦРУ. Его якобы «раскрывают», устраивают громкий публичный процесс по поимке шпиона. Российское правительство выменивает его на пойманного ранее американского разведчика, и вот майор ГРУ А. А. Срыбернгардт снова на родине, которая действительно немало изменилась за 15 лет. И, кажется, не в лучшую сторону. На правах опытного прославленного работника невидимого фронта Срыбернгардт крутится в высших эшелонах власти и понимает, что информация, которой его снабдило ЦРУ, полностью соответствует действительности. И он решается приступить к выполнению своей части договора.

Постепенно Срыбернгардт все ближе и ближе подбирается к дряхлому, но еще могущественному императору, выступает на съездах ДНИПР и на митингах, требует расстрела очередных врагов народа, беседует в кулуарах и в будуарах с особо приближенными лицами, сужает и сужает круги и наконец попадает в личную охрану Сталина. И в 1953 г. Срыбернгардт осуществляет задуманное: император умирает, так и не дождавшись врачебной помощи. Призрак атомной войны отступает на второй план.

Зато начинается внутрипартийная борьба за власть. И тут на помощь приходит Америка («Заграница нам поможет!»). Она предоставляет огромный кредит на проведение всеобщих демократических выборов и введение новой – президентской – формы правления (это называется «план Маршалла»). Последние годы жизни Сталина запомнились народу не с лучшей стороны, да и члены Имперского Политбюро, сталинские приближенные, не видят иного способа сохранить легитимность своей власти. Для проведения выборов принимается новая конституция, теперь уже по американскому образцу. Кандидатами в президенты становятся партийные соратники бывшего вождя-монарха: Жуков, Маленков, Хрущев, Молотов.

А. А. Срыбернгардт, как старый убежденный монархист и иосифлянин с 1934 г., со II съезда партии, не приемлет нововведений и в корне с ними не согласен: такого оборота событий после устранения Сталина он, в отличие от его заморских «друзей», не ожидал. Он настаивает на уникальном пути России среди стран мирового сообщества и независимости от Америки. Он сдает американского резидента российским властям, чем окончательно разрывает свой тайный союз с ЦРУ. Он вступает в сговор с министром госбезопасности Берийей, и они готовят государственный переворот по возврату к монархии. Они намереваются высту-

пить в день после выборов, объявив их незаконными и сфальсифицированными. Но руки у Америки длинные: в назначенный день, когда по всему видно, что победит народный любимец полководец Жуков, когда Берия со Срыбернгардтом едут в бронированной машине в сопровождении вооруженных сотрудников МГБ, вдруг происходит взрыв. А. А. Срыбернгардт и Л. П. Берия гибнут, и государственный переворот срывается. Их клеймят как отсталых сторонников реставрации монархии, французских шпионов – и предают анафеме.

В последнюю секунду жизни перед глазами Алексея Срыбернгардта проносится, как водится, вся его жизнь, полная нужных знакомств, ответственных заданий и опасных погонь; и пока он еще не сгорел, Срыбернгардт понимает, что все-таки не успел главного – предотвратить беду и повернуть локомотив истории в другую сторону, прочь от гибельного пути обезличивания родины и превращения ее в марионетку, подражающую чужому шаблону.

Какова мораль романа «Альтернативы нет»? Каковы выводы? Есть ли они? И насколько они своевременны? Автор предлагает додумать это самостоятельно. Мы сегодня и сами прекрасно видим, как наша реальность местами все больше скатывается к западному образу жизни и «американской мечте». Есть ли у России, в самом деле, свой путь? И основной, как мне кажется, вопрос звучит так: что же правит историей – расходящиеся альтернативные пути или жесткое предопределение, от которого, как ни пытаются, не уйти? Что же все-таки – альтернатива или предопределение?

3

Информаторий

«АБС-премия» 2010

12 апреля Борис Стругацкий назвал финалистов Международной литературной премии имени А. и Б. Стругацких («АБС-премии»).

Премия была учреждена в 1998 году санкт-петербургским Центром современной литературы и книги при участии Правительства и Законодательного Собрания города и вручается ежегодно.

По итогам 2009 года в шорт-лист премии включены:

Проза:

Яна Дубинянская «Глобальное потепление» – М.: ПрозаиК, 2009.

Андрей Рубанов «Хлорофилия» – М.: АСТ, 2009.

Михаил Успенский «Райская машина» – М.: ЭКСМО, 2009.

Критика и публицистика:

Евгений Лукин «Недоразумения длиною в двадцать лет» – журнал «Полдень, XXI век», 2009, сентябрь.

Сергей Переслегин «Анти-РЭНД, или Новые карты Будущего» – СПб.: Terra Fantastica, М.: АСТ, 2009.

Николай Романецкий «Тринадцать мнений о нашем пути» – Липецк: Крот, 2009.

Награждение финалистов и лауреатов состоится 21 июня 2010 года.

Справки по телефонам (812)-328-67-08; (812)-323-52-95 и по электронной почте: dodola@mail.ru.

Комплект серебряных стрел на лето

В Москве пройдет фестиваль фантастики «Серебряная стрела».

Кто-то говорит, что «Серебряная стрела» – фестиваль для МТА (молодых талантливых авторов), кто-то – что он создан в пику «старым» конвентам.

Сами организаторы рады молодым и старым, талантливым и не очень, авторам и читателям. «Серебряная стрела» – это в первую очередь шоу. Фантастическое шоу. Там можно увидеть, как реконструкторы в полном облачении наглядно демонстрируют сцену боя из любимой фантастической книги, как актеры визуализируют рассказы писателей. Концерты, музыка, танцы…

Впрочем, пищей для ума там тоже кормят: литературные семинары, мастер-классы, творческие студии.

Подводятся на фестивале и итоги года. Номинации не очень привычны литературной среде, скорее они напоминают киноиндустрию. Это там дают «Оскара» за лучшую роль второго плана или лучшую женскую роль. На «Серебряной стреле» дают медали (да-да, настоящие зарегистрированные медали) за лучшие литературные образы. Ведь в памяти читателей остается не абстрактная «книга», а вполне конкретные любимые герои. Значит, и оценивать нужно героев!

Выборы проходят демократично: никаких списков! Если читатель после прочтения не может вспомнить, как зовут персонажа романа, то грош цена такому роману.

В первом туре на сайте «Серебряной стрелы» www.silvercon.ru любой желающий может выдвинуть своих номинантов. Набравшие наибольшее количество голосов попадают во второй тур, который проходит уже непосредственно на фестивале.

В этом году конвент «Серебряная стрела» пройдет с 25 по 27 июня в Подмосковье.

Голосование на сайте уже началось! Выдвигайте номинантов.

Рыженкова Юлия,

председатель Оргкомитета фестиваля фантастики «Серебряная стрела»

«Портал» – 2010

Вот уже в седьмой раз в Киеве прошла Международная ассамблея фантастики «Портал»: как обычно, посреди весны (8-10 апреля) и, традиционно, в рамках Киевской книжной ярмарки «Мэдвин».

Кризис не утихает, журнал «Реальность фантастики» остается в летаргическом состоянии (выходит в электронной форме, на DVD-дисках) – поэтому, к сожалению, «Портал» второй год проходит в «экономичном» режиме, без приглашения почетных гостей из дальнего зарубежья (напомним, что ассамблею посещали Анджей Сапковский, Роберт Шекли, Гарри Гаррисон, Джон Краули). И все-таки «Портал» остается верен себе: с самого своего основания ассамблея следует принципу «Фантастика – литература». И семинары «Портала», и номинационные списки, и, конечно же, списки лауреатов – всё свидетельствует о том, что нет никакой непреодолимой границы между «жанровой литературой» и «литературой вообще».

Именно семинарская работа стала центром седьмой ассамблеи: речь шла не только и даже не столько о фантастике, сколько о литературном процессе, явлениях культуры и истории. Со стороны «мейнстрима» выступали главный редактор «Нового мира» (и член жюри «Портала») Андрей Васильевский и литературный критик Сергей Костырко; о трансформации в современной русской фантастике идеологем, связанных с Великой отечественной войной, размышлял Андрей Валентинов; о лауреатах зарубежных фантастических премий и тенденциях в англоязычной фантастике рассказал Михаил Назаренко; Виталий Костырко поведал о практиках якутских шаманов, а Григорий Панченко – о «лжеди-митриаде» и ее последствиях для русской истории и культуре... Вне самого широкого контекста фантастика задохнется: об этом «Портал» помнит прекрасно. О том же, по сути дела, шла речь и на мастер-классах Марии Галиной (украиноязычные рассказы), Михаила Назаренко (рецензии), Аркадия Штыпеля (поэзия). Состоялись презентации издательства «Снежный ком М» и IV Крымского фестиваля фантастики «Созвездие Аю-Даг».

Как обычно – прошли прекрасные поэтические чтения (Ника Батхен, Андрей Васильевский, Мария Галина, Аше Гарридо, Олег Ладыженский, Аркадий Штыпель); уже второй раз порадовал спектакль Театральной студии «DEEP»; конечно, завершилось все традиционным «Булгаковским балом». А кульминацией, конечно же, стало вручение премий. «Фантастика – литература», – повторяет «Портал», и, судя по реакции сетевой общественности, голос киевского конвента слышен хорошо.

Премии «Портала-2010»

Крупная форма: Мария Галина. «Малая Глуша»

Средняя форма: Павел Амнуэль. «Что-нибудь светлое...»

Малая форма: премия не присуждена

Критика, литературоведение, эссе:

– книги, циклы статей: Владимир Гопман. «Любил ли фантастику Шолом Алейхем?»

– статьи: Леонид Фишман. «Зачем менять историю?» **Книга на украинском языке:**

Володимир Сшкшев. «Богиня і Консультант»

Переводная книга: Гай Гэвриэл Кей. «Изабель» («Эксмо» – «В. Секачев»)

Открытие себя (имени В. И. Савченко): Мариам Петросян. «Дом, в котором...»

Премия имени Булгакова: режиссер Виталий Малахов

Художественный Портал: Дмитрий Кравцов

Состав профессионального жюри: Андрей Васильевский; Ираклий Вахтангишвили, Лев Данилкин, Владимир Ларионов, Николай Макаровский, Михаил Назаренко (председатель жюри), коллективный голос сайта «Лаборатория фантастики» (fantlab.ru) – результаты 1-го тура онлайн-голосования «Книга года».

Состав профессионального жюри номинации «Книга на украинском языке»: Владимир Брискин, Татьяна Кохановская, Аркадий Штыпель.

Лауреат номинации «Переводная книга» определен общим голосованием участников ассамблеи.

Михаил Назаренко

«Роскон» – 2010

1 по 4 апреля в пансионате «Лесные дали» под Москвой прошел очередной, десятый по счету общероссийский конвент любителей фантастики «Роскон».

Приводим список лауреатов нынешнего «Роскона».

Роман:

1 место («Золотой РОСКОН») – Сергей Слюсаренко «Кубатура сферы».

2 место («Серебряный РОСКОН») – Сергей Лукьяненко «Недотёпа».

3 место («Бронзовый РОСКОН») – Генри Лайон Олди, Андрей Валентинов «Алюмен».

Повесть, рассказ:

1 место («Золотой РОСКОН») – Олег Дивов «Стрельба по тарелкам».

1 место («Золотой РОСКОН») – Дмитрий Колодан, Карина Шаинян «Жемчуг по крови».

2 место («Серебряный РОСКОН») – Евгений Лукин «Чичероне».

3 место («Бронзовый РОСКОН») – Владимир Васильев «Ведьмачье слово».

Фантастиковедение:

1 место («Золотой РОСКОН») – Генри Лайон Олди «Десять искушений матерого публиканта».

2 место («Серебряный РОСКОН») – Дмитрий Байкалов, Андрей Синицын «Миссия (очень личные воспоминания)».

3 место («Бронзовый РОСКОН») – Антон Первушин «Предтечи».

Сборник (составителю):

Евгений Гаркушев «Точка встречи».

Интернет-Роскон:

FantLab.ru – Лаборатория Фантастики.

Приз «Фантаст года»:

Вадим Панов.

Большой РОСКОН:

Арсен Аваков;

Ирина Гурова.

Приз «Алиса»:

Андрей Жвалевский, Евгения Пастернак «Время всегда хорошее».

Премия «Час быка»:

Александр Громов «Шанс для динозавра».

Источник информации: <http://fantlab.ru/award20>

Редакция нашего альманаха поздравляет лауреатов и желает им дальнейших творческих успехов.

Наши авторы

Владимир Голубев (род. в 1954 г. в г. Кинешма Ивановской обл.). Учился в Рязанском радиотехническом институте. Писать фантастику начал в 2005 г. Автор книги «Гол престижа». Печатался в журналах: «Уральский следопыт», «Порог», «Шалтай-болтай», «Безымянная звезда». В нашем издании произведения автора публиковались неоднократно.

Андрей Кокоulin (род. в 1973 г. в г. Нарьян-Мар Архангельской обл.). Окончил университет экономики и финансов (СПб). Живет и работает по специальности в Петербурге. Публикаций прежде не было.

Алексей Корепанов (род. в 1953 г. в Калинине, ныне Тверь). Закончил исторический факультет Калининского госуниверситета. В настоящее время живет в Кировограде (Украина), работает редактором альманаха «Порог-АК». Автор нескольких фантастических романов, а также повестей, рассказов и стихотворений. Член Союза писателей России. В нашем альманахе печатался рассказ «Труба зовет» (юбилейный номер 2008 г.).

Юрий Косоломов (род. в 1957 г. в Подмосковье, окончил МГИ-АИ (историко-архивный институт), учился в аспирантуре С. – Петербургского филиала Ин-та социологии РАН. Живет в Полтаве (Украина), работает переводчиком с немецкого языка, а также сборщиком мебели. В нашем альманахе печатался неоднократно.

Илья Кузьминов (род. в 1986 г.). Закончил географический факультет МГУ, учится в аспирантуре Института географии РАН. Занимается проблемами устойчивости рассредоточенных промышленных систем. В нашем альманахе печатался неоднократно.

Антон Первушин (род. в 1970 г. в Иваново). Выпускник санкт-петербургского политехнического университета. Член Союза писателей СПб. Член Федерации космонавтики России и Союза ученых Санкт-Петербурга. Член семинара Бориса Стругацкого и литературной студии Андрея Балабухи. Публикуется с 1990 года. Автор острожюжных романов и документально-исторических книг. Лауреат нескольких литературных премий. В нашем альманахе печатался неоднократно. Адрес персональной страницы: <http://apervushin.narod.ru>

Дмитрий Проскуряков (родился в 1976 г. в Перми), выпускник исторического факультета местного университета. Страница в Интернете с образцами короткой прозы находится по адресу http://zhurnal.lib.ru/p/proskurjakow_d. Работает в рекламном агентстве, живет в Перми. В нашем издании публиковался неоднократно.

Владимир Томских (род. в 1984 г. в Чите). Окончил Читинский госуниверситет по специальности «химик». Писать начал в 2005 г. Печатался в журналах «Веси» (Екатеринбург) и «Искатель» (Чикаго), а также в антологии «Фантастика 2009: Змеи Хронос» (изд. АСТ). Живет в Чите, работает по специальности.

Александр Щёголев (род. в 1961 г. в Москве). Член Союза писателей СПб. Считается одним из основоположников российского киберпанка (повесть «Сеть» в соавторстве с А. Тюриным, написанная в 1989 г.). Лауреат нескольких литературных премий. Член жюри «АБС-премии». В нашем альманахе публиковался неоднократно. Живет в Санкт-Петербурге.